

Это была адская поездка. Я проглотил первую книгу
и понял, что мне нужно продолжение.

ГЛЕН КУК

ДЖЕНН ЛАЙОНС

18+

Имя
ВСЕГО
СУЩЕГО

fanzon

Fanzon. Наш выбор

Дженн Лайонс

Имя всего Сущего

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Лайонс Д.

Имя всего Сущего / Д. Лайонс — «Эксмо», 2019 — (Fanzon. Наш выбор)

ISBN 978-5-04-178954-1

Кирина Де Мон, пожалуй, самый разыскиваемый человек в мире. Уничтожив Кандальный камень и освободив демонов по всему Кууру, Кирина вынужден скрывается от гнева целой империи. А когда он случайно сталкивается с Джанель Теранон, ко всем прочим неприятностям добавляются тайное восстание, дракон, способный уничтожить целый город, и старый враг Кирина, волшебник Релос Вар. Джанель считает, что Вар обладает одним из самых могущественных артефактов в мире – Краеугольным камнем, называемым Именем всего Сущего. Если она права, то в мире нет преград, способных помешать мстительному волшебнику получить желаемое. А желает он голову Кирина Де Мона.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-178954-1

© Лайонс Д., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Провинции империи (в порядке их завоевания)	6
Предисловие	7
Часть I	9
1: Преступники из Барсины	19
2: Гнилой Плод	30
3: Правосудие барона	39
4: Дитя, нужное демону	48
5: Правосудие графа	56
6: Турнир в Джорате	65
7: Планы атаки	73
8: Безумец	81
9: Соревнование	87
10: Удушье Мерейны	97
11: Восемь Врат	107
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Дженн Лайонс Имя всего Сущего

Для Бетани, чьи вера и дружба – настоящее золото.

Jenn Lyons
THE NAME OF ALL THINGS

Copyright © 2019 by Jenn Lyons

Перевод *Ксении Янковской*

fanzon

© К. Янковская, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Провинции империи (в порядке их завоевания)

Куур – технически не является провинцией. Куур был городом-государством, которым правил бог-король Гаурас, который был убит Симиллионом, объявившим себя императором и начавшим затем расширять принадлежащие ему земли. Куур и сейчас остается столицей одноименной империи.

Эамитон – присоединен к империи в 1 году от С.К. (от Счисления Куура) после брака Симиллиона и богини-королевы Дины. Единственная провинция, присоединенная к империи мирным путем, и ее жителям дарованы огромные привилегии по сравнению с остальной империей.

Хорвеш – вошел в состав империи в 5 году от С.К. после смерти местного бога-короля Иниса. Коренное население – триссы – было или уничтожено, или изгнано. Потомки эамитонцев и куурцев, заселивших эти земли, храбры и славятся на поле боя.

Казивар – завоеван в 43 году от С.К. императором Нериканом, завершившим военную кампанию, начатую сорок два года назад после гибели бога-короля этих земель Немезана от руки императора Симиллиона. Большинство местных жителей были насильно ассимилированы, после чего расширение империи остановилось почти на тысячелетие, что по большей части вызвано мирным нравом императора Самара Устроителя.

Раэнена – присоединена к империи в 1533 году от С.К. императором Атрином Кандором. Люди до сих пор спорят, были эти владения покорены силой или присоединены мирно. Многие считают, что Кандор уничтожил местных жителей – дреттов, чтобы получить доступ к рудникам и шахтам этого региона.

Джорат – завоеван империей в 1612 году от С.К. со смертью бога-короля Хорсала, павшего от руки императора Кандора. Им же была построена запруда на реке Зайбур, погрузившая под воду Бесконечный Каньон. После этого появились озеро Джорат, Демонские водопады и Атрин, позднее ставший столицей этих владений.

Кирпис – завоеван в 1699 году от С.К. императором Кандором, изгнавшим из этих земель местных жителей – ванэ – во главе с их королем Теринделом. Ванэ из Кирписа бежали в Манол, к своим дальним родичам, ванэ из Манола. В 1709 году от С.К., преследуя беглецов, император Кандор погиб. Его меч, Уртанриэль, известный также как Погибель Королей, был утерян.

Маракор – присоединен к империи в 1962 году от С.К. императором Джалором, завершившим кампанию, длившуюся двести сорок лет, и объединившим воюющие города-государства и спорящие между собой правящие Дома этого региона. Именно Джалор назвал объединенные владения Маракором, поскольку ни один из правящих Домов не желал, чтобы их владения носили это имя. В виде наказания за длительное неповиновение мятежное население Маракора было приговорено к суровым карам.

Йор – завоеван императором Гендалом относительно недавно, в 2044 году от С. К. Даже не владея Уртанриэлем, Гендал смог убить королей-богов Йора, Чертхога и Сулесс, однако регион и по сей день остается негостеприимным, а его граждане по-прежнему недовольны правлением Куура. Хоть в жилах нынешнего герцога, Ажена Каэна, и течет кровь одного из куурских генералов, завоевавших эти земли, но он все равно остается йорцем.

Предисловие

Мой дорогой господин Вар!

Поскольку Вы просили меня рассказать Вам о нынешней ситуации в Джсорате, направляю Вам свой отчет об этом. Я слегка схитрила и воспользовалась тем, что Джсанель сама рассказала эту историю, ведь лучше всего узнать все из первых уст, не так ли? Кроме того, ваш младший брат тоже находится здесь, и я уверена, вам это очень понравится.

Я приукрасила не так уж много, как можно подумать, – использование артефакта, который может проверить информацию, очень помогает. Вклад нашего друга тоже был поистине неоценим. Сперва он не хотел помогать, но я убедила его прислушаться к голосу разума. Уверена, в конце концов он бы привел свои записи в некое подобие порядка, но у нас нет времени читать академическое дерьмо. Не обижайтесь, но вы видели его стенограммы? Несомненно, он очень любит зря трепать языком.

Лучше уж я сделаю все сама.

Надеюсь, вы простите мне эту случайную творческую вольность, но если отродье Де Лоров может себе это позволить, то почему я – нет? Так что по пути я оставила несколько заметок.

В любом случае, как выяснилось, вы можете справиться с императором, освободить всех демонов и разрушить половину столицы Куура, но...

Вы ведь знаете, как я люблю счастливые финалы.

*Всегда ваша верная и покорная служанка,
Сенера.*

И еще одно, мой господин.

Полагаю, я должна объяснить, что на самом деле произошло в столице.

Если коротко: во всем виноват Гадрит. Наш любимый немертвый некромант возомнил, что все эти пророчества говорят о нем и только о нем. Его грязные замыслы похитить у всех, включая нас, Уртанриэль... Планы, которые он взращивал тридцать лет, были наконец воплощены в столице. И это закончилось очень нехорошо для Гадрита. Ну, и для столицы.

Гадриту был нужен Кандальный Камень, и для него это было проблемой, потому что он понятия не имел, где тот находится. Мы-то знали, но он-то у нас не спрашивал! Разумеется, нет! Он просто интриговал, строил козни и завербовал пару членов королевского Дома – Дарзин Де Мон был настоящей находкой! – пока наконец не понял, что то, что он ищет, висит на шее давно потерянного сына Верховного лорда, Кирина!

Вот только чтобы выяснить это, мимик Дарзина Де Мона – Коготь – убила, ну, почти всех, с кем Кири́н когда-либо разговаривал. Кири́н ненавидел Дарзина до глубины души. Тем не менее Дарзин утверждал, что Кири́н был его сыном, и, как бы смешно это ни звучало, настоящий отец Кирина просто спустил Дарзину это с рук. После этого Дарзин попытался запудрить мозг бедному мальчику для того, чтобы получить Кандальный Камень. Используя для этого в основном Турвишара Де Лора и какую-то рабыню, в которую Кири́н был влюблен.

Это не сработало, но это, конечно, не было заслугой Кирина. Все традиционно испортила Коготь – так же, как она всегда это делала. Именно Коготь отправила Кирина на невольничий корабль, и, в конечном итоге, именно благодаря ей Черное Братство вцепилось в мальчишку своими клешнями. И в итоге Кири́н спустя четыре года возвращается в столицу, пройдя обучение у лучшего фехтовальщика и обретя друзей! Отличная работа, Коготь!

Но Кирин недооценил готовность Гадрита идти по трупам. Колдун захватил Синий Дворец и пригрозил казнить семью Кирина, если тот не отдаст ему Кандальный Камень. Кирин, конечно, отдал. После чего Гадрит быстро его убил.

Точнее, Гадрит приказал Дарзину убить Кирина, принеся того в жертву демону Ксалторату, что, без сомнения, было всего лишь одним из пунктов его злобного плана по захвату мира.

Или, вы думаете, принести в жертву Кирина достаточно для того, чтобы убить его?

Оно бы так и вышло, но тут мы опять можем поблагодарить Коготь. Ни Гадрит, ни Дарзин не знали, что за время своего отсутствия у Кирина появился гаэши. А вот Коготь знала и оставила себе талисман, с помощью которого можно управлять Кирином. В сочетании с нашей Джанель, лично сопровождавшей душу Кирина в Страну Покоя в Загробном Мире, Таэне этого было достаточно, чтобы вернуть его назад.

Как говорится, чего мы и добились.

Разумеется, Гадрит думал, что его план прекрасен и замечателен. Ксалторат начинает Адский Марш в столице, в открытую заманивая императора в ловушку. Затем Гадрит обманом заставляет Санда убить его в тот момент, когда на шее у некроманта висит Кандальный Камень. И, поскольку такова магия Камня, Санд теперь мертв, а захвативший его тело Гадрит правит всем Кууром. Этот план сработал, никто не мог остановить злоумышленника – и он даже убил свою собственную дочь Тьенцо, когда та попыталась остановить его, и оставил ее тело гнить на земле Арены. Все было просто великолепно.

Забавно, как круто может меняться твоя судьба всего лишь из-за того, что ты только что убил любимчика Богини Удачи. Пусть Кирин и был слаб после Возвращения, но он все же смог убить Дарзина, найти Уртанриэль и уничтожить и Кандальный Камень, и Гадрита. Гибель Камня разрушила все гаэши, что были созданы им, так что все демоны стали свободны. А кроме них, и мать Кирина, Хазриэль, которая, кстати, убила тех выживших членов Дома Де Мон, которых не прикончил Гадрит. Ну, разве что кроме отца Кирина, которого она похитила. Я почти уверена, что она понятия не имеет, что ее сын жив. Так что вы можете использовать это при необходимости.

И в качестве вишенки на торте. Помните, я сказала, что Гадрит убил свою дочь? Таэна вернула ее, даже не спросив. И произошло это после того, как Кирин убил Гадрита, и после того, как магические барьеры снова поднялись и скрыли Корону и Скипетр до следующего Великого Состязания. И все, что нужно было сделать Тьенцо, – это просто протянуть руку и схватить эти проклятые безделушки.

Так что у меня хорошие новости: у нас теперь есть новая императрица. Причем яро ненавидящая Королевские Дома. Безумно хочется узнать, к чему это приведет.

А что же Кирин? Кирин сделал всего одну умную вещь: он покинул город. Из-за Уртанриэля я не могла использовать магию, чтобы найти его, но мы точно знаем, что дальше он направился в Джорат: именно с этого начинаются прилагаемые мною записки.

Приятного чтения.

Часть I

Беседы в доме, окруженном бурей

Провинция Джорат, империя Куур.

Через два дня после того, как Кирин Де Мон вернулся в Куур

Мужчины остановились на мостках у входа, отряхивая капли дождя с плащей салли. Черное небо за спинами путешественников замерцало, затем озарилось вспышкой молнии, а вслед за этим послышался раскат грома. Казалось, само небо разверзлось, чтобы затопить землю.

– Закройте дверь!

Они и ответить ничего не успели: Стерва, серая кобыла-огнекровка, тут же проскользнула внутрь, толкнув боком створку. Сильный ветер вновь отбросил дверь – и пока один мужчина удерживал ее, второй поспешно задвинул щеколду.

И хоть снаружи завывал ветер, тишина внутри окутывала все теплым одеялом.

Кирин повернулся к своему спутнику:

– Почему мы не отправились в Атрин?

Второй путешественник – крупный мужчина с родимым пятном на лбу в форме белой звезды – хмыкнул:

– Там слишком много имперских солдат.

– А, точно. – Кирин с подозрением окинул взглядом убранство каменного здания: – Звезда, я знаю, ты любишь лошадей, но это что – конюшня?

Сейчас, когда Кирин Де Мон прошел внутрь, стало очевидно, что помещение переходило в огромную, расположенную в склоне холма пещеру, в глубине которой сбился в кучу целый табун лошадей, испуганно распахнувших глаза и прядяющих ушами при каждом раскате грома. Выглядевшая как огромная кобыла, серая огнекровка Стерва уже успела присоединиться к своим сородичам, бочком подойдя к двум стоявшим здесь же крупным черным жеребцам-огнекровкам, чья не-лошадиная природа проявлялась в ярко-алых глазах и тигриных полосах на ногах. Остальные лошади сгрудились вокруг этих созданий, подобно детям, ищущим защиты у родителей.

– Если она понесет от них, пусть мне не жалуется, – буркнул Кирин.

Какая-то старуха с пятнами на коже бросилась ко входу из глубины зала:

– Закройте дверь крепче! Слышите? Это самая ужасная буря, которую я только видела... – Она не договорила, оборвав речь на полуслове, стоило ей только взглянуть на Звезду.

И Кирин ее за это не винил. Звезда мог бы остановить давку, просто нахмурившись. Кирин был выше, чем его спутник, но Звезда был вдвое крупнее самого Кирина, а мрачен и вовсе – как непогода за дверью. В борделе, где Кирин вырос, Звезду бы без вопросов наняли вышибалой.

Старуха подмигнула Звезде.

– Здорово, кобыла, – рассмеялся он в ответ, дернув себя за прядь волос цвета соли с перцем. – Я тоже рад тебя видеть. Нам нужны подушки и хорошее место для Хамаррат. Извини, что пришли так поздно. Не думали, что начнется буря. – И, коснувшись указательными пальцами лба, он поклонился в пояс.

Кирин никогда раньше не слышал, чтобы Звезда произносил столько слов за раз. Как, впрочем, и не видел, чтобы тот кланялся кому бы то ни было – ни Верховному лорду, ни кому-то еще.

*Стоп. Кто такая Хаммарат?*¹

– О, ничего страшного! – Старуха вдруг резко остановилась, обратив внимание на Кирина: – Отлично. По крайней мере, ты здесь. Проходи в укрытие. Она ждет тебя. Только поторопись, пока рагу не остыло.

Кирин опустил суму на присыпанный соломой пол.

– Простите, мэм, но здесь какая-то ошибка. Меня никто не ждет.

Старуха удивленно глянула на него:

– Тебя разве зовут не Кирин?

С именем она *определенно* попала в цель, а потому Кирин с трудом смог не выхватить меч. С очень большим трудом.

– Кто сказал тебе это имя?

– Твоя женщина сообщила, что ты скоро присоединишься к нам². – Старуха показала в сторону коридора, ведущего в глубь холма: – Она ждет тебя. Сказала, чтобы я высматривала высокого парня с золотыми волосами, который выглядит как чужак. И я ведь не ошиблась? Ну, в смысле, ты, должно быть, с другого края империи – у нас так не одеваются. – По лицу собеседницы читалось, что ей достаточно было глянуть на его миши и кеф – и больше не требовалось никаких доказательств.

– Моя женщина? – Кирин переглянулся со Звездой. Не всех женщин, которых он знал, можно было назвать его подругами. – Никто не знает, что я здесь. Проклятье! Да я сам не знаю, где мы! – Ладонь юноши легла на рукоять кинжала на поясе.

– Я останусь здесь, присмотрю за лошадьми, – предложил Звезда.

– Договорились. Услышишь мои предсмертные крики, отомстишь.

Звезда пожал плечами:

– Не уверен. Это же у тебя чудесный меч.

Сейчас из оружия у Кирина был только кинжал, но если хозяйка конюшни и удивилась услышанному, виду она не подала.

– Пошли, жеребенок. – Она жестом подозвала Звезду: – Помоги старухе напоить коней.

Кирин же направился по коридору, ведущему, как он надеялся, к таверне. Проход вывел его из-под сводов каменной конюшни в просторную общую комнату, спрятанную так глубоко в холме, что она располагалась под землей, но при этом в нее невесть откуда поступали потоки свежего воздуха, заставляющие трепетать висевшие под самым потолком разноцветные флажки. Их радужные оттенки напомнили путешественнику цвета Королевских Домов столицы, но Кирин подозревал, что здесь они означают что-то иное. В Джорате влияние Королевских Домов не было сильно – и это было несомненным плюсом.

Кроме того прохода, через который пришел сам Кирин, в комнату вело еще три. Конечно, у путника не было возможности узнать, который из них вел наружу – если такой вообще был, – но лучше всегда иметь пространство для маневров.

Бар таверны был забит выпивкой, вышибалы нигде не было видно, а с кухни доносился аромат хорошо прожаренного мяса. *Отлично.*

Зал заполняли джоратцы, укрывшиеся от непогоды и наслаждавшиеся вечерней трапезой. Кирин с трудом заставил себя не пялиться на посетителей – цвет их кожи был столь же разнообразен, как и шкуры их коней, – даже отметины были похожи, а длинные прямые волосы были или распущены, или заплетены в замысловатые косы. Некоторые, правда, выбривали голову по бокам, так что оставался узкий гребень, похожий на лошадиную гриву. При этом все

¹ Вероятно, Хаммарат (или Стерва, для друзей) была рабыней – огнекровкой, принадлежащей Дарзину Де Мону. Ты знал, что Дарзин тайно вывез огнекровку из Джората? Нет, ну это надо быть таким идиотом! Не в тему, конечно, но как ты думаешь, ты мог бы вернуть Дарзина из мертвых? Мне бы хотелось снова его убить.

² Похоже, это образчик джоратского юмора. «Его женщина»! Ха!

посетители были одеты или в простые грубые одежды земляных тонов, или в яркие одеяния со множеством драгоценностей.

Кирин не мог сказать, отчего зависела разница в одежде – от ранга или от выполняемой социальной роли, но казалось, что от пола это не зависело³.

Взгляды же, которыми одаривали чужака местные жители, были весьма недружелюбны: в зале даже повисла мертвая тишина.

– Кирин?

Он обернулся и увидел стоявшую у огня молодую женщину.

У Кирина перехватило дыхание.

Она была такой же джораткой, как и все в этой комнате, и в то же время она была совершенно иной. Она вся была красной: ее кожу обожгла охра, ее глаза были цвета рубина. Он так часто представлял, как увидит ее, что встретить ее вживую казалось абсурдным. Принц демонов Ксалторат явил ему этот облик лишь однажды, много лет назад – и все же Кирин никак не мог изгнать его из памяти, ибо для юноши она стала эталоном красоты.

И она была здесь. Она была *прямо здесь*.

Это невозможно. Сама мысль о том, что он может приехать в Джорат и в первой же пивной встретить женщину своей мечты, казалась нереальной. Конечно, Богиня Удачи благоволила ему, как никому другому, но ведь всему есть предел!

Значит, это какая-то хитрость. *Обман*.

Внезапно он почувствовал обиду – настолько глупа и проста была эта уловка.

Девушка же одарила его такой улыбкой, что могла, в его влюбленных глазах, затмить солнце.

– Я так рада тебя видеть. Прошу, присоединяйся, – собеседница указала на место рядом с собой, подле худого невысокого мужчины с западного Куура, обряженного в аголе и одеяния жреца. Похоже, ее спутник уже смирился с незавидной ролью третьего лишнего.

Улыбка женщины погасла, когда Кирин вновь положил ладонь на рукоять кинжала.

– Кажется, мы незнакомы, – отчеканил он. – Я – Кирин, а ты кто?

Радость пропала из ее глаз.

– Ты не помнишь меня.

– Вынужден повторить. Мы незнакомы.

В таверне послышался шум, сидевшие сзади люди начали вставать, собираясь защитить своих соотечественников от незнакомого чужака.

Девушка посмотрела на посетителей и подала знак замолчать:

– Все в порядке, он мой гость. Всем бесплатной выпивки за мой счет.

Зала взорвалась хохотом и одобрительными выкриками, словно она сказала что-то смешное. Кирин про себя внес это в список причин не доверять сложившейся ситуации.

– Может, вы присядете? – предложил жрец. – Мы представимся и расскажем, что здесь происходит.

Кирин убрал ладонь с рукояти кинжала. Если это и была хитрость, то, по крайней мере, у него было небольшое преимущество – он понимал ее природу. Только три создания во вселенной знали, как выглядит девушка его мечты: его лучший друг Тераэт, демон Ксалторат и мимик Коготь. Тераэт никогда бы не сделал ничего подобного, а вот остальные... Ни тот ни другая не были его друзьями.

Жрец, правда, казался странным сопровождающим для демонических соблазнов. Почему Ксалторат или Коготь взяли с собой такого компаньона?

Кирин придвинул стул и сел. Джоратская девушка вернулась на свое место:

– Все идет не так, как я планировала, а у нас совершенно нет времени.

³ Да, я тоже вначале подумал, что одежда не зависит от пола. Легко ошибиться, не так ли?

– Я же сказал, он не будет вас помнить, – обронил жрец. – Как и большинство других людей.

– Может, вы все же представитесь? – не выдержал Кирин. – С этого ведь обычно и начинают любую беседу.

– Ах да, – вздохнула девушка. – Конечно. – Она коснулась рукою, черной как непроглядная тьма, своей груди.

Кирин прищурился. Ему не померещилось: на девушке не было перчаток, но цвет кожи ее рук и ее лица не совпадал.

– Я – Джанель Теранон. Это мой самый дорогой друг Коун, в прошлом бывший... – Она оглянулась на жреца: – Это ведь в прошлом?

Мужчина поморщился:

– Мое положение слишком неопределенно. – И, повернувшись к Кирину, добавил: – Я брат Коун, служитель Мистерий Вишаи. Рад знакомству с вами.

– Взаимно, – откликнулся Кирин, по-прежнему не отводя взгляда от Джанель.

Джанель.

Он чувствовал себя круглым идиотом. У нее есть имя. Ну, разумеется, у нее есть имя. Все эти годы, прошедшие с тех пор, как Ксалторат явил у него в голове ее облик, Кирин никогда не задумывался о том, как ее могут звать. А ведь «Джанель» вполне могло быть распространенным прозвищем! Может быть, в Джорате оно столь же популярно, как Тишар для столицы. Да и означает что-нибудь вроде *милой* или *благословенной* или – как, видимо, принято в этих землях – что-нибудь связанное с лошадьми.

– Джанель... – протянул он. – Почему я не помню тебя, если мы знакомы?

Она понизила голос:

– Потому что ты был мертв.

Кирин оглянулся по сторонам. После того как Джанель назвала его своим гостем, он стал неинтересен для остальных посетителей.

– Я бы хотел узнать подробности.

Тераэт – друг Кирина, мог свободно посещать Загробный Мир и возвращаться обратно – и все благодаря своей матери, которая по счастливой случайности оказалась Таэной, Богиней Смерти⁴. Да и сама Таэна часто возвращала к жизни разных людей – как и его самого пару дней назад. Так что сама мысль о том, что они могли встречаться, пока он был мертв, была вполне *возможна*.

Пугающе, но возможна.

– Ну что ж, – начала Джанель. – Я могу путешествовать между Миром Живых и Загробным. Два дня назад, когда ты был принесен в жертву Ксалторату, я была именно там. Я помогла тебе одолеть стоявших на твоём пути и охотящихся за тобой демонов, так что ты смог вернуться в Мир Живых.

У него пересохло во рту.

– И как вы узнали, что я должен... прибыть сюда?

Жрец, Коун, оглянулся на нее:

– Джанель, я не думаю...

– Тс-с! – шикнула она на него, а затем вновь повернулась к Кирину: – Когда мы встретились в небытии, ты рассказал мне свою историю. Ты умер, пытаясь остановить Гадрита Де Лора, которого ты заподозрил в заговоре с целью убить императора. Пробудившись, я обнаружила, что император уже мертв, как и Гадрит, и кто-то разбил Кандальный Камень, освободив при этом всех рабов с гаэшами, а заодно и демонов с гаэшами. И, насколько мне известно,

⁴ Ее настоящее имя Хамезра, не так ли? Я, конечно, не планирую встретиться с ней в ближайшее время, но...

для уничтожения такого Краеугольного Камня, как Кандальный, требуется Уртанриэль, также известный как Погибель Королей.

Тут Кирин уже не стерпел – она прекрасно знала, по каким болевым точкам бить:

– Это все очень интересно, но я по-прежнему не слышу от тебя объяснений.

Джанель вскинула подбородок:

– Я искала тебя, но не могла *найти*. – Она вновь понизила голос: – Даже с помощью *магии*. А поскольку для своих поисков я использовала Краеугольный Камень, самое простое объяснение, почему мои попытки были неудачны, – это то, что именно ты владеешь Погибелью королей⁵. Он у тебя. Прямо сейчас. Поскольку мы не могли отследить тебя, оставалось только надеяться, что рано или поздно ты воспользуешься системой Врат.

– И? – Кирин жестом попросил ее продолжить.

– И мы подкупили Гильдию Хранителей Врат, чтобы они следили за тобой.

– И направили тебя к местному Привратному Камню, а не туда, куда ты направлялся, – в тон ей продолжил Коун.

– Джорат.

Джанель склонила голову набок:

– Извини?

– Я направлялся сюда. В Джорат. Мне нужно было... – Кирин оборвал речь на полуслове.

Мне нужно было найти Черного Рыцаря, – просилось на язык. – *Потому что одиночка не способен исполнить пророчество об Адском Воине. Мы подозреваем, что речь идет о четверых, но знаем лишь троих: сына Террина, сына Дока и сына Санда.*

*Что означает, что есть еще один*⁶.

Кирин понимал – девушка все еще ждет, что он объяснит, что привело его сюда, – но вместо этого он улыбнулся и спросил:

– Как бы то ни было... мы сейчас в Джорате. Но где именно?

– Авранила, – ответила Джанель, – городок на северо-востоке. – И вздохнула: – Я надеялась, что ты доберешься сюда раньше. Почему ты так задержался?

– Мне нужно было принять душ, – усмехнулся Кирин.

Ей это смешным не показалось.

Кирин вздохнул:

– В столице прошел Адский Марш. Беженцы заполонили все Врата на десять миль вокруг столицы, и нам пришлось идти пешком, поскольку Стерва не позволяет никому ехать на ней верхом. Нам пришлось преодолеть не менее тридцати миль, чтобы найти доступные Врата. А я еще удивлялся, что нам удалось так легко подкупить Хранителя Врат – он, должно быть, взял кучу денег за выполнение твоих требований.

Джанель кашлянула, прочищая горло:

– Ну и отлично. Мы очень боялись, что кто-то из Привратников может попытаться играть на обе стороны.

А брат Коун добавил:

– Дом Де Мон объявил награду за ваше «благополучное возвращение».

– И почему я этому не удивлен? Я считался пропавшим несколько лет – и никто не потрудился снять объявления «пропала собака». – Кирин вскинул руку, чтоб привлечь внимание трактирщика: – Эй, можно мне сидра? И что-нибудь к нему.

Джанель прикоснулась пальцами к его запястью:

⁵ Ну... ладно. Я могла бы подшутить по поводу ее уверенности, что это именно Уртанриэль, но вот по поводу того, что с помощью одного Краеугольного Камня можно найти другой... Справедливое замечание.

⁶ Мне так нравятся эти предположения. Адский Воин обязательно должен быть мужчиной. Ох, как же мне претит куурское женоненавистничество.

– Я все пытаюсь тебе объяснить – у нас нет времени ужинать. Прямо сейчас в другом месте нужна твоя помощь – именно поэтому мы привели тебя сюда.

В коридоре, вторя ее речам, послышался громкий стук. Посетители таверны замерли, а несколько горожан привстали, чтобы получше рассмотреть прибывших.

Впрочем, их не было – вместо этого в главный зал таверны вошли Звезда и старуха-конюх, которая помогала ему с лошадьми.

Женщина вытерла руки о фартук:

– Надеюсь, никто ничего не запланировал – буря так разгулялась, что мы заперли дверь. По таверне пронесся протяжный стон.

Джанель вновь привстала:

– Но мы уедем отсюда, как только дождемся еще одного гостя.

Конюх мотнула головой:

– А вот и нет. Никто не придет и не уйдет отсюда – буря за дверями разыгралась не на шутку. Ты не проживешь и нескольких минут, если выйдешь наружу. Так что присаживайся и наслаждайся нашей чудесной компанией, пока злые ветра не стихнут. – Старуха одарила Джанель острым взглядом: – Так ты кого-то там ждешь? Извини, но он, похоже, пропустит нашу вечеринку.

– Он опаздывает, – признала Джанель. – Потому что должен уже быть здесь.

– Да? А я должна быть марктивом Альвароса – так что мы не всегда получаем то, что хотим. Как бы то ни было, когда демоны начинают Адские Марши из одного края Куура в другой, твой друг, пытаясь заявиться в такое время – пусть даже если бы не было бури, – должен сразу понимать, что его задумка весьма сомнительна. – И старуха, отвернувшись, направилась к стойке. Уселась на свободный стул и громко потребовала бутылку.

К удивлению Кирина, Звезда, обогнув стол юного Де Мона, последовал за нею.

– Подожди. Она сказала Адские Марши?! Не Марш, а Марши?! – поразился Кирин.

Джанель и Коун уставились на него:

– Ты серьезно ничего не знаешь?

Джанель пригладила ладонью свои брюки, которые она носила заправленными в сапоги для верховой езды.

– Да, Адские Марши. С тех пор как ты разбил Кандальный Камень, Ксалторат бродит на свободе – и с тех пор он регулярно приглашает новых и новых друзей для своих развлечений.

Кирин почувствовал, как у него скрутило живот.

– Я... я не знал...

– Ну, еще не все потеряно, – хмыкнула Джанель. – Восемь Бессмертных сражаются с демонами, чтобы помешать им захватить Мир Живых. Они и раньше изгоняли их, так что, не сомневаюсь, они сделают это и снова.

А вот Кирин не сомневался в том, что она слишком наивна⁷.

– Отлично. Но ты потратила много сил на то, чтобы найти меня. – Он посмотрел ей прямо в глаза: – Почему?

– Мы хотим убить дракона, – просто ответила она.

Кирин пораженно уставился на нее:

– Дракона? Дракона?!

Джанель вспыхнула:

– Пожалуйста, говори тише.

⁷ Эх, я тоже. Не говоря уже о том, что некоторое время технически их нельзя было называть *Восьмью Бессмертными*. Им ведь не приходилось заниматься этим тысячелетиями. Готова поспорить, они давно не практиковались.

– Дракона, – повторил он еще раз. – У тебя есть какие-то... Хотя нет, подожди. Я не знаю, амбиции или жадность подтолкнули вас к этой идее, но позволь мне заверить тебя – вы совершенно зря это задумали!

– Неважно, так это или нет...

– Нет, погоди, выслушай меня. В перечне самых ужасных идей в мире ваша задумка «давайте убьем дракона» находится на весьма почетном месте. Точнее, где-то между вторжением в Манол летом и освобождением Вол-Карота «совсем на чуть-чуть». Знаешь, почему родители не отговаривают детей нападать на драконов? Потому что ни один отец не думает, что его ребенок может быть настолько *туп*, что решится на такое. Да дракон уничтожит меня раньше, чем я приближусь к нему, хотя бы для того, чтоб задеть его чувства, не говоря уже о том, чтобы ранить.

Джанель вздернула бровь:

– Ты уже закончил?

– Нет! – прошипел Кирин. – Я хотел бы знать, кто посоветовал тебе втянуть меня в этот смехотворный план, потому что я очень хочу найти его и засунуть мой...

– В Атрине сейчас живет четверть миллиона человек, – перебила его Джанель. – И они понятия не имеют, что скоро на них нападет самый большой дракон, какой только существует на свете.

Его словно холодной водой окатило. Он даже не обратил внимания на трактирщицу, которая, выполняя обязанности разносчицы, поставила еще одну кружку сидра на стол, а затем добавила к ней тарелку с рисом и овощами, сдобренными густой подливой, а потом, не спрашивая, нужно ли кому-то что-то еще, отступила к стойке.

Кирин отодвинул еду в сторону.

– Что?

Музыканты и сказители в Столице любили поведать об Атрине. Да и как можно было не любить? Атрин был воистину волшебным городом, созданным из поэзии и мрамора, возведенным императором Атрином Кандором за один день. Забавно, но Кирин никогда не встречал никого, кто действительно бывал в столице Джората – этот город был любим всеми на почтительном расстоянии.

– Ты слышал, что я сказала. – Джанель больше не улыбалась. – Теперь, после того как выяснилось, что это *именно я* решила привлечь тебя к этому мероприятию, скажи-ка мне на милость, что и куда ты намереваешься мне засунуть? Была бы признательна, если б ты уточнил.

Кирин покраснел. Тяжело выдохнув, он повернулся к жрецу:

– А вы-то как впутались во все это?

– Ну... я... э... – Коун запнулся. – Когда-то я был... Как бы сказать... – Он взволнованно нахмурился. – Это сложно, – закончил он.

– Как Коун упоминал раньше, он Служитель Мистерий Вишаи. Он также квалифицированный врач и мой лучший друг.

Жрецу явно было неуютно. Кирину же очень хотелось узнать, что из сказанного Джанель больше расстроило мужчину: слова о его вере или о его статусе целителя, имеющего лицензию от Королевского Дома. Тем более что раньше, когда его называли *самым лучшим другом*, это совершенно его не смущало.

– Вы не похожи на человека, готового расстаться со своей жизнью, – и все равно тоже считаете хорошим план «Давайте пойдем убьем дракона»?

– Со всем моим уважением, – перебил его Коун, – не имеет сейчас никакого значения, что я думаю об этом плане. Когда Мориос вынырнет из вод озера Джорат, он нападет на Атрин, и погибнут тысячи людей. Обычно с подобными проблемами справлялся император или Восемь Бессмертных, но император Санд мертв, а боги... – Он бессильно развел руками.

– Боги заняты сражениями с демонами, – закончила за него Джанель.

Кирин оглядел комнату. Все здесь казалось настолько нормальным... ну, или что считается нормой в этой части империи. Звезда и старуха-конюх сидели у стойки. Посетители таверны решили улучшить свое пребывание в самом сердце бури и затянули песню.

Кирин повернулся к двум безрассудным будущим героям. Это явно не была ловушка Ксалтората.

Принц демонов не стал бы городить столь неправдоподобный план.

Насколько Кирин знал, последнее нападение дракона на город в Куурской империи произошло в Эпоху королей-богов тысячи лет назад. Кирин всегда полагал, что драконы – не что иное, как сказка: миф, который менестрели выкликали всякий раз, как хотели спеть хвалу первому императору. По крайней мере, Кирин так считал, пока не встретил настоящего дракона – Старика, Шаранакала. И повторять этот опыт не было никакого желания.

Кирин провел рукой по лицу.

– Вы не возражаете, если я поем, пока мы разговариваем? Я не ел с тех пор, как оказался к западу от Драконьих Башен.

Джанель с аристократическим изяществом согласилась.

Кирин задумался, не означали ли ее красные глаза, что она огенра – так Королевские Дома называли бастардов, которым посчастливилось доказать, что у них в родословных есть Прикосновение богов.

Например, у Дома Де Тал красные глаза, а у его собственного Дома Де Мон – голубые.

– Хорошо, значит, ты... Ладно. Я вас слушаю. По крайней мере, до конца бури.

Он погонял еду по миске. Рис выглядел невкусным. Овощи побелели, густая паста сверху казалась съедобной, но что за белая слизь была сверху – оставалось совершенно непонятным⁸.

В столице была в моде джоратская кухня, и при мысли о том, что придется питаться лишь тем, что, насколько он помнил, было безвкусным мусором, сердце Кирина оборвалось.

Брат Коун сжалился над ним. Подойдя к столу, он быстро сказал:

– Прошу прощения, – и вытащил горшочек с ярко-красной пастой. – Существуют соусы чили, – жрец поставил кувшин перед Кирином. – Но если вы не попросите, их не подадут. Но если вам нравится перец, получается весьма неплохо.

– *Неплохо?* – Джанель приподняла бровь.

– Конечно, это не сравнится с баклажанами ванвази, – сказал Коун. – Извините, но это факт. Нельзя ожидать, что вы, джоратцы, можете сравнить свою кухню с совершенством.

Джанель хлопнула Коуна по плечу:

– Прекрати. Жрецы должны быть скромными.

– Скромность – это добродетель, о которой мечтают те, кто идет к свету, – просиял Коун. – Так же как и честность.

Усмехнувшись, Кирин открыл банку и принялся. Когда жрец говорил о еде, а не о драконах, он казался гораздо более спокойным. Глаза Кирина наполнились слезами – хороший знак. Он добавил в еду большую ложку специй.

– Будем считать, что на данный момент ты говоришь серьезно. И каков же план, если этот дракон... Как его, кстати, зовут?

– Мориос.

– Хорошо, Мориос. Как ты предлагаешь убить... – Кирин подавил рвущийся смех. – Извини. Как ты предполагаешь это сделать? Насмешь меня.

– Мы ждем еще одного человека. – Джанель бросила встревоженный взгляд на коридор, ведущий ко входу в таверну.

– Кого? – спросил Кирин. – И откуда ты знаешь, что этот дракон – Мориос – собирается разнести столицу провинции? Он прислал тебе письмо?

⁸ Сыр. Я знаю, знаю, но в Джорате все по-другому. Честно говоря, мне очень нравится их вариант.

Джанель и Коун переглянулись. Джанель сказала:

– Это... сложно объяснить.

Благодаря детству, проведенному с преступниками, Кирин очень остро чувствовал опасность. И все происходящее пахло жульничеством. Приемная мать Кирина, Ола, научила его лучшему способу избежать опасности: никогда не задерживайся достаточно долго, чтобы оказаться на крючке.

Кирин уронил ложку и схватил свою заплечную суму.

– Хорошо. Я ухожу отсюда. Удачи вам в охоте на драконов. Было очень приятно с вами познакомиться. – И он крикнул через всю комнату: – Эй, Звезда, мы уходим! Прямо сейчас!

Мужчина удивленно поднял глаза от своего напитка.

– Мы – что?

Джанель встала:

– Ты не можешь уйти. Буря снаружи...

– А я рискну! – Решив не дожидаться Звезду, он направился к выходу, огибая стулья. Джоратский конюх был именно там, куда Кирин обещал его отвести: в Джорат. И вряд ли преданность Звезды распространялась на что-то еще.

Кирин вернулся по коридору обратно. В проходе с балок свисали фонари, освещающая дорогу в конюшню и ко входу – с закрытой на тяжелый деревянный засов дверь, грохотавшей так, будто с другой стороны стоял великан, трясущий ее, чтобы войти.

Когда Кирин подошел, чтобы сдвинуть засов, Стерва заржала на него. Кирин не говорил на языке огнекровок, но, судя по тону, это значило что-то вроде: «Ты же не собираешься выходить на улицу в такую погоду?»

– Извини, Стерва, но ты, как я и обещал, вернулась в Джорат. Звезда сможет тебя отсюда забрать.

Приехав сюда, он совершил ошибку. Кирин должен был остаться с Тераэтом. Тогда бы он по-прежнему пребывал в блаженном неведении о количестве трупов, связанных с его деяниями. Он вызвал *Адские Мариш...*

Так много людей погибло. И все потому, что он нашел хитрый способ обойти силу Кандального Камня, для того чтобы убить Гадрита. Откуда он вообще мог знать, что проклятый артефакт отвечает за сковывание демонов? Он ведь понятия об этом не имел!

– Привет тебе, Нарушитель Закона. Привет тебе, Принц Мечей, – прошептал он самому себе насмешливые слова Ксалтората. Он сделал именно то, что хотел Ксалторат: освободил демонов. А еще убил императора. Затем вернул меч Урганриэль, Погибель королей. И что же, согласно Деворанским пророчествам, было уготовано человеку, который совершил все это? Этот счастливый ублюдок уничтожит Куурскую империю – и, вполне возможно, весь мир. Имело ли значение, что Кирин не хотел этого?⁹

Сколько он знал людей, что пытались избежать игры в пророчества, в которую играли демоны, драконы и боги? Это все не имело значения. Они все равно оказывались во все это вовлечены. Восемь Бессмертных лично втянули Кирина в эту неразбериху в надежде низвергнуть пророчества. И все же он задавался вопросом, действительно ли они знали, что делают. Казалось, демоны побеждали.

Привет тебе, Похититель Душ.

Он опустил рюкзак и налег плечом на засов на двери. Тяжелое дерево, застонав, освободилось, и Кирин отбросил его в сторону. Засов отворился, и наружная дверь с грохотом распахнулась. Ветер завывал подобно ревущему дракону. Кирин мог различить лишь силуэты ближайших зданий, словно шторм превратил послеполуденное время в ночь. Но Кирину было все равно, опасна ли такая погода для человека или зверя.

⁹ Нет, конечно, нет. Тебе не повезло, малыш.

Он шагнул на улицу.

Шагнул. А затем услышал свирепый свист. Огромное белое пятно пронеслось над головой; затем фигура развернулась и приземлилась с оглушительным грохотом. Дома, навесы и здания, сделанные из дерева, потрескались и раскололись, а камни раздробило и раскидало в стороны.

Молния очертила перед ним фигуру дракона. Это был не Шаранакал, вулканический дракон, пытавшийся удержать его в плену. Это был другой дракон, белый с серым и серебристым. Дракон, чьи голубые глаза сверкали, как драгоценные камни.

И дракон уставился на него.

Время застыло, вытянулось. Он подумал: *«Ее глаза того же цвета, что и мои»*¹⁰.

Только лишь потом он понял, что догадался, какого пола дракон. Время рванулось вперед. Драконица широко расправила крылья и откинула голову назад. А затем резко наклонилась вперед, и вместе с порывом ураганного ветра из огромной пасти вылетели острые, как бритва, осколки льда.

Он попытался закрыть дверь, но один он бы с этим не справился.

А затем рядом встала, ухватившись за край двери, Джанель. Подняла засов и с грохотом опустила его на место, одновременно с тем, как в дверь ударили осколки льда. Джанель налегла на дверь, и преграда содрогнулась.

– Твой меч! – выкрикнула она. – Бей сквозь дверь. Ничто не может противостоять Уртанриэлю!

Он выхватил кинжал, и тот мгновенно превратился в тонкий меч из белого серебра.

Крик Уртанриэль вонзился ему в уши – о, это был рев сирены, способный соперничать с любым завыванием шторма. Она вопила, чтобы он уничтожил эту женщину. Кричала, чтобы он уничтожил что-то за спиной в таверне. Орала, чтобы он уничтожил дракона. Уничтожил любую магию. Любого, кто разбирается в магии. Уртанриэль пела песню хаоса и ненавидела все голоса, кроме ее собственного.

Он не обратил внимания на ее вопли.

– Пригнись! – крикнул он Джанель.

Та подчинилась. И он вонзил лезвие по самую рукоять. Дерево поддалось, словно это была бумага, а не закаленный огнем дуб. Затем что-то массивное ударилось в дверь. Здание содрогнулось, и воздух наполнился ревом.

Он вытащил Уртанриэль. Лезвие покрывала сине-фиолетовая кровь. И там, где она капала на землю, образовывались ледяные кристаллы.

– Что нам... – Кирин повернулся к Джанель.

– Драконица еще жива! – Джанель схватила его за мишу, оттащила подальше от двери и, упершись ногами в брусчатку, прижалась к стене. Комнату наполнил воющий, шипящий шум. На двери выросли толстые слои льда, а камень фундамента треснул и застонал.

Наконец шум ветра снаружи стих. Джанель опустилась на мокрую землю, ее дыхание застывало в воздухе. Кирин сел прямо перед ней, держа в руке Уртанриэль. Рядом капала вода. Лошади фыркали, пытаясь успокоить друг друга, а огнекровки подались вперед, пытаясь выяснить, в чем дело.

После долгого, тягостного молчания Кирин сказал:

– Ты могла бы упомянуть, что дракон направляется к нам.

– Да... – выдохнула она, потирая голову рукой. – Могла бы, но есть одна проблема.

– Какая?

– Это не тот дракон.

¹⁰ Знаешь, это хорошая мысль. Есть ли какая-то связь, о которой ты мне не рассказывал, между восемью первоначальными Королевскими Домами Куура и Восемью Бессмертными?

1: Преступники из Барсины

Провинция Джорат, Куурская империя.

Через два дня после того, как Кирин Де Мон был принесен в жертву Ксалторату

Когда Кирин вернулся в таверну, его – или *ее* – встретила волна вопросов. Гости хотели получить ответы. Что это был за шум? Он напугал лошадей? С лошадьми все в порядке? Неужели погода ухудшилась? Кто-нибудь проверял лошадей? Не хотят ли огнекровки присоединиться к ним в баре?¹¹

Последнее предложение звучало серьезно.

– Буря слишком сильна, чтобы путешествовать, – громко объявила Джанель. – Не пытайся уйти.

Кирин приподнял бровь, но спорить не стал. Теперь внутри всех удерживал ледяной покров толщиной в несколько футов. А снаружи поджидал разъяренный дракон.

Просто обычный вечер в таверне.

Вероятно, не было смысла пугать толпу тем, что они не могли исправить. Кирин тоже сомневался, что *он* мог бы помочь, пусть даже и с Уртанриэль, но одно он знал точно: любые разговоры об убийстве дракона стали значительно менее спорными.

Но если снаружи был не тот дракон, то где же был тот?

После того как все вернулись к напиткам и болтовне, Джанель побрела обратно к жрецу Вишаев и бросила сумку Кирина на стул.

– Эйан’аррик снаружи, – прошептала она брату Коуну, – и она закрыла льдом вход в таверну.

Кирин сел и уставился в свою миску. Он задумался, сколько провизии запасено в таверне и хватит ли ее надолго. Как местные жители воспримут распределение или, еще хуже, нехватку еды?

Нет, Кирин не собирался позволить дракону заманить его в ловушку. И полные ненависти песни Уртанриэль показали присутствие могущественной магии. Кирин не мог быть уверен, реагирует ли Уртанриэль на волшебников или на наличие одного или нескольких Краеугольных Камней, но меч давал ему смутное представление о направлении, достаточное для того, чтобы сделать обоснованное предположение. Уртанриэль хотела смерти Коуна столь же сильно, как хотела убить дракона, Джанель или старуху, которая занималась лошадьми.

Эти люди не были столь уж беспомощными, как казались¹².

– Эйан’аррик здесь? Уже? – Коун наклонился вперед, понизив голос, как и Джанель до этого. – Прошло так мало времени после боя. Если она так быстро пришла в себя...

– Не *«если»*, – сказала Джанель. – Она пришла в себя, и это очень плохое подтверждение тому, как трудно навсегда убить дракона. Она даже *двух дней* не была мертвой. И мы понятия не имеем, выздоравливают другие драконы быстрее или медленнее.

Кирин нахмурился:

– Она была мертва два дня назад? Как *это произошло*?

Джанель вздохнула и огляделась по сторонам, чтобы убедиться, что на нее никто не смотрит.

– Я ее убила. – И добавила: – Честно говоря, мне очень помогли.

¹¹ Вопрос: Как угадать, что человек, с которым вы разговариваете, не джоратец? Ответ: Если вы общаетесь уже пятнадцать минут и собеседник не начал рассказывать вам о своих лошадях – это не джоратец.

¹² Обратите внимание, что Кирин уже вложил Уртанриэль в ножны. Судя по всем отчетам, которые я когда-либо читала, если он не держит клинок в руке, то он и не должен его слышать, однако он ее слышит. Это ужасно. Есть какие-то причины, по которым Кирин взаимодействует с этим мечом не так, как остальные?

– Итак... Давай посмотрим, правильно ли я понял. Вы заманили меня сюда с помощью комбинации подкупа и логики. Существует некий гипотетический дракон – Мориос, – и, по твоим словам, он готов в любую минуту уничтожить Атрин. И есть Эйан’аррик – *совсем гипотетический дракон*, – который преследует тебя. Потому что ты была достаточно груба для того, чтобы убить ее два дня назад. – Кирин придвинул к себе миску и ложку. – Нет смысла беспокоиться о вашей первой проблеме, пока вы не разберетесь со второй. Я ничего не пропустил?

Джанель нахмурилась, глядя на него:

– Нет.

– Тогда ответь мне вот что. Если этот дракон – Мориос – направляется к столице Джората, почему ты не обосновалась в Атрине и не попросила Хранителя Врат отправить меня туда? Мы бы уже были на месте. Когда я прибыл, я не видел Хранителя, дежурившего по эту сторону Врат. Так что, если только у вашего Привратника не выходной и он не пьет в баре, мы не сможем открыть отсюда ворота. Зачем заручаться моей помощью здесь – даже если я и соглашусь, – если для того, чтобы добраться до Атрины, потребуется два месяца? Что останется от города к тому моменту, как мы туда прибудем?¹³

Джанель и Коун снова обменялись взглядами.

– Так. Прекращайте это, – сказал Кирин. – Если ты думаешь, что я во что-то не поверю или не смогу что-то принять, просто расскажи мне обо всем. Я через многое прошел и многое повидал. Я мастер принимать невозможное.

– То, как трясутся твои руки, говорит об обратном, – возразила Джанель.

– Это нормальная реакция на нападение дракона!

Коун откашлялся:

– Иногда конкретные действия выглядят очень плохо, если мы не знаем контекста, который поможет интерпретировать их. Для примера, если бы кто-нибудь сказал мне, что вы убили императора Санда...

– Просто для примера? – прищурился Кирин. – Я *гипотетически* убил императора?

– Дай ему договорить, – сказала Джанель.

– Да, спасибо. Как я уже говорил, я был бы расстроен. Но только потому, что я не знал бы контекста. На самом деле Гадрит Кривой, используя Кандалый Камень, завладел телом Санда. Вы не убивали императора, потому что он уже был мертв. Видите? Если выболтать определенные факты – ну, без правильного контекста, – слушатель может прийти к неправильному выводу.

Кирин уставился на него:

– Откуда у вас столько информации обо мне?

Их точность была слишком удручающей.

Кирин покосился на руки мужчины: никаких перстней-печаток с рубином. Если Коун и принадлежал к Людям Грифона, тайному обществу покойного императора, свою преданность он открыто не демонстрировал.

Коун прочистил горло:

– И это тоже одна из тех ситуаций, когда важен контекст. – Он повернулся к Джанель: – Нам нужно многое объяснить.

– Именно, – согласился Кирин. – И, к вашему счастью, я никуда не спешу.

Джанель нахмурилась:

– Мы должны сконцентрироваться на Атрине, Коун. Мориос может проснуться в любой момент. И когда он сделает это, Атрин будет беззащитен.

¹³ Ничего. Вообще ничего не останется.

– Хотите, чтобы я проверил? – спросил Коун. – Извините. Разумеется, хотите. – Он вытащил из-под одежды камень размером с яйцо. Коричневый агат шел слоями, словно превращаясь к середине в какой-то более драгоценный камень, и в центре его, казалось, горело пламя.

Урганриэль мысленно *закричала*.

– Это... – Кирин замолчал и облизнул губы. – Это Краеугольный Камень, верно?

– Сердце мира, – сказал Коун. – Один из восьми божественных артефактов. Каждый Краеугольный Камень обладает уникальными способностями, которые может использовать его владелец...

– Я знаю, что такое Краеугольный Камень. Я уничтожил один такой пару дней назад, *И освободил всех демонов в мире*.

– Верно. Кандальный Камень. – Коун заерзал. – Одну минуту. – Жрец не сделал ничего особенного или эффектного. Он просто уставился на камень, словно любясь его красотой, а через несколько секунд моргнул и спрятал камень обратно под мантию. – Он еще не напал, – сказал Коун.

– Но скоро это сделает. И мы должны быть там, когда он... – Она оглянулась на Кирина, успев заметить, как тот закатил глаза. – Ты нам не веришь.

– Я все еще не услышал, почему мы не в Атрине.

– У нас есть на то причины.

– Какие же?

– Мои собственные, – прищурилась она.

Но Кирин не собирался ее успокаивать:

– Ты не хочешь поделиться со мной информацией и ждешь, что я помогу? Зачем мне это? Джанель перегнулась через стол:

– Потому что мужчина, с которым я столкнулась два дня назад, не был избалованным ребенком. Потому что он без колебаний помог мне, рискуя при этом оказаться в ловушке Загробного Мира. Потому что я думала, что человек, способный рискнуть своей душой, чтобы спасти кого-то, кого он никогда раньше не встречал... – Ее губы скривились. – Я думала, что такой человек рискнет своей жизнью, чтобы спасти двести пятьдесят тысяч *других* людей, которых он тоже никогда не встречал ранее. По-видимому, я ошиблась. – Она резко встала.

Казалось, брату Коуну захотелось стать как можно более незаметным.

Кирин схватил Джанель за запястье. Судя по уничтожающему взгляду, которым она его одарила, он был близок к тому, чтоб потерять руку, а следом и жизнь.

– Извини. – Он уставился в ее глаза: красные с проблесками оранжевого и желтого – *не такие*, как у Дома Де Тал. – Я перегнул палку. Но, пожалуйста, пойми, ты просишь слишком много. Ты ждешь, что я слепо поверю твоей истории. Любой бы отнесся к этому скептически. Дай мне какую-нибудь зацепку!

Джанель окинула его долгим взглядом и лишь потом села.

– Я не могу вернуться в Атрин из-за моего статуса в глазах правителя Джората. Как только герцог Ксун узнает, что я не умерла, меня немедленно казнят. Я могу прибыть в Атрин только в том случае, если город будет слишком занят другими проблемами, чтобы обратить на это внимание. Например, он будет занят Мориосом¹⁴.

Кирин уставился на нее:

– Почему герцог Ксун хочет твоей смерти?

– Это довольно долгая история.

– У нас есть время, – сказал Кирин. – Я имею в виду... – Он указал в сторону входной двери: – Мы все равно никуда не пойдем, пока ледяная королева не устанет от этой игры. Или пока мы не убьем ее.

¹⁴ Забавно, что она не спешила объяснить, как ей выгодно победить Мориоса.

Брат Коун оживился:

– Это замечательная идея!

– Какая именно? Ее утомление или ее убийство?

– Коун... – сказала Джанель.

– Не ругайтесь. Он прав, мы должны рассказать ему! – Коун улыбнулся Кирину: – Кроме того, вы должны и сами понять, как вы вписываетесь во все это и почему вы нам нужны.

– Я знаю почему, – ответил Кирин. – Уртанриэль. Если они уже один раз убили дракона, то трудность была вовсе не в том, чтобы сделать это снова. А вот убить дракона навсегда уже было сложно. И, вероятно, для этого нужна была Уртанриэль.

Коун отвлекся от копания в сумке.

– Хм, сомневаюсь.

– С чего мне начать? – спросила Джанель. – Наверно, с герцога Каэна?

Коун вытащил из сумки, в которой он хранил книги, маленький, аккуратно переплетенный томик.

– Придется начать чуть раньше герцога Каэна, или это не будет иметь смысла. И раньше Атрина. Начнем с мероприятия в Барсине. – Он постучал большим пальцем по обложке книги. – К счастью, я все записал.

– Барсина. Это человек или место? – спросил Кирин.

Джанель тускло улыбнулась:

– Это зависит от контекста. Коун, начинай. А я схожу принесу всем нам еще по одной порции. И еще больше упишеаррала¹⁵.

Кирин проводил Джанель взглядом к бару. И, что бы она ни сказала бармену, это заставило ее собеседницу бросить полотенце и скрестить руки на груди. Через несколько секунд они выскользнули через заднюю дверь.

Брат Коун же взял свою записную книжку и прочел вслух:

– *Существует много рассказов о восстании, о его причинах, об обстоятельствах его успехов и неудач. Брат Коун был уверен, что его рассказ не совпадет с другими истори...*

– Подожди. У меня вопрос, – сказал Кирин.

Брат Коун оборвал чтение:

– Всего один?

– Я ничего не обещаю, – сухо сказал Кирин. – Восстание? Какое восстание? Я думал, мы говорим о драконе.

– Мы ведь говорили о контексте, помните? – возразил Коун. – Пожалуйста, наберитесь терпения. Опять же, пока не будут устранены определенные препятствия в виде дракона, у вас нет особого выбора.

– Хорошо, хорошо. Это произошло недавно? Герцог Каэн выступил против империи? – Джанель и Коун упоминали герцога Каэна ранее, да и друг Кирина Джарит Миллигрест был обеспокоен необъявленным восстанием герцога. И если уж на то пошло, отец Джарита, главнокомандующий Корен Миллигрест, был обеспокоен герцогом Каэном. Оба, и отец и сын, наблюдали за ним, ожидая, когда он даст предлог направить против него армию.

И это напомнило Кирину о том, что его друг Джарит был уничтожен Адским Маршем, прошедшим два дня назад в столице.

Он выдохнул.

– Мои извинения, – сказал Кирин. – Пожалуйста, продолжайте.

– Да, хорошо, да. – Коун нашел взглядом место, на котором закончил. – *Итак... Коун всегда будет настаивать на том, что восстание началось в Джорате.*

Все началось с ограбления...

¹⁵ Буквально: *рис с овощами*. В принципе, неплохо, но Коун прав: соус чили – ключ к успеху.

Все это с самого начала было проблематичным. Разбойники явно не хотели исполнять свои «грабительские» обязанности. Брат Коун знал, что бандиты прячутся на близлежащих деревьях, и чувствовал, что за ними уже несколько часов следят. Он задавался вопросом, чего же они ждут ...

Брат Коун поднял голову и нахмурился:

– Да?

– Вы рассказываете в третьем лице? – спросил Кирин, стараясь не рассмеяться. – Серьезно? Если вы там были... Почему бы не рассказать обо всем произошедшем со своей точки зрения?

– Это хроника, – запротестовал брат Коун. – Я летописец, а хронике не пишут, как дневник, от первого лица.

– Никогда не встречал никого, заслуживающего доверия, кто бы говорил о себе в третьем лице. Знал я одного мимика...

Джанель поставила поднос с сидром, местным пивом и еще несколькими мисками с упи-шеарралом.

– А вот и я.

– Какие-то проблемы с барменом? – спросил Кирин.

– Хм? Никаких проблем, – сказала Джанель, присаживаясь и наливая себе сидр.

Кирин оглянулся на бар. Бармен вернулась, но теперь она стояла в обнимку со старухой-конюхом и о чем-то шепталась с ней.

– Он все время меня перебивает. – Брат Коун посмотрел на Джанель, словно ища у нее защиты: – Можно я продолжу?

Джанель прикоснулась к руке Кирина:

– Если ты не позволишь ему читать, он не даст нам никакой жизни.

И Кирин решил не спорить.

Рассказ брата Коуна.

Знамя Барсина, Джорат, Куур

Ни одни предыдущие бандиты столько не медлили.

В самом деле, пришлось ждать так долго, что кобыла Дорна даже пошутила, что их стоит пригласить в лагерь разделить завтрак.

Наконец одинокая фигура в маске вышла к ним на поляну. Брат Коун смог скрыть свое удивление: он не ожидал, что разбойником окажется женщина. Впрочем, Джорат уже не оправдал столькоких ожиданий.

– Наконец-то, – пробормотала Дорна. Брат Коун толкнул ее локтем, чтобы она замолчала.

Очевидно, в этой части Джората преступники были робкими существами, которых нужно было выманивать из их нор.

– Где твои охранники? – спросила бандитка, оглядываясь по сторонам. Разумный вопрос для того, кто собирается совершить преступление.

Кобыла Дорна фыркнула, соскребая засохший сладкий рис с железной сковороды¹⁶.

Третий член их отряда тихо и неподвижно сидел у костра, воплощая в себе все чаяния тех, кто рискнул заняться бандитизмом. На шее на цепочке висело кольцо с драгоценными камнями. Туника для верховой езды была прошита золотой нитью, а прическа лаэвос была украшена нефритовыми заколками.

– Охранники? Зачем? – Джанель неспешно отхлебнула чаю. – Вы ищете работу?

¹⁶ Я была удивлена, узнав, что Кобыла – это выражение привязанности, что-то вроде обращения к пожилой женщине – «Тетушка».

В ответ на шутку бандитка закатила глаза, продолжая при этом осматривать поляну, словно вооруженные солдаты могли спрятаться под спальными мешками. На мгновение ее взгляд задержался на освежеванном олене, висевшем вниз головой на одном из деревьев.

Брат Коун мог угадать, о чем она думала: их всего трое, и ни один из них не выглядел способным на то, чтобы подвесить оленя, не говоря уже о том, чтобы защищаться. Дорна выглядела старше гор. Сам брат Коун был плохо приучен к физическим упражнениям. Богородная дама, Джанель, походила скорее на ребенка. Лошади паслись на соседнем пастбище и казались совершенно безобидными. Нигде не видно никаких признаков хороших охранников, которые могли бы защитить джоратского аристократа от тех, кому при рождении повезло гораздо меньше.

Металл, который легко добыть.

– Слишком просто, – пробормотал бандит. – Вы слишком благородны для того, чтобы не иметь защитников.

А она умнее, чем главари последних четырех банд, подумал брат Коун.

Такая ловушка всегда напоминала брату Коуну салоса, змею, живущую в джунглях Манола. Сам он никогда их не видел, поскольку никогда не бывал так далеко на юге и не покидал границ Куура, но отец Зайхера описывал это существо. Рептилия охотилась, подергивая кончиком хвоста и делая вид, что это не кончик хвоста, а находящееся в отчаянии раненое животное. Любой хищник, набросившийся на эту бесплатную закуску, обнаруживал, что предназначался в качестве основного блюда.

Его работодательница, Джанель Теранон, граф Толамер, выглядела столь же незащищенно.

Он услышал треск сухих листьев и веток, хрустевших под ногами, и перевел взгляд в сторону леса.

– Граф, – сказал он, – есть еще.

– Я надеюсь на это, брат Коун, – ответила граф Джанель, рассматривая разбойницу и с преувеличенной осторожностью ставя чашку. – Ваши компаньоны тоже ищут работу? – улыбнулась она.

– Зависит от обстоятельств. Сколько вы платите? – крикнул мужчина откуда-то из-за деревьев. Другие, тоже невидимые, засмеялись в ответ, показывая, что женщина привела на вечеринку всех своих друзей.

Бандитка вздохнула. Она была одета в богато украшенную кожаную тунику, окрашенную в контрастные коричневые и зеленые тона. Маска на лице состояла из двух кусков вышитой зеленой ткани, наложенных друг на друга так, чтоб оставить прорезь для глаз. Кожа вокруг одного глаза была коричневой, а вокруг другого – винно-красной. Наискось через плечо был перекинут лук, а в руке она держала серп.

Возможно, это просто взбунтовавшаяся фермерша. Тем более что это очень заразительно, учитывая, как часто разбойники нападали на них за пределами кантона графа Джанель, Толамера. Однако в этом была и положительная сторона. Большинство правящих аристократов Джората предлагали награду за пойманных бандитов.

Прекрасный способ заработать на жизнь, если не бояться рисковать.

Брат Коун очень возражал против этого, но не ему было указывать графу, как наполнять сундуки металлом.

Разбойница повернулась к лесу:

– Заткнитесь!

Улыбка Джанель превратилась в усмешку:

– Вашим людям нужно время. Ни одна лошадь не родилась оседланной.

– Сущая правда, – согласилась бандитка, а затем расправила плечи, словно напомнив себе, что не следует отвлекаться на дружелюбную жертву. – Смотри сюда. С тех пор как ты пересекла реку, мы следили за тобой и твоими людьми и все время спрашивали себя, что же

здесь делает такая модногивая, как ты. Думаешь, мы поверим, что тебя сопровождают только древняя кобыла и жирный мерин?

Брат Коун выпрямился:

– Подожди...

– О, она зрит в корень, не так ли? – Дорна встала, по-прежнему держа сковородку. – Я стара, а ты за свою жизнь никогда не отказывался от второй порции лапши.

Брат Коун нахмурился:

– Дорна, ты на чьей стороне?

Их прервал свист. Брат Коун, действуя скорее на животных инстинктах, чем вследствие долгих тренировок, отскочил назад. Стрела выбила из рук Дорны сковороду, отправив ее в полет.

Все замолчали. Губы графа Джанель сжались. Она больше не выглядела удивленной.

– Ой! Зачем вы это сделали? Я ее еще не дочистила! – Дорна потерла руку и недовольно поморщилась.

Сердце брата Коуна билось так быстро, что он подумал, что оно сейчас превратится в кролика и убежит. Последние бандиты, с которыми они столкнулись, были сплошь вооружены вилами и длинными ножами – оружием ближнего боя, – и это играло на руку графу. Она выглядела такой беспомощной; это всегда приманивало волков.

Другое дело – стрелы. К ним у графа Джанель не было иммунитета.

Как и у Коуна с Дорной.

Бандитка лишь крепче сжала серп в руке.

– Мы здесь не для того, чтобы развлекать тебя, старая карга. Отдавайте свои ценные вещи. Сейчас. – Она указала на фамильный меч Джанель, вложенный в ножны и висевший на толстой ветке на поясе: – Чей он?

Джанель склонила голову набок:

– Мой.

– Лошадиное дерьмо! – рассмеялась женщина. – Да будь я проклята, если ты хотя бы сможешь поднять такой тяжелый металл. Где твоя охрана? Справляет нужду в лесу?

Брат Коун посмотрел в сторону деревьев. Листья шуршали, когда бандиты меняли позицию или выражали нетерпение. Тот, кто стрелял из лука, либо знал свое дело, либо был благословлен Таджей, но если у них чуть больше луков, если они смогут выстрелить залпом...

Брат Коун подозревал, что граф знала об опасности, но глаза у нее горели так, словно она развлекалась.

Брат Коун подозревал, что она *действительно* развлекается.

Он сделал знак утреннему солнцу, задаваясь вопросом, что он сделал для того, чтобы огорчить отца Зайхеру. Было ли это задание наказанием?

– Ты так убеждена, что у меня должны быть охранники, – задумчиво произнесла Джанель. – Слыхала поговорку: «Не суди о том, как быстро бежит лошадь, по цвету ее шкуры»? Это может быть применимо и здесь. – Затем она встала, отряхнула крошки, оставшиеся после завтрака, с вышитой туники для верховой езды и поклонилась: – Я предлагаю тебе сделку.

– Думаешь, ты в состоянии заключать сделки?

Брат Коун встретился взглядом с Дорной. Старуха сделала едва заметный жест в сторону расположенного рядом большого камфорного дерева с толстыми корнями, идеально подходящими для того, чтобы спрятаться за ними. Джанель всегда хорошо дралась, но Дорне и Коуну нужно было где-то спрятаться.

Граф Джанель отмахнулась от ее слов:

– Ты – пастух. Ты беспокоишься о моих охранниках, и это правильно; ты не хочешь, чтобы твои люди получили ранения. Поэтому я предлагаю компромисс. Дуэль. Я сражусь с

любим из твоих соратников – даже с тобой, если пожелаешь, – используя любое оружие, которое *ты* выберешь. Если ты выиграешь, я отдам все, что у меня есть. Даю слово.

Брат Коун затаил дыхание, гадая, заглотит ли вожак бандитов наживку и кинется ли на этот подрагивающий, незащитный хвостик...

Бандитка хмыкнула:

– Ты, должно быть, вообразила, что я дура или слабачка, но это не так.

– Ты разбойница. – В этом выпаде не было ничего оскорбительного. Джанель улыбалась, как ребенок, играющий с новой лучшей подругой.

Казалось, ей доставляет удовольствие, что ее соперницей была женщина. В Джорате в разбойники шло мало женщин. Банды, с которыми она сталкивалась до сих пор, состояли из мужчин¹⁷.

Бандитка положила руку ей на бедро:

– Ты действуешь мне на нервы, крошка.

Джанель откровенно рассмеялась:

– Возможно, я была бы и не против, если бы ты меня не грабила.

– А теперь я заберу и меч.

– Разве ты бы оставила его, будь я повежливей?

– И это причудливое кольцо. – Женщина указала на цепочку на шее графа Джанель.

Фамильный меч Теранонов и кольцо с печаткой кантона Толамер.

Брат Коун с трудом удержался от громкого вздоха, но, по крайней мере, их потенциальный грабитель не ответил «нет».

– Так что насчет сделки? – продолжала настаивать граф Джанель.

Объявленная вне закона прошла взад-вперед, а затем указала на меч:

– О да. Хорошо. Сразись со мной, но оружие, которое я выбираю для тебя, – не твой клинок, а ветка, на которой он висит.

Брат Коун невольно заморгал. Предложенное «оружие» – ветвь, горизонтально отходившая от ствола дерева, была толщиной с руку графа Джанель. Для того чтобы воспользоваться этим суком, был явно нужен топор.

У них его не было.

Бандитка увидела выражение лица Коуна, вздернутые брови Джанель...

– Игры кончились, малышка. Все ваши ценные вещи находятся посередине лагеря, и считайте, что вам повезло, что нам не нужны ваши лошади.

В глубине леса что-то шевельнулось. Вдали послышался дробный стук копыт.

Женщина, должно быть, поверила, что это приближается перепуганная охрана, вернувшаяся, чтобы защитить благородную даму.

– Стать в круг! – рявкнула она. – Приготовиться!

Но стоило бандитам отвлечься на воображаемое подкрепление, как Джанель Теранон, двадцать четвертый граф Толамер, протянула руку и просто сломала ветку. Треск эхом разнесся по поляне.

– Я принимаю твои условия, – сказала Джанель. – А теперь начнем.

Поляна затихла, когда главарь бандитов поняла свою ошибку. Брат Коун почти что чувствовал к ней жалость. Кто бы мог подумать, что граф может быть опасна? Обычная девушка. Такая беспомощная.

А в итоге оказалось, что дрожащий незащитный червячок – не такая уж бесплатная пища.

¹⁷ После Лонежского Адского Марша очень многие люди решили переехать в более крупные города – ошибочно думая, что там они будут в большей безопасности, – что и спровоцировало экономический крах. К тому времени, как эти дураки поняли, что у них нет навыков работы, о наличии которых хоть кто-нибудь бы позаботился, целая куча людей потеряла фермы. Результат? Бандиты.

В воздухе пахло сосновой смолой, старым древесным дымом и приближающимся полуденным дождем: из леса вышли мужчины и женщины. Брата Коуна поразило, что женщин было не меньше, чем мужчин, да и выглядели первые не дружелюбнее вторых.

– Что вы делаете? – потрясенно спросила бандитка. – Во имя Восьми! Почему вы вышли из укрытия? Возвращайтесь к деревьям, живо!

Брат Коун тоже был в растерянности. Он не понимал, почему банда вышла из укрытия вместо того, чтобы начать стрелять, когда у них была такая возможность. Кобыла Дорна и брат Коун еще не успели спрятаться, так что они были весьма удобными мишенями.

А бандиты не только вышли из леса, но и убрали оружие, повесив луки через плечо.

Самый крупный из них – настоящий великан с серой кожей, покрытой черными пятнами, – искоса глянул на Джанель и указал на нее:

– Она бросила тебе вызов. Ты согласилась. – Судя по выражению его лица, объяснение было очевидным.

Второй мужчина потянул здоровяка за рукав:

– Пять шансов, что модногровая упадет с первым же ударом.

Дорна выпрямилась:

– Ах, теперь ты бегаешь по моему пастбищу! Ставлю десять тронов, что моя граф надерет задницу твоему боссу! – Она похлопала брата Коуна по плечу: – Жрец, мне нужны десять тронов.

– Дорна, нет! – возмутился брат Коун.

– Ну ты ж знаешь – чтобы сделать металл, нужно потратить металл.

– Идиоты! – рявкнула главарь банды. – Я говорила несерьезно!

– Это *Джорат*. – Крепыш сложил руки на груди.

Женщина с белой отметиной посередине лица сказала:

– В Джорате не шутят с соревнованиями.

– Неужели вы все такие *идиоты*?! – Главарь банды даже не пыталась скрыть раздражение.

Джанель, покачивая веткой, рассмеялась:

– Ты ведь не местная?

В этот момент на поляну выскочил Арасгон.

В каком-то смысле главарь банды была права насчет охраны Джанель. Если граф и нуждалась в свите, то Арасгон вполне подходил на эту роль. Он был ее верным спутником с детства, но, поскольку одно его присутствие во время путешествия могло напугать любого, Джанель приказала Арасгону, дабы ловушка удалась, держаться подальше от лагеря. Но Арасгон не носил доспехов, не пользовался оружием, да и вовсе не был человеком.

Огнекровка был ростом восемнадцать ладоней, черным, как соболев, с малиновой гривой и хвостом – того окраса, который джоратцы называют «поцелованный огнем». На этом его сходство с сородичами – лошадьми – заканчивалось; ноги обвивали красные тигриные полосы, а глаза были того же рубинового оттенка, что и у его хозяйки Джанель. Из него получился бы великолепный конь, но огнекровки не были конями – и готовы были напомнить об этом любому, находящемуся в пределах досягаемости их копыт глупцу, посмевавшему назвать их лошадьми¹⁸.

Арасгон издал звук, похожий на нечто среднее между ржанием и чем-то гораздо более обдуманное и пронизательное. Брат Коун знал, что это был язык, настоящий язык, но, к своему разочарованию, не мог понять ни слова.

– Я в порядке, – сказала Джанель, оглянувшись через плечо на Арасгона. – Она не примет вызов...

¹⁸ О, пожалуйста! Коун мог бы считать себя счастливым, если бы огнекровка просто ударил его копытом. Эти создания всеядны, и у них есть *клыки*.

Именно в этот момент бандитка ударила Джанель ногой в голову.

Трижды.

Бандиты ликовали. Если бы они могли, они б от радости поразбивали кружки и порвали вымпелы. А почему бы и нет? Даже учитывая огнекровку, которые почитались джоратцами почти до святости, разбойники вчетверо превосходили их числом. Это было не ограбление, а *развлечение*.

Да и забыть, что их главарь сражалась с женщиной, которая могла обламывать толстые ветви с деревьев, было достаточно легко.

Джанель так сильно покачнулась от удара, что брат Коун испугался, что бой закончится прямо сейчас. Разбойник, поставивший на такой исход, приободрился.

Но вместо этого Джанель мотнула головой и сфокусировала красные глаза на нападавшей.

– О, так мы уже начали? Извини, ошиблась. – Она вытерла кровь со рта. Улыбка, сверкавшая на ее лице, погасла.

Главарь бандитов остановилась как вкопанная:

– Почему ты не упала? Я так сбила с ног даже его! – Она указала на крепыша, принимавшего ставки.

– Я славлюсь своим упрямством. – Джанель взмахнула веткой, подкрепляя свои слова. Дерево ударилось о землю, и разбойница испуганно отскочила в сторону.

Вор, поставивший на легкую победу, застонал и передал монеты другому бандиту.

Джанель снова шагнула к сопернице. И на этот раз главарь бандитов успела поднырнуть под ветку, одновременно зацепив ноги Джанель и сбивая ее на землю. Граф едва не упала в костер, на котором готовился завтрак, а бандитка пнула ее ногой, решив воспользоваться преимуществом. Джанель перекатилась на бок и встала, попав рукою в горящие угли.

Едва раздавшиеся радостные вопли смолкли от ужаса.

Правая рука Джанель была охвачена огнем. Она посмотрела на нее, вздохнула и, взяв ветку под мышку, стащила перчатку с пальцев. В отличие от лица цвета корицы, руки ее были черны как ночь и, насколько мог судить брат Коун, вообще не были обожжены.

– Это была моя любимая пара перчаток! – возмутилась она.

– Ах, жеребенок, – вздохнула Дорна. – Это была твоя единственная пара перчаток.

– Я так и сказала, кобыла Дорна, – согласилась Джанель. Взяв себя в руки, она взмахнула веткой как дубинкой, указывая ею на свою противницу: – Я недооценила тебя, воровка.

– О, аналогично. – В ее смехе прозвучало беспокойство. – Конечно, ты сильна, как демон, и крепче, чем бык, но одной лишь веткой тебе меня не победить.

– Радуйся, что ты не выбрала меч.

В смехе бандитки прозвучали нервные нотки:

– Сначала тебе придется достать меня. А я быстрее любого, здесь присутствующего.

Великан повернулся к Дорне и доверительно сообщил:

– Это правда. Она – наш лучший боец. – Он постучал себя по груди: – А я уж в этом разбираюсь.

Джанель улыбнулась своей сопернице:

– Мне достаточно ударить тебя один лишь раз.

Брат Коун заставил себя разжать стиснутые кулаки. В каждой провинции свои традиции. Хорвешцы были великими воинами. Кирписцы гордились своими магическими способностями. Йорцы – варвары. Джоратцы любили лошадей... Но ему бы очень хотелось, чтобы кто-то рассказал о том, как народ Джората *любит соревнования*.

Все это время Джанель и главарь бандитов кружили вокруг друг друга, выжидая, когда кто-нибудь откроется. Преступница так и не попыталась ударить серпом, но и не отбросила его. Всякий раз, когда Джанель замахивалась, женщина ускользала от удара или отводила ветку

в сторону. Каждое нападение Джанель заканчивалось тем, что она получала новый удар или пинок.

В конце концов, воровка могла просто взять графа измором.

– Не так уж и плохо, – сказала женщина после того, как Джанель в энный раз пропустила ее удар. – Жаль, что тебя никто никогда не тренировал.

Джанель, сжимая ветку, рванулась вперед, бандитка отклонилась, шагнула в сторону и пнула ее в...

Скажем, по ногам.

Игрушки кончились. А может, граф Джанель просто утратила самообладание. И больше она не пыталась увернуться или избежать ударов. Она превратилась во что-то безжалостное. Женщина ударила снова, сильно, но Джанель, прищутив глаза, только хмыкнула. Граф выпрямилась и подбросила ветку в воздух. Та взлетела, кружась, как поросшее листьями колесо.

Она казалась безоружной.

Такой уязвимой...

И главарь бандитов не упустила возможности: она напала. Джанель двигалась быстро, легко уклоняясь от ударов. Поймав падающую ветку, она с силой ударила по серпу, отправив псевдооружие в полет, а затем, перевернув ветвь, ударила противницу по ноге с такой силой, словно била молотом.

Послышался громкий треск, а затем воздух распорол крик бандитки. Женщина, рыдая, упала на землю: нога ее была изогнута под странным углом.

Джанель отбросила ветку.

– О нет, – сказала она. – Я не... – Она сморгнула и отступила назад. – Брат Коун! Помогите нам!

Он рванулся к ней:

– Я здесь, я здесь! Позвольте, я возьму свою сумку...

Великан окинул все это взором и, скрестив руки на груди, нахмурился:

– Я совсем *не так* себе это все представлял.

Стоявшая рядом с ним кобыла Дорна протянула руку, чтобы забрать свой выигрыш.

2: Гнилой Плод

Провинция Джорат, империя Куур.

Через два дня после того, как Ксалторат начал Адский Марш в столице

Голос брата Коуна сорвался, и он замолчал.

– Чай смягчит тебе горло лучше, чем сидр, – сказала Джанель.

Жрец кивнул:

– Ты права. Я пойду проверю кухню. – Проходя мимо, он вежливо кивнул Кирину.

В наступившей тишине Кирин и Джанель уставились друг на друга.

Кирин спросил:

– Это все правда?

– Что? Правда ли, что Коун проверяет, есть ли чай? – Она оперлась подбородком на руку и ухмыльнулась, когда Кирин закатил глаза. – А, ты говоришь о напавших на нас бандитах.

Кирин ответил ей улыбкой:

– Нет, я говорю о ветке, которую ты сломала.

– Да. Думаю, в это действительно трудно поверить.

Кирин отставил тарелку с упишеарралом в сторону.

– Я не мог закрыть дверь конюшни. Этого не смог сделать мой приятель Звезда, хотя мы оба пытались, а ты закрыла и заперла входную дверь на засов так легко, словно она была сделана из сахарной ваты и комплиментов.

Она заломила бровь:

– Тогда, возможно, эта история правдива.

– Почему эту историю рассказывает Коун, а не ты? Хорошо, конечно, иметь личного летописца¹⁹, но я сомневаюсь, что его версия беспристрастна.

– А если я буду рассказывать со своей точки зрения, все будет иначе? По крайней мере, он запомнил, что надо записать все наши приключения. А я была слишком рассеянна.

– А может быть, я просто предпочел бы услышать эту историю от тебя.

Их глаза снова встретились.

Губы Джанель дрогнули:

– Удовлетвори мое любопытство. Жеребцы или кобылы?

Кирин прищурился:

– Что?

Она наклонилась вперед, зеркально повторяя его позу:

– Ты бегаешь за жеребцами? Или за кобылами?

– Я никогда не задумывался о том, какого пола моя лошадь... – Он оборвал речь на полуслове. – Но ты ведь сейчас не о лошадях говоришь?

– Ни в малейшей степени, – сказала она. – И люди, не знающие наших обычаев, отвечая на этот вопрос, могут попасться в ловушку.

– Что ты имеешь в виду?

– Есть некоторая разница в том, как мы используем слова *жеребец* или *кобыла*. – Она медленно провела пальцем по столу. – Важно знать контекст, чтобы не оказаться в затруднительном положении.

– И каков же контекст *сейчас*?

¹⁹ Он вообще не понимает своих отношений с Турвишаром Де Лором, не так ли? Или Турвишар забыл упомянуть Кирина, что он намеревался создать из диалогов Кирина с этим безумным маленьким мимиком целый исторический отчет сомнительной точности?

– Предпочитаемый пол твоих партнеров по постели, разумеется. – В ее глазах запрыгали искорки озорства. – Ты бегаешь за жеребцами? Или за кобылами? – Она пожала плечами: – Некоторые вообще не любят бегать, но ты не из таких, не так ли?

Кирин провел рукой по волосам:

– Нет, не из таких. За кобылами, пожалуй. – Он заколебался: – И в чем тогда ловушка?

– Потому что в Джорате слова *жеребец*, *кобыла* и так далее лишь в этом случае указывают на то, что находится между ног. Обычно, когда кто-то называет человека жеребцом или кобылой, мы обсуждаем их гендер.

Кирин уставился на нее:

– А разве раньше ты говорила не о гендере? Ты женщина. Разве не это ты имеешь в виду, говоря *кобыла*?

Она дернула уголком рта:

– Ты путаешь пол и гендер. Мой пол – так же, как и мое тело, – женский, да. Но это не мой гендер. Я жеребец. И *жеребец* – это то, как джоратское общество называет наших *мужчин*. Так что в этом ты ошибся; я, безусловно, не женщина.

Глаза Кирина расширились:

– Ты только что сказала, что ты женщина.

Она вздохнула:

– То, кто я, не зависит от, – она жестом указала на себя, – этого. Не имеет никакого значения, женщина ли я, мужчина или ни то ни другое. Я все равно остаюсь жеребцом.

Кирин всмотрелся повнимательнее.

– Ты... мужчина. – Его взгляд скользнул вниз по ее тунике, задержался на ногах, затем снова поднялся к лицу. – Очевидно.

Джанель закатила глаза:

– Опять же, ты путаешь женщину и женский пол. Я не виню тебя за это; на западе это, должно быть, синонимы. Но, будь уверен, здесь – нет. – Она оглядела себя с ног до головы, дернула за ворот туники. – Обычно, когда для описания человека используют термин *кобыла* или *жеребец*, то говорят о гендере. И по этому определению я – мужчина. Но в отношении секса правила меняются. Потому что тогда мы говорим лишь об эстетических предпочтениях, и в этом случае, – она вновь осмотрела себя сверху вниз, – я, скорее всего, соответствую стандартам тех, кто предпочитает партнеров женского пола. На самом деле я мужчина женского пола. – Она улыбнулась: – Теперь ты видишь, в чем заключается ловушка?

Он покачал головой. Если кто-то похож на женщину – как Джанель, например, – как следует вести себя при общении с ним, если он определял себя как... мужчину? Да и откуда ему знать разницу? Кирин всегда предполагал, что то, что находится между ног, и является самой важной частью для того, чтобы выяснить, кто мужчина, а кто женщина.

Но, похоже, так было не для Джанель и, вероятно, и не для остального Джората тоже. О, теперь он понял, в чем заключается ловушка. Но совершенно не был уверен, что понимает, как это работает, не говоря уже о том, как этого избежать.

Неужели брату Коуну нужно столько времени, чтоб заварить чай?

– Э-э... возможно, мне понадобится время, чтобы привыкнуть к этой мысли. А обращаться к тебе надо «он» или?..

– Она, – сказала Джанель. – Мы стараемся, чтобы остальная часть Куура не слишком путалась²⁰.

– Мне кажется, у вас это не особо получается. – Кирину потребовалось мгновение, чтобы собраться с мыслями. – Так... Что насчет тебя?

²⁰ Это верно. К счастью, остальная часть Куура не обращает внимания на довольно замечательные социальные обычаи Джората или просто на то, насколько они отличаются от остальной части империи. Будем считать это хорошим знаком.

– Меня? Я вроде не запуталась.

– Нет, я имею в виду, ты бегаешь за жеребцами... или за кобылами?

Она вздернула брови:

– Зачем мне бегать только за *частью* табуна?

Кирин был рад, что он ничего не пил в этот момент.

– Ага, действительно, зачем, – улыбнулся он в ответ. Ему нравилась ее прямота. Ему нравилось ее непоколебимое отсутствие стыда. И хотя Кирин понимал, что у Джанель все рас-
планировано, ей достаточно было встретиться с ним взглядом на несколько секунд, и он тут же
начинал забывать, почему это может быть важно. Кирин понимал, что это неразумно. Совсем
не разумно.

Кирин все равно потянулся к ее руке.

Брат Коун поставил на стол поднос с чашками и чайником. Кирин убрал руку.

– Ты нашел чай. Здорово.

– Разве нет? – сказал брат Коун. – Я так рад.

Джанель вздохнула:

– Брат Коун, может, мне сменить тебя? Это поможет тебе сохранить голос.

– Вы уверены? – Коун протянул ей книгу.

– В этом нет необходимости, – сказала Джанель. – Я расскажу историю по-своему.

Кирин чуть не расхохотался от того шокированного взгляда, которым одарил ее Коун.

Придя в себя, жрец налил чаю:

– Вы не возражаете, если я запишу ваш рассказ?

Джанель заморгала, глядя на Коуна:

– Каким образом?

Коун полез в свою сумку и достал еще один блокнот.

– Это заклинание, которому я научился... – он откашлялся, – в моем старом монастыре.
Записывать рассказы для исторических отчетов. Оно очень деликатное. Вы даже не заметите,
что что-то происходит.

– Подожди. – Кирин наклонился вперед: – Ты знаешь заклинание, которое запишет все,
о чем мы говорим? Дело в том, что мне знакомо это заклинание.

Его приемный отец, Сурдые, умел делать нечто очень похожее.

– В самом деле? О, это прекрасное заклинание, не так ли? Я не могу даже перечислить,
сколько раз оно спасало мои пальцы от судорог...

– У тебя нет кольца с рубином, не так ли?

Глаза Кирина сузились, а Коун как-то странно посмотрел на него:

– Что за странный вопрос? Нет, и никогда не было. Жрецы Вишаев живут скромной
жизнью.

Кирин взял себя в руки.

– Извини. Разумеется²¹.

– Ну, – сказала Джанель. – Я, например, не возражаю, если ты запишешь, что я расска-
зываю, Коун, так что я начинаю.

И, не дожидаясь его ответа, она заговорила.

Рассказ Джанель.

Знамя Барсина, Джорат, Куур

²¹ Кирин, ты серьезно? Кирин действительно думал, что если бы Коун принадлежал к Людям Грифона, то жрец просто бы признался в этом? Я думаю, что даже Коун не настолько глуп.

Увидев сломанную ногу, я отбросила ветку и отступила назад, а брат Коун бросился к нам. Арасгон обнюхал меня, проверяя, не получила ли я серьезных травм – и на это были причины: на челюсти и ребрах наверняка останутся синяки.

Эта женщина пиналась, как сам Хорсал.

Остальные бандиты побросали оружие у костра, показывая, что они сдаются. Я почти не обращала на них внимания, разве что подсчитала, сколько их – если считать женщину-главаря, восемь, – да еще и несколько имен расслышала. Женщину с белым пятном звали Кей. Еще кого-то – я так и не поняла кого – Виданом. Может, я и дура, но нужны они мне были лишь для того, чтоб заработать денег.

Удача была с нами: в столице Барсины, Мерейне, должен был начаться турнир, на котором был обязан присутствовать местный барон, а значит, ждать награды было недолго.

Когда мы в первый раз ловили бандитов на живца, брат Коун очень удивился: он никак не мог понять, почему другие бандиты никогда не пытались убежать или вступить в бой после проигрыша их предводителя. Пришлось мне объяснять...

Видите ли, все в *нашем* мире зиждется на двух понятиях: идорра – власть и сила, которыми обладают те, кто защищает других, и тудадже – уважение, достигаемое при подчинении тому, кто выше. И для того чтобы определить, кому принадлежит каждое из них, проводятся испытания, состязания и дуэли, что способствует хорошему воплощению лидерства и хорошим общественным связям. В поражении тоже нет позора. Бандиты, показав тудадже и став нашими пленниками, найдут сочувствие и прощение. И поэтому, что вполне естественно, они сдались. И естественно, с ними будут хорошо обращаться.

И разве человек, сильный в идорре, мог поступить иначе? Тот, кто использует свою силу для угнетения, – хулиган и тиран. И для него тоже есть слово на нашем языке: *торра*.

Увы, но Коун так ничего и не понял. За горами, на западе, все иначе.

Да на западе вообще все по-другому!

Но именно сейчас у одного бандита было меньше тудадже, чем у остальных. У мужчины с лаэвосом – волосами, подстриженными, как конская грива. Прической, которая является признаком благородства.

У того самого человека, который поставил на мое поражение и проиграл.

В то время как остальные смотрели на своего бывшего лидера или брата Коуна, он уставился на меня.

– Я вас знаю, – сказал он. – Вы – Джанель Данорак, внучка графа Толамера.

О, чудесно! Он знает, кто я.

Проклиная в уме свою удачу, я вздернула подбородок:

– Ошибаешься, – отчеканила я.

На его красивом лице промелькнуло замешательство. Белый лаэвос, выделявшийся на фоне темно-серой кожи, когда-то, наверное, был прекрасен. Как привыкший к роскоши человек мог превратиться в кого-то, таящегося в лесу, прячущегося от своих врагов?

Так же, как я, наверно?

– Разве? – удивленно прищурился он.

– Да. Когда-то я *была* внучкой графа Толамера. Теперь я графиня Толамера. – Я заставила себя вновь посмотреть ему в глаза. – Как ты меня узнал? С тех пор как я посещала это знамя, прошло много лет. Я думала, меня никто здесь не узнает.

Судя по его горькой улыбке, он смеялся скорее над собой, чем надо мной.

– Я с детства помню ваши визиты. Вы всегда могли уговорить Тамина играть с вами и этой огнекровкой и возвращались грязной после лазанья по деревьям или постройки замков из песка. Это ведь вы, правда? Вы – Джанель Данорак.

– Моя фамилия *Теранон*. Ты из свиты барона Барсины?

– Был. – На его лице промелькнуло болезненное выражение. – Но вы ведь *Данорак*?

Бандиты шумной и обеспокоенной стаей птиц обступили своего раненого главаря, но стоило раздаться этому вопросу, и все разговоры стихли. Все взгляды обратились ко мне.

Я вздохнула:

– Я просто случайно оказалась на пути Адского Марша.

Он усмехнулся:

– А еще вы очень скромны.

– Нет, я не... – Я оборвала речь на полуслове.

Меня всю жизнь учили, что я не должна никому рассказывать, что же на самом деле произошло в кантоне Лонеж, когда в нем бесчинствовали демоны, а потому я не спорила с людьми, готовыми сплести мифы из моих детских кошмаров.

Для тех, кто не знает историю Джората, поясню: Данорак был огнекровкой. И он вдоль и поперек оббежал весь Джорат за неделю – без еды, питья и отдыха, и все для того, чтоб предупредить стада людей и огнекровок, что они должны подняться на возвышенность до того, как император Кандор затопит Бесконечный каньон, чтобы вынудить нашего тирана, бога-короля, выйти на открытое место, где его могут убить.

Когда Данорак спас всех до единого, он упал замертво от истощения.

Лонежский Адский Марш начался потому, что какой-то колдун или колдунья в Маракоре вызвали демона, обладающего большей силой, чем они могли контролировать. Результат был вполне предсказуем, и закончилось все лишь после того, как большая часть Джората и целый кантон – Лонеж – обезлюдели.

Меня стали называть Данораком после того, как разнеслась весть, что я обогнала демонов и несколько дней была на шаг впереди них, и все для того, чтобы предупредить императора Санда о вторжении. Считалось, что это знак почета.

А вместо этого служило напоминанием, что вся моя жизнь и моя репутация основаны на лжи.

Никто не способен обогнать демонов, а уж тем более восьмилетняя девочка.

Говорить об Адском Марше мне совершенно не хотелось, так что я переключила внимание на брата Коуна, все еще занимающегося главарем банды.

– Она сможет путешествовать?

– Хотя сейчас, – заявила женщина, пытаясь сесть.

– Прекратите, – упрекнул ее брат Коун. – Я еще не закончил вправлять вашу ногу.

– Еще раз дотронешься до нее, и я покажу, как сильно могу пинаться другой.

– Но я должен... – Мой жрец повернулся ко мне за помощью: – Граф, пожалуйста, не могли бы вы ей объяснить, что я пытаюсь помочь?

– Точнее, пытаешься полатать мои ноги!

Дорна засмеялась:

– Он не таков. Наш Коун – мерин во всех отношениях. – Ее улыбка стала еще шире. – Хотя ноги у тебя красивые. Если он и не будет этого делать, то я с удовольствием.

Коун закрыл глаза, бормоча молитву.

– Как тебя зовут? – спросила я побежденную.

Она шмыгнула носом и отвернулась.

Я стянула маску с ее лица. Она ударила меня по руке, но сейчас женщина была слишком слаба.

Без маскировки она выглядела настоящей джораткой: с прямыми черными волосами, темно-коричневой кожей и неровным розовым пятном, занимавшим левую щеку и лоб. Судя по всему, она была вдвое старше меня.

Но она не была джораткой.

При этом она убедила целую банду джоратцев отдать ей свое тудадже. Вероятно, они не знали, кто она на самом деле.

А может, она просто очень хорошо дралась.

– Ее зовут Нинавис, – сказал мужчина с лаэвосом. – Можно Нина. До того как барон объявил, что лес полностью принадлежит ему, она была охотницей, но сейчас его солдаты под страхом смерти переселили целые деревни, и семьи, которые охотились на этих землях в течение многих поколений, теперь стали браконьерами.

– Ты серьезно, Кэлазан?! – выругалась Нинавис. – Может, ты сразу и барону мое имя назовешь?

– Ей можно сказать, – сказал Кэлазан. – Нина, ты разве не понимаешь? Она та, кого мы так долго ждали. – Он снова повернулся ко мне: – Я – Кэлазан. Великана зовут Данго, а того, со шрамом на лице, – Дубина. Это Кей Хара и Джем Накиджан, а рядом с ними стоят Видан и Ган...

– Ган, дочь мельника, – перебила его женщина, которую так называли. Она была молода, красива и щеголяла великолепным лаэвосом, и если она на самом деле дочь мельника, то я – королева Старого Зайбура. – Кэл, Нина права. Тебе не следовало называть наши имена.

– Но, Ган, это она, – отчаянно жестикулируя, оживился он. – Мы месяцами влачили жалкое существование в лесах, а барон и его проклятый капитан сжигали деревню за деревней, разыскивая угрозу, которую им предсказали. Нужно демону дитя, помнишь? Но что, если *она* – та, кого они боятся? Что, если бы это всегда была Данорак? В пророчестве не сказано, что это должен быть кто-то *местный*.

У меня скрутило живот от ужаса, охватившего меня с ног до головы, и чтобы не поддаться порыву схватить Кэлазана за горло и трясти его до тех пор, пока ответы не выплеснутся наружу, я уперла кулаки в бока.

– Объясни, о чем ты говоришь? – потребовала я. – И напрямик, ибо я ненавижу пророчества.

Вопрос остался без ответа.

У Арасгона чувства намного острее, чем у любого человека, и огнекровка закричал:

– Граф, мы не одни! – как раз в тот момент, когда на поляну с подветренной стороны выехали три дюжины вооруженных всадников, одетых в золотисто-коричневые цвета знамени Барсины.

И у всех у них были арбалеты.

Или, точнее, у всех у них были арбалеты, направленные на нас.

Несколько бандитов рванулись то ли за оружием, то ли просто в лес, то ли в укрытие, которое они могли бы найти под корнями деревьев. Нинавис за ними последовать не могла, а Кэлазан хотя и не побежал, но я заметила, что и он, и Ган, дочь мельника, накинули на головы капюшоны плащей, чтобы скрыть прически-лаэвос.

– Итак, что у нас здесь? – спросил командир стражи, выезжая вперед. – Всем оставаться на местах, никому не двигаться!

– О, отлично! – выпалил Арасгон, подбегая к нему, чтобы поприветствовать прибывших. – Мы поймали этих отбившихся от табуна животных. А теперь помоги нам отвести их к твоему табунщику.

Капитан стражи не обратил на Арасгона никакого внимания:

– Тебе нечего сказать? Кто здесь главный? Говори громче!

Арасгон сморгнул и уставился на меня. Я поняла, о чем он подумал. Неважно, что эти люди выглядели как джоратцы; ни одно дитя наших лугов не осмелилось бы проигнорировать слова огнекровки.

Если только они *не* поняли огнекровку.

Но это невозможно. В древние времена бог-король Хорсал избрал нас, чтобы мы заботились о его любимых детях – его огнекровках. И когда те же самые огнекровки присоедини-

лись к людям при свержении Хорсала, наши отношения лишь укрепились. Каждый ребенок в Джорате учится понимать наших четвероногих сородичей.

Но этот солдат не понял речи Арасгона. Он либо идиот, либо такой же чужак, как Нинавис.

И я готова поставить металл на последнее.

Я шагнула вперед:

– Я здесь главная. Я граф Толамера, еду в Мерейну навестить барона Барсины.

Он окинул меня критическим взглядом. С моим ухоженным лаэвосом и достаточно роскошной, пусть и поношенной, одеждой я не была похожа на крестьянку. Однако, если одежду и уход за нею и можно подделать, идорру подделать нельзя. Я вела себя как настоящий граф.

– О? И где же ваши охранники? – спросил он.

Я услышала, как натужно запротестовала Нинавис, главарь банды.

Я заставила себя изобразить на лице приятную улыбку:

– Меня сопровождает огнекровка. Какая еще защита может понадобиться любому аристократу?

Мужчина, наконец-то поняв, кто такой Арасгон, оглянулся. Огнекровка, вскинув голову, направился обратно к плотно и неуклюже сгрудившимся бандитам.

Предводитель солдат спешился:

– Я капитан Дедрю. Мы охотимся за преступниками, уже почти год грабящими и поджигаящими деревни вдоль реки. И эти люди как раз похожи на них, так что, если вы простите нас, – он указал своим людям на бандитов, – мы заберем их.

Половина солдат спешилась, убрав арбалеты и достав мечи. Однако меня беспокоило выражение их лиц. Я бы поняла, если бы они были в гневе, но в их глазах светился голод хищника, нагнавшего добычу. Я видела, как капитан бросил короткий взгляд на сидевшую на земле Нинавис и облизнул губы²². От такого взгляда нельзя ждать добрых намерений.

Я изо всех сил пыталась сдержать гнев, чувствуя, как волна ярости наполняет меня неприятным теплом.

Я возложила руку без перчатки на кожаный нагрудник Дедрю.

– *Это* я поймала их, Дедрю, – сказала я. – Победила их и подчинила их туда же моей идорре. И потому они находятся под моей защитой, пока я не передам их барону. Лично.

Конечно, я чувствовала иронию всего происходящего. Видишь ли, я *изначально и собиралась* поступить так, как предлагал Дедрю. Я ведь специально их ловила! Когда я до этого охотилась на бандитов, то отдавала их местным властям, даже не узнавая, как их зовут. Я не собиралась нести за них ответственность. Я не собиралась брать под опеку каких-то бродяг, а просто пыталась наполнить сундуки, оставшиеся пустыми после моего быстрого отъезда из Толамера.

Да в любом знамени, кантоне или округе провинции предлагалась награда за пойманных разбойников! Я действительно *просто* хотела обменять их на металл!

И вот теперь я заявляю о том, что они находятся под моей идоррой, как будто они не просто мусор – простолюдины, преступники и грабители. Чем они отличались от других? Может, я так сказала потому, что вышла из себя и ранила их главаря? Не знаю.

А может, капитан Дедрю просто шел неправильным аллюром.

– Капитан! – закричал один солдат. – Там, за ее спиной! Это *он*!

Дедрю попытался оттолкнуть меня и удивленно замер, обнаружив, что не может этого сделать, а всадники позади него навели арбалеты. И они выстрелят раньше, чем бандиты – о, Хоред, теперь они, похоже, стали *моими* бандитами? – успеют дотянуться до луков.

²² Это та ситуация, при которой, я думаю, что хорошее проклятие помогает убедить мужчин, что нужно держаться на расстоянии.

Капитан Дедрю был воистину устрашающ. По крайней мере, на фут выше меня, со светло-серой кожей, испещренной темно-серыми ягуаровыми пятнами у самой линии роста волос. С глазами цвета льда.

И хоть он был достаточно красив, в воздухе чувствовалась какая-то совершенно не нравящаяся мне вонь, что-то похожее на запах гнили, смуть которую не сможет ни одна ванна.

– С дороги, – усмехнулся он и добавил: – *Миледи*, – как будто вспомнил об этом только сейчас и не потрудился извиниться за свои слова. – Эти преступники разыскиваются за государственную измену и колдовство. Если вы выступаете от их имени, мне придется предъявить эти обвинения и вам.

– Капитан, если эти люди совершили преступления, они заплатят за них, однако сейчас они находятся под моей идоррой. Так что давайте, как и положено, отправимся для вынесения приговора в Мерейну.

– Женщина...

– *Женицина*? – Я недоверчиво вздернула бровь.

Он нахмурился:

– У тебя нет права вмешиваться в это. Будь благодарна хотя бы за то, что я сопровожу тебя обратно в город. – Он наклонился, так что его лицо оказалось напротив моего: – Зима была тяжелой и опасной. На обратном пути может случиться все что угодно.

Я уставилась на него, совершенно не удивленная и не испуганная его словами:

– Вот оно как?

– Если ты будешь со мной мила, я позабочусь, чтобы ты добралась... – Моя рука сомкнулась на его горле, и он сдавленно булькнул.

Не буду врать. Мне очень хотелось усилить хватку, да так, чтоб пальцы сомкнулись.

– Я граф Толамера, – сказала я. – И я жеребец, а не кобыла. И я не спрашиваю твоего разрешения. Я отдаю тебе приказы.

Несмотря на преимущество в росте, я все же приподняла его на несколько дюймов над землей. И заодно прикрылась им от его арбалетчиков.

– Э-э... Граф? – окликнула Дорна. – Не хотелось бы мешать твоему флирту, но стоит позаботиться о детях...

Я оглянулась. Солдаты направили свое оружие на Дорну и брата Коуна и да, даже на Арасгона, хотя их нервные взгляды намекали, что они совсем не были уверены в том, что это разумно – угрожать огромному огнекровке.

– Скажи своим людям, чтобы прекратили, – сказала я Дедрю. – Или они смогут полюбоваться, как я оторву тебе челюсть и удушю тебя твоим собственным языком²³. И отныне ты не будешь разговаривать с *графом* таким тоном. И не поднимешь оружия против тех, кто находится под моей защитой. Понятно? – Я замолчала, прислушиваясь к сдавленным звукам, которые он издавал. – Моргни, если понятно.

Его пальцы коснулись моих, но он моргнул, а когда я отпустила его, сдавленно сглотнул и сплюнул на землю.

– Опустите оружие! – прохрипел он, а затем в ярости повернулся ко мне: – Пообещайте, что вы поможете мне арестовать этих преступников, иначе то, что вы граф, вас не спасет.

Я подняла бровь, задаваясь вопросом, как правитель знамени Барсины обучал своих людей. Я помнила барона как крепкого жеребца, предпочитавшего морковке кнут. Если поведение Дедрю что и доказывало, то лишь то, что с годами ему становилось все хуже.

– Вы, кажется, запутались, капитан. Барон *ниже*, чем граф. И я уже предложила доставить их, не так ли?

²³ Она нравится мне все больше и больше.

Он попятился, свирепо глядя на меня. Его тудадже был очень скуден. Я доказала ему свое превосходство, но он ответил на это негодованием, а не благородным подчинением моей воле. Он был хулиганом, торрой, тем, кто думал, что физическая сила – единственное, что имеет значение, когда ты доказываешь свое право доминировать. В его взгляде я видела угрозу: *берегись, или, когда мне выпадет шанс, ты заплатишь за это унижение.*

Я прищурилась. Существующая система функционировала уже пятьсот лет, и это работало, потому что люди понимали свое место.

Он показал, как он низок, настаивая, что его идорра выше моей, что было совершенно недопустимо после того, как я заставила его подчиниться. Впрочем, всегда были те, кто считал, что идорра и тудадже – это синонимы мужского и женского пола.

Чужаки часто совершают эту ошибку.

Я вряд ли могла называться графом, если бы позволила подобным образом относиться ко мне кому-то с таким статусом.

Я подозвала свистом лошадь Дорны, Кусачую Крошку, и мерина брата Коуна, Облако, а сама начала спускаться с дерева оленя, которого мы поймали.

– Кобыла Дорна, брат Коун, помогите связать наших друзей, пока эти люди помогут нам свернуть лагерь. Нинавис, ты поедешь на Арасгоне. Я оседлаю наших лошадей. Остальные не создавайте проблем.

Меня удивила улыбка Кэлазана. Я вспомнила его разговор о пророчестве, о нужном демону дитя.

Кэлазан не боялся. Ну конечно, ведь прибыл герой, который избавит их всех от капитана Дедрю и его людей!

Я не знала, хочу ли, чтобы он оказался прав.

3: Правосудие барона

Провинция Джорат, Куурская империя.

Через два дня после смерти императора Санда

– Подожди, – сказал Кирин. – Огнекровки разговаривают? Эти лошади в конюшне умеют *разговаривать*? – Он указал себе за спину для выразительности.

Кирин всегда разговаривал со Стервой так, как будто та понимала его, а в детстве он так же обращался с кошкой по имени Принцесса.

Людям всегда нравится считать питомцев семьей, но это не значит, что те отвечают взаимностью.

– О нет, – вздохнул брат Коун. – Теперь и ты это сказал.

– Что?

– Они не лошади, – настойчиво сказала Джанель. – Огнекровки – подданные империи, пользующиеся законными правами в полной мере.

Глаза Кирина расширились:

– А империя об этом знает?

Джанель решительно поставила кружку на стол:

– Когда Атрин Кандор освободил Джорат от бога-короля Хорсала, он предоставил гражданство обеим расам, поработенным богом-королем: и людям, и огнекровкам. Назвать огнекровку конем, все равно что назвать человека животным. И да, они разговаривают. – Она скрестила руки на груди. – И не их вина, что ты так и не научился их понимать²⁴.

– Ну, тогда попытки Дарзина заставить Стерву размножаться смотрятся совсем по-другому. – Кирин скорчил гримасу: – И весьма непристойно. – Хотя это не особо бы изменило поведение его ужасного брата. На самом деле Кирина не удивило бы, если бы выяснилось, что его брат пытался сделать это, даже зная правду об огнекровках. Это было так похоже на Дарзина.

– Ты назвал Хамаррат *Стервой*? – Судя по тону Джанель, Кирин провалил тест.

– Что... Подожди! Почему ты думаешь, что Стерву зовут Хамаррат?

Кирин вспомнил, что Звезда упоминал это имя.

– Она сама мне это сообщила в конюшне, – сказала Джанель. – Помни, они умеют *разговаривать*.

Кирин вспомнил о звуках, которые издавали лошади – вернее, огнекровки – во время нападения дракона. Он предполагал, что это было обычное лошадиное ржание.

Шторм. Большой дракон. Опасности. Но *речь*?

Все возможно.

– Я понимаю, что это может шокировать, – сказал ему брат Коун. – Поверьте мне, я прекрасно понимаю.

– Звезда сказал, что ей нравится имя Стерва, – сказал Кирин. – Так что я продолжу звать ее так.

– Ладно, – сказала Джанель. – Если она сама на это согласилась, а не ты дал ей кличку, как рабыне.

Глаза Кирина сузились:

– Она не рабыня.

– И лучше бы так и было.

²⁴ Хорсал не просто развлекался с кентаврами и огнекровками. Каждая лошадь в Куурской империи происходит из Джората. Не удивлось, если настоящей причиной вторжения Кандора было получение контроля над стадами Хорсала. В конце концов, джоратские лошади не просто сильнее, быстрее и выносливее; они также не страдают от колик. Хорсал *действительно* любил лошадей.

Брат Коун переводил взгляд с одного на другого:

– Джанель, может, я начну чтение? А вы сможете поесть.

Джанель придвинула миску к себе.

– Да. Пожалуйста.

Рассказ брата Коуна.

Город Мерейна, Знамя Барсина Джорат, Куур

Чтобы получить вознаграждение за пойманных бандитов, нужно было съездить в Мерейну – столицу знамени Барсины. Поездка была не очень приятной. Охранники всю дорогу шутили и подтрунивали друг над другом, хвастаясь так, словно они не просто прибыли на все готовое, а сделали что-то большее. И в отличие от них разбойники были мрачны.

Брат Коун невольно сравнивал их с теми разбойниками, которых они ловили раньше и которые относились ко всему происходящему как к игре.

Он был удивлен. В остальной части Куурской империи бандитизм карался продажей в рабство. Здесь же, в Джорате, мужчины и женщины, которых они арестовывали, обычно вообще не относились к этому серьезно. Они были преступниками и насильно и с радостью забирали металл, но к своему аресту относились как к шутке. Они проиграли, граф выиграл. Хорошо сыграно.

Нинавис и ее банда вели себя по-другому.

И бандиты, и граф Джанель молчали напряженно и угрюмо, а сама она, прищурившись, оглядывалась по сторонам, словно в любой момент ждала нападения. И по мере того как команда приближалась к цели, напряжение только росло.

Стоило выехать за деревья, и в поле зрения появился замок Мерейна. Вначале Коун его не узнал и понял, что здание не было сторожевой башней или складами, лишь когда охранники направились к нему.

Честно говоря, здание не особенно-то и походило на замок.

Приземистое квадратное сооружение было построено в древности, когда все эти земли находились за пределами Куурской империи, и сейчас пограничная крепость была просто перестроена в резиденцию местного правителя. Называть это здание *замком* было все равно что сравнивать пологие холмы его родного Эамитона с Драконьими Башнями.

«Город», расположенный в долине ниже плато, на котором находился замок, отличался от сделанных из дерева, глиняных кирпичей и камня сооружений, используемых в Западном Кууре. Вместо домов долину покрывали частные дворики и беседки. На столбах развевались флаги и знамена, превращавшие город при сильном – или даже слабом – ветре в море развевающейся ткани. Это было, конечно, мило, но совершенно бесполезно для защиты от штормов, которыми так печально славился Джорат.

По улицам бродили лошади и слоны. Доли – порода собак с мордами, похожими на лисы, – бродили по улицам или держались поближе к частным дворикам.

Но где же дома?

Единственные сооружения, напоминающие здания, располагались на том же плато, что и замок: сотни джоратских палаток, называемых *азок*. Сделанные из ткани и шкур, натянутых на деревянную раму, азок были достаточно большими, чтобы вместить как людей, так и лошадей. Эти временные дома должны были приютить путешественников, прибывших на турнир: купцов, торговцев, фермеров и тех, кто представлял их интересы на самом мероприятии.

Захваченные в плен бандиты шли перед братом Коуном и Дорной, только Нинавис ехала верхом на Арасгоне. Граф Джанель находилась рядом с разбойниками, отказываясь ехать с капитаном Дедрю или стражниками, хотя она вполне удовлетворилась тем, что позволила им нести тушу оленя, предназначенную в качестве гостевого подношения барону. Брат Коун подозревал, что Джанель сопровождала заключенных, чтобы убедиться, что никто не будет приста-

вать к ним. Пусть он и был в чем-то наивен, но даже он заметил, как солдаты смотрели на разбойниц.

У джоратцев слово *торра* буквально означает «жеребца, которого небезопасно оставлять с другими лошадьми».

И это не комплимент.

Дорога к замку вела через ярмарочную площадь. Из-под обычно опущенных клапанов палаток выглядывало множество людей, которые затем прятались обратно.

Между палатками промчалась, распространяя весть о прибытии, девушка с жесткими седыми волосами и черной кожей, расцвеченной серебристыми пятнами. Секундой позже из азока вышел такой же пятнистый, но более крупный мужчина – судя по фартуку и брюкам, кузнец – и, вытирая руки полотенцем, остановился, наблюдая за группой. Казалось, его неодобрение еще долго витало в воздухе, даже после того, как они прошли.

Ненависть не была направлена на брата Коуна, Дорну, Джанель или бандитов. Кузнец приберег свой гнев для стражников.

Одетый в меха юноша остановился, надевая клобучок на орла – джоратцы часто использовали их для охоты. Казалось, он собирался выпустить птицу на сопровождающих бандитов стражников, но другой охотник удержал его, положив руку на плечо.

Горожане узнали разбойников, но злости к ним не испытывали. Врагами здесь были не они, а стражники. И именно на них весь город смотрел так, словно люди барона были львами, бродящими по их лугам. Торра – хулиганы, мягко говоря.

Брат Коун почувствовал озноб. Джорат не был той провинцией, от которой можно было бы ждать восстания²⁵. Джоратское общество основывалось на идее, что каждый его член принимает свое место. Ненависть к солдатам знамени выглядела как гроза в обычно безоблачном небе.

Пока группа двигалась к замку, Кэлазан развернулся и прошел назад, чтобы обратиться к своим компаньонам:

– Для меня это было честью и привилегией. Вы лучшие из людей. И пусть никто не скажет иначе.

Самый крупный бандит – кажется, его звали Данго – фыркнул:

– Ах, Кэлазан. Оставь свои сладкие речи. Мы еще даже не поженились.

Кэлазан грустно ему улыбнулся:

– Возможно, в следующей жизни. Думаю, сегодня ночью я лягу на брачную постель Бледной Госпожи, а не на твою. – Он встретился глазами с разбойницей с прической лаэвос – Ган, дочерью мельника. Грустная улыбка стала горькой.

Дорна повернулась к графу Джанель, которая с каменным выражением лица наблюдала за перепалкой. По лицу Дорны скользнула плутовская усмешка:

– Мы могли бы...

– Шагайте вперед, будьте вы прокляты! – приказал капитан Дедрю.

– Пока никаких похоронных речей, Кэлазан, – сказала Нинавис. – Мы еще здесь не закончили.

– Зато скоро закончите, – отрезал Дедрю. – А теперь шагайте, или я воспользуюсь мечом.

– Пошли дальше, – предложила граф Джанель.

И они пошли вперед.

Брат Коун предполагал, что замок Мерейны будет комфортабельным, поскольку именно его правители этого знамени называли своим домом. Впрочем, он быстро понял свою ошибку.

²⁵ Это потому, что никто не ценит упорство джоратцев, способных заставить плохих правителей уйти или попросту свергнуть их. Восстание пропитано их кровью. Подумайте: они – *единственная* провинция, свергнувшая своего бога-короля.

Каменные стены служили для безопасности, а не для комфорта, но в век современных магических осадных кораблей они давно устарели. В замке было душно, тесно и холодно. Коун подозревал, что, когда наступит сезон летних дождей, здесь будет душно, тесно и жарко. Как ни крути, крепость была местом совершенно неприятным для жизни. Палатки-азоки казались намного практичнее.

Коун взгрустнул по Красному Человеку из Дома Де Тала, способному сотворить согревающее заклинание, но, судя по тому, как суеверно относились к магии местные жители, особого шанса найти здесь такого не было.

Несмотря на отсутствие удобств, в замке были свои красивые оригинальные особенности: украшенные резьбой с лошадиными мотивами деревянные карнизы из кипариса и тунгового дерева. Старые, выцветшие гобелены скрывали крошащиеся стены. Фонари – солнце выжгло узоры на их кожаных боках – отбрасывали расписные тени на плиточные полы. Крепость не сильно отошла от военных корней: вооруженные мужчины и женщины расположились лагерем во внутреннем дворе, а лошадей оставили жевать зерно в грязном, затоптанном дворе.

Дедрю послал гонца к барону, а стражники остановились у ворот.

– Идет подготовка к турниру, – пояснил капитан Дедрю Джанель. Пока они ехали, Дедрю решил произвести впечатление на графа, превратившись из воинствующего в подобоострастного.

– Я вижу, – ответила она.

Он усмехнулся, в глазах появился блеск:

– Я тоже буду участвовать.

Она искоса глянула на него:

– Это очень мило с твоей стороны.

– Я собираюсь выиграть, – признался он.

Она так плотно стиснула зубы, что, казалось, можно было услышать скрежет зубов. Брат Коун не отводил от нее пристального взгляда, зная, что она в любой момент может не выдержать. Не то что он мог ее остановить – просто нужно было знать, в какую сторону бежать.

Капитан Дедрю наклонился к Джанель:

– Я всегда выигрываю.

На этот раз она обратила на него внимание:

– И барон не считает, что это конфликт интересов? Разве вы не следите за арестантами?

Капитан Дедрю выпрямился, собираясь возразить ей, но в этот момент ведущие в замок двустворчатые двери распахнулись.

Барон Барсины вышел во двор.

На бароне был пышный наряд – гораздо роскошнее, чем когда-либо носила граф Джанель. Но жрец совсем не ожидал, что барон будет таким: с золотистой кожей, тонкими чертами лица – и в то же время очень молодым.

Таким же молодым, как граф Джанель.

– Тамин! – рассмеялась Джанель, с наслаждением обнимая барона и отвечая на его традиционное джоратское приветствие: лоб в лоб, положив руки друг другу на загривок. Она касалась его ласково, словно он был из тончайшего фарфора, а ее прикосновения были такими нежными, что ее деликатность легко было принять за застенчивость. – Я принесла подарок твоему огню и доброжелательность твоему табуну.

– А я приветствую тебя как гостя на моих полях, – сказал он, заканчивая официальное приветствие. – Мне так жаль твоего дедушку. – Тамин разомкнул объятия. Увидел, как граф Джанель удивленно заморгала, и добавил: – Мои люди сказали, что прибыл граф Толамера. Но вместо твоего дедушки я вижу тебя.

– Он умер во сне, – сказала Джанель. – Сердце подвело. – Она запнулась. – А ты... Где твой отец? Я думала, я увижу его.

– Он тоже умер во сне, хотя и не должен был. Убит в результате подлого заговора, и среди заговорщиков был управляющий замком. Мне сказали, я должен поблагодарить тебя за розыск последнего из убийц моего отца. – Тамин нашел взглядом бандитов.

Тому, что произошло дальше, можно было и не удивляться. Тамин, барон Барсины, прошел мимо графа Джанель к солдатам Дедрю, охранявшим бандитов, и остановился перед Кэлазаном.

А потом дал ему пощечину.

Кэлазан ухмыльнулся:

– Я тоже рад тебя видеть, барон.

Это было возмутительно, но он пренебрег традициями джоратского языка, отражающими уважение к собеседнику: *мой барон, мой господин*.

Брат Коун не владел свободно древним джоратским языком – каро, но оскорбление смог распознать даже он. Кэлазан всего одним словом поставил под сомнение статус Тамина как своего сеньора. Он объявил Тамина *недостойным* быть его сеньором.

И эти слова были смертельным оскорблением, даже если бы они прозвучали не из уст того, кто убил его отца.

– Это ведь сейчас я должен бросить тебя в темницу, прежде чем твои приятели смогут организовать твое спасение? – спросил Тамин. И, не дожидаясь ответа, махнул Дедрю: – Убей его!

– Нет! – отчаянно вскрикнула Ган, дочь мельника, и рванулась вперед столь внезапно, что этого никто не ожидал. Веревка, которой были связаны ее руки, потянула следующего привязанного к ней разбойника, Видана. Тот потянул за собой Джема Накиджана, и тот упал, и веревка, связывающая Кэлазана, лопнула.

Его узы пали.

Это могло застать врасплох солдат, но никак не самого Кэлазана. Рванув меч с пояса ближайшего охранника, он полоснул того по боку. Второй охранник еще мог что-то сделать, но прежде, чем он успел пошевелиться, нога Нинавис врезалась ему в подбородок, и тот упал.

Арасгон, закричав, взвился на дыбы, и Нинавис скатилась на землю. Приземлилась на раненую ногу и коротко вскрикнула.

Кэлазан схватил графа Джанель и приставил меч ей к горлу.

– Не двигаться! – выкрикнул Тамин. – Никому не двигаться!

Во дворе воцарилась тишина. Все замерли, увидев, что у Кэлазана заложница.

А брат Коун услышал, как Кэлазан прошептал:

– Прошу прощения, мой граф.

И на этот раз он использовал правильную форму. *Мой граф. Мой сеньор*.

– Оставь ее! – приказал барон Тамин.

Кэлазан улыбнулся и лишь сильнее прижал меч к горлу Джанель, отступая вместе с ней к воротам.

Граф Джанель промолчала – лишь стиснула зубы и, сжав кулаки, вытянула руки по швам. Брат Коун прекрасно понимал, что это значит. Кэлазан видел, как Джанель сражалась с Нинавис. Неужели он не понимает, что произойдет, если она будет защищаться?

– Отпусти ее! – повторил Тамин.

– Пока нет, – сказал Кэлазан. – Это, конечно, грубо с моей стороны, но ваш прием был столь холоден, что у меня нет другого выбора, кроме как отказаться от вашего гостеприимства. – Он отступил к арке.

– Очень хорошо, – сказал Тамин.

Кэлазан улыбнулся.

– Стреляйте в нее! – приказал барон Тамин.

Все уставились на него с недоверием.

Все, кроме Дедрю и его солдат, которые продолжали следить за заложницей.
И потом случилось очень многое.

Кэлазан оттолкнул Джанель как можно дальше от себя. Арасгон рванулся вперед, закрывая ее своим телом. Арбалеты выстрелили или, точнее, дали *осечку* – на всех разом лопнула тетива. Один арбалетный болт попал в седло Арасгона, второй пролетел на расстоянии монеты от него. Остальные солдаты замерли, не желая впустую тратить заряды и выискивая цель – учитывая, какого размера был Арасгон, он прекрасно закрывал собой мишень.

Кэлазан побежал. Проскочил через главные двери и метнулся в сторону. И прежде чем солдаты смогли прицелиться, проскользнул через дверь за бастионом.

– За ним! – закричал Дедрю. – За ним!

Солдаты бросились в погоню. Несколько осталось приглядывать за заключенными.

Дедрю вернулся к охраннику, у которого выхватили оружие. Схватил его за куртку и поднял с земли, встряхнув на весу:

– Идиот! Отведи этих мерзавцев в тюрьму, и если что-нибудь пойдет не так, клянусь, ты присоединишься к ним.

Брат Коун бросился к Нине. Женщина, что совсем не удивительно, была без сознания. Приземление на сломанную ногу, должно быть, было мучительным.

Тем не менее она была жива.

Осматривая Нину, брат Коун услышал, как обсуждают остальных пленников.

– А что насчет этой? – спросил солдат.

Тамин ответил:

– Она саэлен! Хочет жить в трущобах с ворами, так тому и быть. Посади «госпожу» Ганар рядом с ею подобными.

*Саэлен*²⁶.

Брат Коун вспомнил преподанные ему уроки каро. Потерянный или заблудший. Ужасное оскорбление по меркам Джората. Почти такое же ужасное, как и *торра*, но с подтекстом, что речь идет о маленьком ребенке, который не понимает, что в его интересах. Его сердце замерло. На секунду ему показалось, что Тамин подразумевал графа. Но нет, Тамин подразумевал скрежещающую зубами и пытающуюся вцепиться ногтями в барона Ган, дочь мельника. Будь у нее развязаны руки – лицо барона мгновенно стало бы гораздо менее симпатичным.

Тамин же повернулся к графу Джанель:

– Я очень сожалею об этом неприятном инциденте.

Она заломила бровь:

– *Стреляйте в нее?*

– У меня лучшие стрелки во всей провинции, – заверил ее он. – Так что я совсем не боялся за твою безопасность. – Он указал на главный вход в замок: – Пойдем? Я прикажу, чтобы твой подарок доставили на кухню для вечерней трапезы.

Тем временем двое охранников схватили Нинавис.

– Она ранена! – запротестовал Коун. – Нужно быть осторожными. Позвольте мне пойти с вами и обработать ее рану.

Они не обратили на брата Коуна ни малейшего внимания.

– А что будет с другими саэлен? – Голос графа Джанель звучал скучающе, словно она спрашивала об этом лишь для приличия. Но, увидев приближающегося брата Коуна, она коротко махнула ему рукой, предупреждая: *я разберусь с этим*.

– Все как обычно – станут наградой на турнире, – сказал Тамин. – Судьба Кэлазана уже предreshена. Мы скоро схватим его.

²⁶ Ненавижу эту концепцию. Таким образом можно оправдать любую пакость, заявив, что это делается для «его же собственного блага».

Раздался крик.

Брат Коун думал, что кричат о его поимке, но Ган, дочь мельника, откровенно рассмеялась, а все еще связанный Данго улыбнулся.

– Этот Кэлазан, – сказала Джанель, – он знаком с замком?

Тамин помрачнел:

– Он был сыном управляющего.

– А.

Нахмурившись, Тамин жестом подозвал Дебря:

– Проклятье! Найди его и убей. Черт возьми! Он не должен увидеть рассвета, понял? А потом выясни, какой идиот так плохо связал его, и прикажи выпороть.

Брат Коун уставился в землю, стараясь не выдать себя взглядом, и лишь когда солдаты увели пленников, а капитан Дебря ушел, чтобы проследить за поисками, позволил себе поднять глаза и посмотреть на человека, который связал Кэлазану руки.

Кобыла Дорна, улыбаясь, мурлыкала себе под нос непристойную песенку.

Брат Коун последовал за стражниками в замок и остановился, когда один из них, неуклюжий серокожий парень с черными пятнами вокруг глаз, обернулся:

– Что тебе надо? – требовательно спросил охранник.

Брат Коун указал на связанных пленников, которых несли и вели в глубь здания:

– Я должен заняться их лечением.

– Их не нужно лечить! – прорычал его собеседник.

Брат Коун, покачав головой, улыбнулся:

– Граф дала четкие указания. Я должен позаботиться об их благополучии.

И проверить все ли в порядке. Брат Коун видел, какими взглядами всю дорогу до замка Мерейны обменивались между собой стражники. Стоит только уйти всем, кому не все равно, и заключенные станут хорошей игрушкой для любых придуманных солдатами издевательств.

И то, что это ненормально для Джората, вряд ли этому помешает.

– Увидишь их утром, – скомандовал охранник.

– А как же их кровавая болезнь? – спросил брат Коун.

Все, и охранники, и заключенные, остановились.

– О чем ты?! – спросил кто-то.

– Кровавая болезнь Фалезини, – уточнил брат Коун. – Она не очень заразна, не требует карантина или чего-то вроде этого, но передается через кровь или другие жидкости. – Коун начал все сначала: – Я имею в виду, если ты прикоснешься к ним голой кожей, ты заразишься. У всех бандитов были симптомы. Мы планировали вылечить их, как только разберемся с ними, но в этой суматохе...

Первый охранник прищурился, а затем захохотал.

– Что это за чушь? Эти люди не больны, – отмахнулся он.

Брат Коун указал пальцем на Данго.

У великана были связаны руки за спиной, и в ответ на жест брата Коуна он лишь нахмурился. Но, по крайней мере, разбойники не спорили с братом Коуном, хотя он этого опасался.

Из ноздри Данго капала свежая кровь. Данго не нужно было изображать панику – он и правда запаниковал. Брату Коуну оставалось лишь надеяться, что великан достаточно умен, чтобы не сойти с ума от страха.

Данго сморщил нос, словно силясь чихнуть:

– Опять начинается, жрец.

– Да, – согласился брат Коун, – но, по крайней мере, мы нашли тебя до того, как ты истек кровавыми слезами.

Охранники отступили назад.

Брат Коун замахал руками:

– О, не волнуйтесь! Пока вы не прикасаетесь кожа к коже, никакой опасности нет. Солдат обнажил меч.

– Что, ко всем демонам, ты делаешь?! – рявкнул офицер.

– Но они больны...

– Заткнись и тащи их вниз. Хочешь, надень эти проклятые перчатки. Ты и сам знаешь, капитан хочет, чтобы они были живы. Мертвые они нам ни к чему! – Офицер снова повернулся к брату Коуну: – Они ведь не умрут от этого?

– О нет. Это поддается лечению. – Он потянулся за сумкой. – Мне нужно сделать для них отвар. И через несколько дней все станет ясно.

– Если они способны дожить до завтра, то нам не нужно ждать несколько дней. – Охранник махнул своим людям, жестом приказывая им отвести разбойников вниз по ступеням. Брат Коун предположил, что их вели в подземелье замка. Охранники, еще недавно бросавшие на заключенных голодные взгляды, теперь выглядели гораздо менее заинтересованными. Но, если говорить точнее, большинство солдат ушли сразу.

Теперь, когда брат Коун последовал за пленниками и солдатами в тюрьму, никто не поднял шума. Честно говоря, это помещение больше походило на винный погреб – прохладный, темный, такой, в котором можно безопасно хранить лучшие бутылки местного правителя. Но сейчас все вина были убраны, хотя, судя по нескольким коробкам, сложенным рядами, это место все еще использовалось для хранения. Подвал явно не предназначался для жилища. Невозможно было представить, что здесь вообще будут держать заключенных.

Брат Коун не был уверен, хороший ли это знак или ужасный.

Солдаты разделили пленников, заменив им веревки на цепи, прикрепленные к железным перекладинам, вделанным в стены.

Для всех нужд здесь было ведро и колодец.

Стражники быстро вспомнили, что они добровольно вызвались разыскивать Кэлазана, а брат Коун вытащил ведро с водой и занялся травами – а это уже само по себе могло показаться серьезным человеку, не имеющему медицинской подготовки²⁷.

Последний охранник нашел себе стул и устроился у запертой снаружи двери. Остальные ждали его в коридоре.

Брат Коун останавливался у каждого заключенного, предлагая ему воду.

Данго прошептал:

– Как ты это?.. – Он выразительно шмыгнул носом.

Брат Коун вытер кровь с лица мужчины:

– Коммерческая тайна. Не стоит здесь об этом говорить.

Данго кивнул:

– Спасибо. Кое-кто мог здесь что-нибудь устроить, и в итоге и закончить тем, что ей разорвут глотку. Так что ты можешь мне рассказать.

Брат Коун помолчал. Он подозревал, что Данго совсем не преувеличивает: у джоратских женщин была весьма определенная репутация. Коун ответил:

– Граф этого не потерпит. Мы вернемся за тобой.

Брат Коун ходил по комнате, раздавая заключенным питье и притворяясь, что лечит их от болезни, которой у них не было. Кей Хара казалась настолько искренне напуганной, что Коун подумал, что она либо принимала историю за чистую монету, либо провела значительное время в театре. Джем Накиджан даже не взглянул на него. Видан попросил жреца заняться Ган и разозлился, когда Коун настоял на том, что он должен осмотреть каждого. Дубина ничего не сказал, но, когда брат Коун дал ему воды, его взгляд смягчился и стал менее убийственным. Охранники обыскали преступника, но Коун подозревал, что этого было явно недостаточно.

²⁷ То есть почти любому в Джорате.

Возможно, ему это и почудилось, но Дубина показался ему человеком, у которого всегда есть ножи.

Дольше всего он задержался рядом с Нинавис – из-за ее травмы. То, что она упала с Арасгона и потеряла сознание, дало ему шанс вправить ее перелом. Жрец хотел бы сделать больше, но чувствовал, что, пока он занимается ею, оставшийся охранник смотрит на него. Брату Коуну очень не хотелось рисковать: увидев магию, стражник мог ее распознать. Все ведь знали, что у Нинавис сломана нога. И если бы она выздоровела к утру, Коун сделал бы ей очень плохое одол-жение.

Позаботившись обо всех, он ушел, чтобы обсудить дальнейшую тактику действий с графом.

4: Дитя, нужное демону

Провинция Джорат, Куурская империя.

Через два дня после начала правления Гадрита Де Лора

– Кровавая болезнь Фалезини? Она действительно существует? – Джанель посмотрела на брата Коуна.

Завсегдатаи таверны позади нее занялись сложной игрой, принявшись бросать кости на расположенную наклонно глиняную доску. Кто-то уже делал ставки.

Жрец кашлянул в ладонь:

– О да, более чем. Это геморрагическая лихорадка, вызываемая высохшей мочой пустынной мыши. Это одна из причин, по которой в Хорвеше так популярны кошки. – И добавил: – В Джорате никто никогда ею не болел. Не тот климат.

– Очень умно, – сказал Кирин. – Но я не удивлен, учитывая...

Его собеседники замолчали.

– Учитывая что? – спросил брат Коун.

Кирин указал на мантию брата Коуна:

– Ты жрец Мистерий. Я знал одного их приверженца. Вы все такие хитрые.

– Прошу прощения, – сказал брат Коун. – Я не «хитрый». Я предан делу, чтобы помочь другим постичь физическую и духовную гармонию.

– Возможно, он немного хитроват, – ухмыльнувшись, сказала Джанель.

Кирин продолжил:

– Разве ваш орден не признан вне закона?

Брат Коун откашлялся:

– Это всего лишь политика²⁸. Теперь все улажено. И в Эамитоне наша вера всегда принималась. – Внезапно он просиял: – Вы знаете кого-то, кто следует Пути? Это замечательно! Нас не так уж много.

– Знаю. Он скупал мои трофеи.

– Простите, что? – Глаза брата Коуна расширились.

Джанель бросила на Кирина любопытный взгляд и усмехнулась:

– Ты вырос не во дворце, не так ли? – заметила она.

– А ты – да, – согласился он. – Несомненно.

– Это был не дворец, – сказала Джанель. – Это был замок.

– Прости. Это ведь совершенно другое дело. Тем не менее я заметил, что ты больше не используешь благородный титул, – сказал Кирин. – Почему? И почему ты называешь себя *графом*, а не *графиней*?

– Разве *графиня* – это не куурский титул жены правителя-мужчины? – пожала плечами Джанель. – Если так, я не отвечаю требованиям.

– Он также используется для женщины-правителя, – сообщил Кирин.

– Как странно. Нам все равно, кто наши правители – мужчина или женщина. Мы просто всегда настаиваем, что это жеребец.

Позади нее крупный мужчина с серой кожей, словно обрызганной чем-то черным, одержал некую победу в игре, связанную с бросанием костей. Радостно закричав, он прошелся по комнате, подняв кулаки в воздух. О его победе возвестили приветствия, овации и чей-то свист, а затем шум снова утих.

²⁸ Нет, это один из основных догматов религии: «Эй, ты знаешь, что боги – это просто волшебники, которые очень хорошо владеют заклинаниями? Может быть, вам не стоит поклоняться им?» Серьезно, я поражена, что вера вишаев вообще может быть где бы то ни было легализована.

– Вы знаете, что родной язык джоратцев, каро, вообще не признает пол? – сказал брат Коун. – Только положение в обществе, отражающее власть или подчинение. А на практике я обнаружил, что используются по крайней мере три разных гендера. Ну, точнее, два и один общий термин, но все же...

Кирин широко распахнул глаза, и Джанель отставила свою миску в сторону.

– Лучше сменим тему, иначе это превратится в лекцию о социальных структурах джоратцев. А мы обсуждали это раньше.

– Э-э... верно, – сказал Кирин. – Может, это и к лучшему.

Джанель кивнула. Затем села.

Как раз в тот момент, когда Кирин решил, что она передумала, она заговорила.

Рассказ Джанель.

Замок Мерейна, Знамя Барсина, Джорат, Куур

Независимо от того, каково наше происхождение и кто мы сами: вор или аристократ, жрец или колдун, мы всегда хотим быть героями нашей истории.

Нет, это не так.

Не «мы хотим быть».

Нам *нужно* быть героями нашей истории.

Мы все воображаем, что мы должны ими быть. Никто никогда не считает себя дураком или лжецом. Полагаю, что если кто так поступит, то он изобретает какую-нибудь правдоподобную выдумку, чтобы оправдать свои поступки. Мы все видим мир именно таким. Мы все интерпретируем каждое наше действие как кульминацию эпической истории, сосредоточенной на нас самих. Что это – высокомерие или наша ограниченная способность воспринимать Вселенную чужими глазами? Если наше восприятие – единственное, что мы можем испытать, не следует ли из этого, что наше восприятие – единственное, что имеет значение?

Результат от этого не меняется. Мы противоречим правилам, нарушаем их и игнорируем. Мы ставим свои собственные потребности выше чужих. Но ведь именно так поступают герои? Разве мы не имеем права быть не такими, как все? Только на этот раз? Ну, и в следующий раз тоже?

На этот раз все по-другому. На *этот раз* это важно.

Я, конечно, размышляла о бандитах, а не о себе.

Они считали себя героями. И поскольку я была воспитана в уверенности, что мне поручили защищать эти земли, получалось, что я должна осудить их как преступников? То, что они грабили незнакомцев, не делает их смельчаками.

И все же... Слова Кэлазана жгли меня изнутри, словно готовое вспыхнуть ярким пламенем проклятье.

Он сказал, что они ждали нужного демону дитя, будь он проклят.

Хуже другое. Разве я могла не заметить, из кого Тамин набирал свои войска? Из солдат, которые не понимали языка огнекровок. Из солдат, которые, несмотря на мой костюм жеребца, обращались со мной как с кобылой. Да и в глазах самого Тамина, когда он приказал стрелять *в меня*, горел радостный блеск.

Желание барона Тамина казнить Кэлазана расставило все по своим местам. Нельзя защитить табун, убивая саэленов, отбившихся животных. И если Кэлазан, его отец и остальные сговорились убить предыдущего барона, то это означало, что до этого они пытались вынести ему Осуждение. Пытались и не *смогли* снять с поста недостойного правителя.

Я не могла поверить, что старый барон был настолько бесчестен, что не отрекся бы от власти до того, как ситуация стала настолько ужасной.

От напряжения, царившего во время ужина, казалось, что нечем дышать. При нормальных обстоятельствах можно было бы ожидать, что замок будет переполнен друзьями и гостями,

горящими желанием принять участие в пиршестве. Вместо этого главный зал казался почти пустым. В то время как я была единственной, кто привез пойманную дичь (как это и подобало по требованиям идорры), сам барон закупил ее или поймал во время охоты очень много. Как оказалось, без надобности. Большая часть забитой для турнира дичи, приготовленной в разных запрещенных стилях тамаране, осталась несъеденной.

И я знала почему. Охранники все еще не обнаружили Кэлазана. Тамин был достаточно вежлив со мною за ужином. В конце концов, разве я не была его старым другом? (Не говоря уже о том, что я выше него рангом.) Но его вспыльчивый характер побуждал большинство гостей избегать обеденного зала.

Один солдат клялся, что попал Кэлазану в спину из арбалета. Они даже нашли кровавый след, но тела так и не обнаружили. Никаких явных доказательств того, что «предатель» отправился на юг, в Загробный Мир, на последний суд Таэны.

Позже я с завистью наблюдала, как люди уходили из-за стола. Уходили после ужина по двое и по трое. Когда сэр Орет появился на пороге моего дома с бумагами о выселении и угрозами, я как раз вступила в пору совершеннолетия – возможности предаваться взрослым развлечениям и играм у меня не было.

Однако, похоже, сейчас было не время восполнять этот недостаток.

На случай, если Тамин, его гости или – да помогут мне боги! – ненавистный капитан Дедрю повернутся ко мне передом или задом, я подготовила несколько оправданий: «Нет, извини, у меня как раз началась красная луна, но в любом случае спасибо за комплимент» и «Я все еще в трауре по дедушке и думаю, что пока еще рано заниматься постельными видами спорта».

Или вот мое любимое – одно из тех, которые я никогда бы не смогла сказать Тамину, как бы сильно мне этого ни хотелось: «Нет, и не предлагай мне больше. Может, на меня и приятно смотреть, но я первоклассное чудовище. Я попросту разорву тебя на мелкие кусочки – и неважно, с какой нежностью я вспоминаю, как зимовала здесь в детстве».

Вспоминая об этом, я и сама не знаю, почему я так волновалась. Я – титулованный аристократ высокого ранга, а значит, этого от меня ждали, чтобы я к кому-нибудь подошла. Технически говоря, отношения ранга и идорры – тудадже – не имеют отношения к постельным играм, но я сомневаюсь, что это правда.

Так что ко мне никто не подходил, а Тамин сам не спрашивал. Да и, насколько я знала, Тамин уже решил для себя, что предпочитает бегать за жеребцами.

Тем не менее Тамин выделил нам прекрасные комнаты. Правда, когда я поняла, кому они принадлежали, эти комнаты стали казаться уже не настолько прекрасными – вероятно, тут жила семья Кэлазана и его отец – безымянный управляющий, казненный за участие в убийстве покойного барона.

Я не могла не задаться вопросом, сколько людей обвинили в участии в этом «заговоре». Запущенный вид замка наводил на мысль, что когда-то его залы наполняло большее количество прислуги, большее количество людей. Но кто я такая, чтобы осуждать все это? С моим домом творилось то же самое.

Последний Адский Марш был тяжелым для всех в Джорате.

– Думаешь, я неправильно поступаю с бандитами? – спросила я Дорну, когда она расплетала и расчесывала мне волосы.

Дорна тихонько цокнула языком:

– Нам нужен металл.

– Я не об этом, – сказала я. – Они бросились под мою идорру, а я ничего не сделала, когда эти люди пришли за ними.

– Ты молода, – сказала Дорна так же, как она обычно оправдывала и многие другие непростительные грехи. – Держу пари, Нинавис и ее люди думали, что смогут повлиять на тебя силь-

нее, чем на сына человека, которого они убили. Шансы выше. Таджа подарила им грязную удачу, когда солдаты нашли нас, прежде чем эти бандиты сделали все что могли.

– А что, если они правы? – спросила я. – Здесь что-то не так. Вдобавок Кэлазан сказал о нужном демону дитя...

Дорна, заставив меня вздрогнуть, схватила меня за подбородок:

– Навоз и отбросы, жеребенок! Да каждый, у кого есть глаза и уши, знает, что случилось с тобой в кантоне Лонеж...

Я оттолкнула ее руку:

– Неправда! И ты это знаешь. Я – Джанель *Данорак*. Выживших нет, и никто не знает, что там было. Без свидетелей правда превращается в слух. Слухи превращаются в миф. Джорату нужен был символ – вот они и придумали его себе.

– Меня всегда удивляло, почему этот шикарный главнокомандующий так и не внес ясность в этот вопрос²⁹.

Я вздохнула:

– Он сказал всем, что Ксалторат возглавил Адский Марш. И это была правда. – Я на мгновение опустила голову и, прикрыв закрыл глаза, вздохнула: – Думаю, этот ярлык «нужный демону» очень близок к истине.

– А я по-прежнему утверждаю, что это случайность, и ничего, кроме нее. Ничего, кроме случая. Все равно нам повезло, что мы избавились от разбойников. Помяни мои слова, от них одни неприятности.

Я отвернулась, пребывая в уверенности, что мы ни капельки от них не избавились.

– Может, мне *следовало* обвенчаться с Оретом...

Она усмехнулась еще сильнее:

– О, это было бы просто прекрасно. Вы оба жеребцы, и он тебе никогда этого не простит... Сэр Орет не просто хочет объездить тебя, он хочет тебя сломать. – Она уперла руки в боки. – Не могу поверить, что барон не попросил тебя остаться с ним на ночь. Вот ему точно нужен сильный наездник, запомни мои слова. Вы идеально подходите друг другу.

Кровь прилила к моим щекам.

– Не его дело – делать мне такие предложения, Дорна. Это я должна делать.

– Ему все равно следовало развернуться к тебе. Грубо этого не делать.

– Только для того, чтобы услышать мой отказ? Для него менее неловко просто этого не делать.

Она покраснела, и на ее лице отразилось не столько огорчение, сколько вина.

– Ох, жеребенок... Может быть, мы когда-нибудь закончим все это? Возможно, Атрин – лучшее место, чтобы найти кого-то...

У меня не было настроения обсуждать политику моей спальни.

– Дорна, хватит!

– Иди отдохни, дитя. У нас завтра долгий день.

И несмотря на то, как я боялась сна и всего, что он принесет, я кивнула:

– Да. Спасибо, Дорна.

Конечно, я очень долго пыталась не заснуть.

Так долго, как только могла.

Но Ад всегда готов заявить на меня свои притязания.

Я ненавидела спать. Я ненавидела сон, хотя засыпала всегда очень легко. У меня никогда не было никаких проблем с засыпанием, сон завладевает мной, едва я закрою глаза.

Возможно, потому, что то, что я делаю, технически не является сном.

²⁹ А ты, Дорна? Ты это сделала?

Мы живем во вселенной, разделенной на два мира, Жизнь и Смерть. Если я провожу часы бодрствования здесь, среди живых, то сон мой принадлежит богине Таэне³⁰.

Видишь ли, я умираю.

Каждую ночь я умираю.

Я закрыла глаза и открыла их уже не в Мерейне.

Я стояла на поляне в тенистом лесу под грозово-красным небом. Моя ночная рубашка исчезла. Вместо этого на мне были пластинчатые доспехи, сделанные из металла – такого темного, что он поглощал весь свет, обрисовывая силуэт темнее ночи.

Сюда я прибыла с обнаженным оружием – и это был не фамильный меч Теранонов. Да и доспехи были не те, что я унаследовала от своего дедушки и которые прятала сейчас в своем дорожном саквояже. В Загробном мире у меня не было физического тела, поэтому я не могла носить настоящие доспехи или оружие. Все это было у меня в уме – или, точнее, у меня в душе.

Передо мной раскинулась деревня-призрак. Призраком она была не в поэтическом смысле: состоящая из пустых, похожих на скелеты зданий, она переливалась в воздухе призрачными, фосфоресцирующими голубыми и фиолетовыми оттенками, застывшими в полупрозрачных фантазмах.

И она не была заброшена.

Ее жители остались здесь – убитые рядом со своими домами. И деревня, и ее жители умерли вместе.

Жители деревни, привязанные к изгородям и столбам, связанные, как скот после забоя, все пытались разорвать свои путы, а на стенах азоков были нарисованы светящейся человеческой кровью демонические руны. Не знаю, умерли ли эти люди от ударов мечом или сгорели вместе с подожженными домами, но, даже умерев, они продолжали кричать. Они корчились и умоляли, чтобы кто-нибудь уничтожил их и освободил от этих мучений.

И долго ждать им не придется: демоны уже прибыли на пир.

И их было очень много.

Я скорее почувствовала, чем услышала, как приближается первая волна, и по моей коже прошла дрожь предвкушения от лающего вибратор. Гончие захлебывались от возбуждения – они выследили оставленных для них жертв! И они сожрали бы большинство запертых душ. Или, на худой конец, хотя бы несколько.

Стоило гончим учуять меня, и их вой стал резче.

Видишь ли, это мое проклятие. В Загробном Мире я полыхаю ярче, чем все остальное вокруг меня. Я свечусь от огня, который приношу с собой. А демоны так любят тепло, и после того, как они учуют мой запах, мало у кого хватит силы воли на то, чтобы переключиться на другую, более легкую добычу.

Я задавалась вопросом, не путаю ли я причину и следствие. Стала ли я такой из-за демонов Адского Марша, нашедших меня в Лонеже? Или демоны пришли в кантон Лонеж, потому что их привлек мой огонь?

Ладно, хватит об этом.

Я хочу сказать, что они всегда преследуют меня, считая меня охотничьей ланью, робким оленем, которого нужно выследить и растерзать.

И это меня вполне устраивает.

Я уже неоднократно была наживкой в ловушке.

Ухмыльнувшись, я развернулась и приняла на меч первую гончую: расколовшийся надвое череп забрызгал мертвую землю черной слизью. Вторая гончая прыгнула и впиалась зубами в мою броню, вгрызаясь в металлическую пластину. Расхохотавшись, я отшвырнула тварь на землю – сладкий звук ломающихся костей стал мне наградой.

³⁰ О, ну вот это очень полезно знать!

За ними кинулись новые гончие. И тоже погибли.

Это были детеныши, недавно зараженные, самые слабые и наименее опытные. Эти демоны, проклятые сохранять позорные формы, пока не докажут свою ценность, пока что только приспособлялись к пыткам своего нового существования. Собаки умерли легко.

Следом появились всадники.

Будучи старше и хитрее, они не спешили на смерть, подобно гончим. У них уже развилась индивидуальность, они уже знали, как предпочитают выглядеть. Ничего оригинального: черепа, рога и клыки всегда популярны. Демоны предпочитают формы, которые смертные считают пугающими: гниющие мертвецы, монстры из мифов и сказок о богах-королях.

Мы считаем, что человеческий страх восхитителен.

Я имею в виду, они так считают.

Демон с черепом носорога вместо головы погрозил мне копьём:

– Убирайся, шлюха! Пир приготовлен для нас!

Я рассмеялась и плашмя ударила окровавленным клинком по ладони:

– Тогда получите, что вам причитается, но учтите, что этот ужин придется отработать.

Эти демоны не были настолько глупы, чтобы атаковать меня поодиночке. Будь они ненаблюдательны – и долго бы в Загробном Мире не протянули, а они прекрасно видели, что эта тактика сослужила их собакам плохую службу.

Но это не имело никакого значения. Все демоны безумно наслаждаются резней.

И я в этом от них мало отличаюсь.

Демон верхом на коне-скелете пришпорил коня, пытаясь пронзить меня насквозь. Отступив в сторону, я ударила монстра между глаз: конь-ящерица закричал и повалился на бок, когда я схватила его за шипастый гребень, – всадник оказался в пределах досягаемости. И в тот же миг я пронзила ему грудь мечом – сотканный из бледно-голубого пламени человеческий скелет застонал от боли.

Пока я освобождала свое оружие, его соотечественники не сидели сложа руки. Копье одного из демонов пронзило мою броню, я почувствовала жгучую боль. Атакующая демоница радостно и ликующе взревела, но крик оборвался, когда я перехватила оружие и повалила нападающую на землю. Одна стрела отскочила от моего нагрудника, но второй выстрел нашел слабое место в наручах и попал в цель. Кто-то в тылу выкрикивал команды.

Битва обернулась против меня, и я чувствовала, как душа разрывалась между страхом и желанием.

И я продолжала сражаться. Что еще я могла поделать? Сдаться было невозможно. Они не были джоратцами. И у них не было пощады к побежденным.

Да и вообще ни к кому.

К тому моменту, как я услышала вой приближающегося подкрепления, их количество сократилось наполовину.

Я вызывающе закричала в ответ и, рассмеявшись в лицо нападающим, пронзила мечом одного из демонов. Его близнец в ответ ударил когтями, расплавляя крошащиеся края моей брони. Я почувствовала, как она ударила мне по бедру белым пламенем.

Затем атака изменилась. Замерла. В ряду нападающих появилась прореха. Демоны, сомкнувшиеся вокруг меня, разбежались, бросившись в лес.

Я знала, почему демоны бежали.

Останавливая дрожащими пальцами призрачную кровь, я повернулась лицом к их королеве.

Она была самым красивым и самым ужасным монстром: с кожей бледной, как смерть, и руками скользкими от свежей крови. Ее окровавленные волосы отливали зловещей белизной, а губы мерцали грибной зеленью. Ее груди и бедра таили обещание бесконечных плотских наслаждений, за которые отдал душу не один бедный идиот.

Демон может выглядеть так, как он пожелает, какого пола он пожелает, но для меня Ксалторат предпочитает быть женщиной.

Она знает, что мне от этого лишь больнее.

*****НЕУЖЕЛИ КТО-ТО СЛИШКОМ СТРОГ К СВОИМ ТОВАРИЩАМ ПО ИГРАМ? ЭТИ ИГРУШКИ МОГУТ ДАТЬ ОТПОР.*****

– Я бы сказала, что рада тебя видеть, но я ненавижу ложь.

Я встала между Ксалторат и деревней. Ее жители останутся запертыми в своих подвалах, прибитыми гвоздями к своим беседкам, пока слуги Таэны не придут, чтобы спасти их. Если демон, которому они были принесены в жертву, не найдет их раньше.

Ксалторат заметила мое движение и поняла, зачем я это делаю.

*****ОНИ МОИ.*****

Я оглянулась.

– Судя по рунам, я бы сказала, что они – для Касмодея.

*****ТЕМ БОЛЬШЕ ПРИЧИН, ПО КОТОРЫМ Я ДОЛЖНА ПРЕТЕНДОВАТЬ НА НИХ, НЕ ТАК ЛИ? КАСМОДЕЙ МНЕ НИКОГДА НЕ НРАВИЛСЯ*****

Я подняла меч, и она мне улыбнулась:

*****ПРЕЛЕСТНО. ВОТ ПОЧЕМУ ТЫ МОЯ ЛЮБИМАЯ ДОЧЬ.*****

– Я не твоя дочь, – выплюнула я.

*****КТО ТОЛЬКО ЧТО СКАЗАЛ, ЧТО НЕНАВИДИТ ЛОЖЬ?*****

Королева демонов склонила голову набок, изучая меня с выражением, от которого мои лаэвос всегда вставали дыбом. Это был жестокий, чужеродный взгляд, предвещающий что угодно: от лекций об обрядах ухаживания до урока о пытках – со мной в качестве подопытного.

Она не моя мать.

Она никогда не будет моей матерью. Я помню свою мать, храню смутные воспоминания о темных волосах и огне, горящем в очаге. Я вспоминаю ее сладкий яблочный аромат, ее пальцы, касавшиеся моих лаэвос, ночи, проведенные за подсчетом звезд, когда эти далекие драгоценные камни ясно проступали сквозь Вуаль Тиа.

Нет, Ксалторат – не моя мать. Но по правилам ее проклятой расы я – ее дитя. Ее приемное дитя. *Нужное ей дитя.*

Вот почему упомянутое Кэлазаном пророчество так беспокоило меня.

Ксалторат повернулась лицом к деревне.

*****ТЫ БЫЛА ТАКОЙ ХОРОШЕЙ ДОЧЕРЬЮ, ДОРОГОЕ ДИТЯ. Я ГАДАЮ: НЕУЖЕЛИ ТЫ ПОЗВОЛИШЬ ХОЛОДНЫМ ВОДАМ ПОГИБНУТЬ НАПРАСНО?*****

Мой меч дрогнул. Деревня Холодные Воды находилась в нескольких минутах езды от столицы Барсины, Мерейны. В детстве я несколько раз бывала там, когда мои родители навещали семью барона. Холодные Воды были известны как маленькая деревня искусных ремесленников. Они сделали водонепроницаемую тростниковую корзину, такую тонкую, что она казалась сделанной из ткани. Много лет назад, будучи в гостях, моя мать купила ее, и она все еще была цела – когда меня вынудили уехать, я оставила ее в Тола-мере.

И пусть я не узнала Холодные Воды, но это не значит, что это были не они.

Я не могу контролировать, где я блуждаю во сне, но Загробный Мир отражает Мир Живых – пусть и не совсем точно. В Загробном Мире может существовать гора, в реальном мире давно превратившаяся в холмы, или равнины и пропасти, ныне погребенные под озерами. Города обычно слишком новы для того, чтобы у них были призрачные отражения, но деревни иногда могут быть старше стран. Деревня, разрушенная до основания, вместе со всеми ее убитыми жителями, может просуществовать в Загробном Мире гораздо дольше, чем когда-либо в Мире Живых.

Но поперек горла у меня стали первые из ее слов.

– Хорошая дочь? – плюнула я в нее. – Я нападу на тебя при первой же возможности. Я убью каждого демона, которого встречу. Я брошу вызов любому твоему желанию. Я не хочу быть твоей «хорошей» дочерью. Я хочу быть твоим заклятым врагом.

Она гордо улыбнулась:

КАК Я ВСЕГДА И ХОТЕЛА. ТЫ НАСТОЛЬКО ДЕРЗКА И НЕПОКОРНА, ЧТО Я УДИВЛЕНА ЭТИМИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ ИСТОРИЯМИ, В КОТОРЫХ ГОВОРИТСЯ, ЧТО БЫТЬ РОДИТЕЛЕМ ТЯЖЕЛО.

Она приложила руку к сердцу:

ВСЕ, ЧТО МНЕ НУЖНО БЫЛО СДЕЛАТЬ, ЧТОБЫ ВЫРАСТИТЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНОГО РЕБЕНКА, – ЭТО ЗАСТАВИТЬ ТЕБЯ ВООБРАЗИТЬ, ЧТО Я ХОЧУ, ЧТОБЫ ТЫ БЫЛА МОИМ ЗЕРКАЛОМ. Я ВЫПОЛНИЛА СВОЮ ЧАСТЬ СДЕЛКИ С ТВОЕЙ БИОЛОГИЧЕСКОЙ МАТЕРЬЮ.

– Моя мать не заключала с *тобой* никаких сделок! – Ярость жгла все сильнее, и сомнений в том, что говорю, у меня не было. Ксалторат любила лгать и спутывать ложь в связующие цепи с правдой. Я уже давно научилась не доверять ничему, что она говорила.

О, ТЫ БЫ УДИВИЛАСЬ, УЗНАВ, ЧТО ДЕЛАЮТ МАТЕРИ, ЧТОБЫ ЗАЩИТИТЬ СВОИХ ДЕТЕЙ. ОТСЫЛАЮТ СВОИХ НОВОРОЖДЕННЫХ МАЛЫШЕЙ ПРОЧЬ СО СЛУЖАНКОЙ³¹. ЗАКЛЮЧАЮТ СДЕЛКИ С ДЕМОНАМИ. ПРИЧЕМ ТВОЯ МАТЬ СДЕЛАЛА ЭТО НЕ В ПЕРВЫЙ РАЗ. МЫ СТАРЫЕ ДРУЗЬЯ.

Она усмехнулась, проведя алым языком по зеленым губам.

НИКАК НЕ ПОЙМУ, НЕУЖЕЛИ ТЫ ТАК И БУДЕШЬ СПОРИТЬ? ЗНАЯ, ЧТО ТЫ СОЗДАНА ПО МОЕМУ ЗАМЫСЛУ?

– И как мало ты меня понимаешь, если думаешь, что я веду себя так лишь назло тебе. Я презираю тебя и ненавижу все, что ты олицетворяешь. Я не успокоюсь, пока не исчезнет весь твой вид.

Ксалторат прищурилась, опустив веки медленно, как домашняя кошка. Ее зеленые губы скривились. Затем она наклонилась вперед и произнесла единственное слово, которое с тех пор преследовало меня много лет:

ХОРОШО.

³¹ Ксалторат здесь ехидно упоминает Кирина, верно? Точно так же, как, насколько я помню из хроники Турвишара Де Лора, когда Ксалторат впервые встретил Кирина, демон поступил аналогично, ехидно упомянул Джанель.

5: Правосудие графа

Провинция Джорат, Куурская империя.

Через два дня после убийства дракона Ксаломе

Джанель прервала свое повествование и отвела взгляд.

Кирин уставился на нее:

– Ксалторат – твоя *мать*?

Она оглянулась, ее улыбка была черна, как ночь.

– К моему большому сожалению. Но из достоверных источников я знаю, что я не демон.

Точней, не полностью.

– О, это обнадеживает. И кто тебе это сказал, повтори еще раз?

Она взмахнула рукой в его направлении:

– Ты. Но были и другие, кто сказал мне то же самое. – На мгновение ее яркие глаза вспыхнули и тут же погасли от боли. Она выдохнула: – Во время Адского Марша в кантоне Лонеж все было настолько ужасно? Я даже не могу себе представить... – Кирин поморщился, чувствуя себя дураком. Конечно, все было ужасно. Да демон мог сделать с ребенком такое...

Он вспомнил виденные много лет назад улицы столицы. Вспомнил, как, освободившись из хватки демона и все еще шатаясь после психического нападения того же демона, он слушал, как генерал Миллигрест обменивается оскорблениями с монстром. Ксалторат хвастался тем, что они сделали с восьмилетней дочерью генерала.

И Джанель уже сказала ему, что, когда демоны напали на кантон Лонеж, ей было восемь лет.

Кирин отвел взгляд. Он чувствовал себя идиотом.

Возраст Джанель идеально соответствовал заданным условиям. И наверняка, если проверить ее происхождение, действительно окажется, что ее отец – главнокомандующий Корен Миллигрест.

А значит, Джанель и была четвертым «сыном». И очевидно – нужным демону дитя.

Где-то в Деворанских пророчествах наверняка об этом упоминалось.

Кирин не заметил, что за столом воцарилась тишина, пока Джанель не заговорила:

– Хуже всего то, что это не всегда было ужасно. Иногда Ксалторат была... милой. В детстве, когда она заранее становилась демоном или кем-то похожим на человека, я никогда не знала, как она себя поведет. – Она пожала плечами и вернулась к еде. – Когда я поняла, что она не может меня контролировать, я ушла и начала уничтожать демонов, но, очевидно, ее замысел был таков с самого начала.

Кирин сочувственно хмыкнул. Оглядываясь назад, можно сказать, что его детство было даже счастливым. Полным преступлений, конечно, но и полным песен. Если сравнивать с этим детство Джанель, становилось непонятно, как она вообще могла связно говорить.

Их глаза снова встретились.

Кирин сказал:

– Я бы многое отдал, чтобы понять, какова точка зрения Ксалторат на все это. Я всегда предполагал, что он пытается вызвать как можно больше демонов, но теперь думаю иначе. В какую игру они играют? – Он указал ложкой на Джанель.

– Я не знаю, – ответила она, – но я согласна. Почему она не убила меня в детстве? Почему она напала на тебя? Я никогда не понимала ее мотивов. – Джанель пожала плечами.

– Могу я рассказывать дальше? – спросил брат Коун.

Кирин зашевелился. Он совсем забыл об их компаньоне.

– Пожалуйста.

Рассказ брата Коуна.

Замок Мерейна, Знамя Барсина, Джорат, Куур

Когда на следующее утро брат Коун присоединился на кухне к Дорне, глаза жреца Вишаев запали и покраснели. Застонав, мужчина опустился в кресло.

– Плохо спал? – спросила его кобыла Дорна.

– Почему все должны спать на полу? – жалобно захныкал брат Коун. – Вы что, никогда не слышали о кроватях?

Дорна была ошеломлена:

– У нас есть кровати. На чем ты спал прошлой ночью?

– На подушках, – сказал брат Коун. – И циновках. И ни то ни другое – не настоящая кровать. А ливрейный лакей, рядом с которым я спал, храпел. Странно, что этот шум вас не разбудил. Он еще и локтями толкался.

– Так и тебе надо было его легонько толкнуть. – Она с любопытством посмотрела на него: – Ты имеешь в виду, что там, откуда ты родом, все спят в разных комнатах? Как это высоко и могуче! Здесь так поступают только благородные люди. Остальная часть дома, как и было задумано богами, спит вместе.

– Или вообще не спит, – посетовал брат Коун.

– Если найдут себе подходящего партнера... – подмигнула ему кобыла Дорна.

– О звезды, я не это имел в виду! – Это ему тоже предлагали прошлой ночью. И когда он отказал, женщина нисколько не обиделась. Лишь сказала, что если брат Коун предпочитает бегать за жеребцами, то она знает именно такого мужчину. Она была даже готова свести Коуна с герольдом еще до того, как закончился вечер, если бы Коун не сказал ей «нет». – Но хотя бы скажите мне, что вам *для этого* нужно уединение!

– Для чего? – Она невинно распахнула глаза.

– Мне следовало вернуться в Храм Света, когда у меня была такая возможность, – вздохнул он.

– Я всегда считала, что лучшее, что можно сделать, чтобы хорошо поспать, – это найти себе подходящую грелку в постель. Тогда не имеет значения, кто ткнул тебя локтем.

– Неужели *обет безбрачия* ничего для вас не значит?!

Она ошеломленно уставилась на него.

Брат Коун напомнил себе перестать задавать вопросы, на которые он знал ответы.

– Значит, ты вообще не бегаешь?!

– Нет! – Он взял миску и поставил ее на стол чуть более решительно, чем следовало бы.

– Тогда так и скажи. В этом нет ничего постыдного.

– Кобыла Дорна, я принадлежу к монашескому ордену. Мы даем обет. Физические удовольствия, несомненно, отвлекают людей от созерцания божественных тайн.

Прислуга по большей части отсутствовала, будучи занятой подготовкой к сегодняшнему турнирному пиршеству. Вероятно, сюда входило множество различных способов обжарки фруктов, овощей и дичи – гораздо больше способов, чем было знакомо Коуну, – и большая их часть проводилась снаружи. Никто по-настоящему не протестовал против того, чтобы Дорна заняла угол кухни.

Кто-то оставил в замковой кухне большую кастрюлю с кашей, собираясь приготовить ее на огне, но рисом она не пахла. Коун зачерпнул себе в миску чего-то, напоминающего овес. Ячмень? Вероятно, ячмень.

– Разве еда не удовольствие? – Дорна полила свою кашу красным соусом чили и добавила к своей порции маринованные овощи.

– Цель пищи – укреплять и поддерживать организм. А что это такое? – брат Коун показал пальцем.

– Это? – Она подняла кружевной ломоть. – Лотос. Знаешь, не стоит есть кашу просто так. – Она взяла несколько мисок со стола и начала по очереди добавлять из них в миску брата Коуна. – Лотос, имбирь, капуста...

– Это не капуста!

– Разумеется, это она! Ферментированные бобы дор, корень фениса, листья перечной мяты и маринованное кислое яблоко. Теперь добавим сверху перечный соус...

– Дорна, пожалуйста... – попытался остановить ее брат Коун, но она не обратила на это никакого внимания.

Дорна протянула ему миску:

– Вот это настоящий завтрак. Не знаю, что вы там готовите на западе, но это, должно быть, скучно, как грязь.

– Нет, вовсе нет. Наша кухня превосходна. Я был бы рад приготовить блюдо...

– Ты собирался съесть кашу без ничего. Нет, спасибо. – Она вернулась к своей еде. – Если бы ты меня спросил, я б сказала, что этот твой «обет без брюквы» звучит глупо. Если ты не хочешь бегать, хорошо, но кто заставляет тебя обещать, что ты не будешь бегать? Вести себя так, будто бегать – это грех? Это неправильно.

Брат Коун вздохнул. Потеря самообладания не поможет его делу.

– Спасибо, что заметили, что я вас не спрашивал. Кроме того, речь идет не о вступлении в плотские отношения. Мы живем простой жизнью, чтобы удовлетворить наши духовные потребности и освободиться от цепей нашей физической формы.

Дорна уставилась на него:

– Наш граф «освобождается от цепей своей физической формы» каждую ночь. Думаю, она вряд ли согласится, что это так прекрасно.

– Я не это имел в виду... – Он оборвал речь на полуслове, увидев, что на кухню входит мрачная граф Джанель.

– Как вы спали, граф? – спросил брат Коун.

– Как мертвая. – Она указала на кашу Дорны: – Там еще осталось?

– О да, жеребеночек! – Взяв еще одну тарелку, Дорна наполнила ее из котла, а граф Джанель добавила в нее овощей и перечного соуса.

Брат Коун подумал, что кухарка, все еще остававшаяся на кухне, упадет в обморок, увидев, как на скамейку плюхнулся приезжий граф, собирающийся поесть. Кухарка не осмелилась сказать аристократке, чтобы та уходила, но тем не менее она кружила вокруг графа, подобно крапивнику, беспокоящемуся из-за ворона, слишком близко подлетевшего к ее гнезду.

Заметив это, граф Джанель встала:

– Пошли со мной, – сказала она Дорне и брату Коуну.

Кашу она забрала с собой.

Никто не пытался помешать троице покинуть кухню или выйти на стены замка. Брат Коун подозревал, что кто-то, может, и был против – солдаты или им подобные, – но Джанель была гостем и она была графом. Пусть она и не была прямой сеньорой Тамина, но титул все равно что-то значил. Так что, пока не забредала в личные покои, она могла свободно ходить по замку.

– Что-то не так? – спросил брат Коун. Лицо аристократки было экстремально суровым даже по ее собственным суровым стандартам.

Граф Джанель прислонилась к зубчатой стене.

– Все зависит от того, что обнаружил мой мастер шпионажа, – покосилась она на Дорну.

Кобыла Дорна склонила голову и поднесла руку к лицу, словно пытаясь прикрыть застенчивый румянец.

– Ах, моя дорогая, ты мне бесстыдно льстишь. Я просто старая увядшая сплетница³².

³² Я бы была весьма рада, если бы под моим началом было еще несколько таких же старых увядших сплетниц, как она.

Джанель усмехнулась:

– Старая увядшая сплетница, которая могла бы убедить гальку выдать название реки, которая ее породила. Продолжай в том же духе.

Дорна выпрямилась и оглянулась по сторонам, высматривая, не подслушивают ли их.

– Ничего хорошего не расскажу. Ветер полнится слухами: знамя Барсина полно колдунов. Зима наступила рано, холодная и суровая. Водяные буйволы замерзли насмерть, не выплюнув своей жвачки; ягуары начали охотиться на людей, потому что все дикие стада удрали в теплые края; из-за поздней весны будет поздний урожай, если, конечно, что-нибудь останется. Так что тут и так понятно, что во всем виноваты колдуны, не так ли?

– А что насчет пророчества? – спросила граф Джанель. – И нужного демону дитя?

– Никто ничего не говорил ни о каком пророчестве, – призналась Дорна. – Хотя о демонах говорят. Ходят слухи, что на местных фермах существовали демонические культы, поэтому барон покончил с ними, когда унаследовал титул. Вот почему так много земель объявлено лесом.

– Э-э... лесом? – спросил Коун. – В Кирписе есть огромный лес, но он не обеспечивает никакой магической защиты от демонических культов.

– В Джорате вход в лес запрещен, – объяснила Джанель, – поэтому это дает местному барону право войти и прогнать всех, кто живет в нем. И да, конечно, это относится и к так называемым демоническим культам. Но, к сожалению, относится и ко всем остальным. Никто не может там жить или охотиться, и любой, кто это сделает, будет объявлен саэленом и арестован на месте.

– Ты имеешь в виду, что это запрещено всем, кроме аристократов, – пожала плечами Дорна. – Как бы то ни было, по этой причине были очищены и сожжены целые деревни и города.

– Демонические культы? Здесь? – протянула Джанель. – Он что, думает, здесь Маракор?

Брату Коуну очень хотелось назвать множество достойных маракорцев, не имеющих никакого отношения к демоническим культам.

Дорна вскинула руки:

– Я просто повторяю то, что смогла подслушать. Старый барон умер зимой. С тех пор новый барон перевернул вверх дном все земли, дабы усмирить колдунов, которые, по его словам, нападают на его людей. – Она на миг умолкла. – Я слышала, что для того, чтобы тебя обвинили в колдовстве, требуется не так уж много. А еще барон твердо верит, что использование огня помогает в борьбе с колдунами.

– Что?! Это просто варварство! – не выдержал брат Коун. – Опять-таки, колдуны неуязвимы для огня!

– Или уязвимы не больше, чем обычные люди, – согласилась граф Джанель. – Но в одном Тамин не ошибается: в Барсине *есть* колдуны, вызывающие демонов.

– Разве?

– Есть. И я найду и уничтожу их. – Ее тон не оставлял места для споров.

Граф Джанель отставила миску в сторону и целеустремленными шагами направилась прочь. Дорна и брат Коун обменялись взглядами и поспешили за нею: через мгновение Дорна вернулась, чтобы забрать забытую миску.

– Куда мы идем? – спросил брат Коун, догнав графа.

– В подземелье. Мне нужно поговорить с Нинавис.

Брат Коун думал, что подземелье будет одной из немногих территорий, куда титул графа не даст автоматического допуска, но он ошибся. На них практически не обращали внимания. Граф Джанель походила на королеву, прогуливающуюся по своему королевству, а слуги суетились где-то за ее спиной.

Впрочем, ее уверенность была излишней: у двери не было никакой охраны.

– Вчера здесь был солдат, – сказал брат Коун. – А еще дверь была заперта снаружи. Действительно, тяжелый железный прут лежал на полу, а дверь казалась на долю градуса открытой.

Дорна подошла к двери и подтолкнула ее носком обуви.

В ответ послышался оглушительный грохот: на пол упали меч и ножны, прислоненные к двери. Они только что дали кому-то внутри тюрьмы несколько секунд форы.

Кто-то сдавленно вскрикнул, а затем выругался:

– Проклятье! Ой! Сука!

Отбросив всяческие условности, граф Джанель ворвалась внутрь. Подземелье выглядело почти так же, как и вчера вечером, за единственным исключением: оно было совершенно пустым.

Брат Коун не увидел ни заключенных, ни охранников. Но вдруг из-за ящиков с вином, расправляя тунику и откидывая волосы с лица, выскочил стражник.

У брата Коуна скрутило живот от ужаса. Они наверняка прервали что-то весьма мерзкое³³.

Если в его рассказ о заразной болезни не поверили... Если кто-то раскрыл его блеф...

– Эй, вам здесь не место! – запротестовал охранник, разглядев, кто помешал ему.

– Значит, нас таких здесь двое, – сказала граф Джанель.

– Почему у тебя идет кровь, жеребенок? – кобыла Дорна склонила голову набок, указав на прическу мужчины. Даже сейчас, когда его волосы были убраны, было видно, как по шее стекает кровь, капая на натянутое кожей плечо.

Будь охранник поумнее или поизобретательнее, у него, возможно, была бы наготове правдоподобная история. Вместо этого он потянулся за мечом на поясе и внезапно понял, что оставил его в ножнах – прислоненным к двери, ведущей в подземелье. И не придумал ничего лучше, кроме как схватить цепь и кандалы и размахнуться ими, как цепом.

А затем он кинулся на Джанель.

Граф вздохнула. Шагнув вперед, она перехватила нападающего за грудки и швырнула его о каменную стену, да так, что он с глухим стуком врезался головой.

Глаза мужчины закатились, и он сполз на пол.

– О звезды! – Брат Коун поспешил к охраннику, надеясь, что граф Джанель каким-то чудом не убила тюремщика сразу. Но на теле пострадавшего были и другие признаки насилия: кто-то укусил мужчину за ухо, и с этим нужно было что-то делать. Быстро обдумав все варианты, Коун понял, что сначала ему следует проверить, кто мог укусить этого человека. Граф Джанель, должно быть, пришла к тем же выводам, потому что она бросилась за штабели ящиков.

Догнав ее, Коун увидел Нинавис, как раз отпирившую свои кандалы ключом, позаимствованным у тюремщика. По губам и подбородку пленницы стекали алые капли, а сама она размахивала оковами, как оружием.

К изумлению брата Коуна, граф Джанель улыбнулась:

– О, теперь понятно, что это за кровь.

– Я здесь *не останусь*! – Нинавис, сверкнув глазами, крепче сжала цепь.

– Разумеется, нет, – согласилась Джанель. – Это было бы весьма опрометчиво. – Казалось, она с трудом удерживалась, чтобы не рассмеяться. – Лучше покинуть это место.

– А у нас не начнутся из-за этого проблемы? – Брат Коун подавил желание нервно потереть руки. Он очень сомневался, что барон будет игнорировать приезжую аристократку – пусть даже графа, – нападающую на его охрану.

³³ Мерзко? Да. Против воли? Нет. Нинавис просто убедила этого идиота обменяться с ней «услугами» – очевидно, для того, чтобы она могла залезть к нему в карман и сбежать.

– О да, я думаю, весьма крупные, – по-прежнему ухмыляясь, сказала граф Джанель. Вытащив из рукава носовой платок, она дождалась, когда женщина, прихрамывая, подошла, и протянула его Нинавис: – У тебя какая-то грязь на подбородке.

Нинавис прищурилась, но платок взяла.

– Вы меня не выдадите?

– О нет. Здесь небезопасно.

– Гм. – Кобыла Дорна, стоявшая до этого на коленях рядом с охранником, встала, подняв руку, чтобы все увидели, что ее пальцы вымазаны чем-то серым и жирным. – Мне кажется, что не только у этой девочки что-то на подбородке.

Опершись одной рукой на стену, Нинавис принялась другой вытирать лицо: сейчас, балансируя на здоровой ноге и делая это с гораздо большим мастерством, чем мог бы проявить брат Коун, она напоминала фламинго.

– Мне тридцать пять лет. Прошло до хрена времени с тех пор, как кто-то имел право называть меня *девочкой*. – Она уставилась на руку Дорны: – Это что, краска?

Брат Коун опустился на колени рядом с охранником и потер серые леопардовые пятна, покрывавшие подбородок лежавшего без сознания мужчины.

На пальцах Коуна тоже остались следы.

– Зачем ему подделывать окраску? – спросил он.

– Думаю, по той же причине, по которой здесь так много неуклюжих охранников, которые не понимают огнестрелов, – сказала кобыла Дорна. – Потому что они не джоратцы. – Она прикрыла один глаз и искоса глянула на лежащего, разглядывая его черты. – Это йорец, или я все еще акробат в передвижном турнирном шоу. – Она принялась проверять карманы солдата.

Граф Джанель бросила на мужчину короткий взгляд, а затем повернулась обратно к Нинавис:

– Где твои люди?

– Охранники отвезли их на турнир. – На ее лице появилось кислое, злое выражение. – Я думала, эти ублюдки поднимут шум из-за того, что меня придется оставить, потому что я не могу идти, но они рассмеялись и сказали, что барону все равно нужно четное количество.

Брат Коун закончил осматривать лежащего охранника. У него наверняка было сотрясение мозга, но в присутствии стольких зрителей жрец не мог сделать для него многого. Коун встал.

– Зачем им было приводить пленных на турнир? Почему бы им просто не оставить их в темнице или не отправить в настоящую тюрьму до суда?

Граф выглядел пораженным:

– Что? О нет. Никакого суда не будет. Точнее, не в том смысле, что ты подразумеваешь.

– Прошу прощения? – Брат Коун на мгновение почувствовал острую ярость. Даже в Столице правосудие было стандартным. Возможно, оно было искаженным и извращенным при творством в пользу тех, у кого есть деньги и связи, но, во имя Восьми, это *все равно* был суд!

– В Джорате нет тюрем. Когда кто-то нарушает наши законы, мы держим заключенных достаточно долго, для того чтобы обеспечить их присутствие на следующем турнире. Заключенные выдаются победителям турниров в надежде, что идорра чемпиона вернет саэлена в лоно. Однако я никогда не слышала о турнире, где количество саэленов, выданных в качестве награды, имело бы значение.

– В качестве награды?! – Брат Коун поперхнулся. – Вы имеете в виду, что с самого Толамера мы продавали бандитов в рабство?

– Ага, – сказал Нинавис, – именно³⁴.

³⁴ Думаю, Нинавис в чем-то права. Конечно, технически это не рабство, но что происходит, когда кто-то не хочет, чтобы его «вернули в лоно»?

Взглядом графа можно было плавить стекло.

– А вот и нет! Женщины и мужчины, выданные в качестве награды, не являются рабами или пленниками. Их усыновляют, переводят в новый табун для их оздоровления. Это совсем не то же самое, что рабство.

Нинавис фыркнула:

– Назвать *меч клинком* – ничего не изменится.

– Хватит, хватит, мои жеребятки. Философствовать будем позже, – сказала Дорна. – Нам нужно выяснить, что там с этим охранником. Почему йорец попытался замаскироваться под джоратца?

– Многие маскируются под джоратцев, – огрызнулась Нинавис.

– Ага, – согласилась Дорна, – но когда ты позволяешь людям принимать темное родимое пятно как доказательство того, что ты местная девушка, это не очень-то хорошая маскировка.

Брат Коун прищурился: Нинавис – не джоратка? У нее было идеальное произношение. Но после того как Дорна это сказала, брат Коун понял, что большое темно-бордовое пятно на лице Нинавис не так уж сильно напоминает джоратские отметины на коже.

– И он не единственный такой солдат. – Граф Джанель попыталась вернуть разговор к первоначальной теме: – Капитан Дедрю должен был понимать Арасгона. А он не мог.

– Дедрю новенький, – откликнулась Нинавис. – Как и большинство солдат. Они появились здесь несколько месяцев назад, когда Тамин стал бароном после смерти своего отца. Тамин сказал, что не доверяет охранникам, которые позволили его отцу умереть.

– А что с ними случилось? – спросил граф.

Нинавис развела руками:

– Это чертовски хороший вопрос! – Она вернула запачканный кровью платок. – Слушайте, я знаю, что вы с бароном были приятелями, но сейчас в нем не осталось ничего от вашего друга. Хотите нам помочь? Устраните его. Вы единственный человек, который может это сделать.

– Я не его сеньор. У меня нет над ним власти.

– Тогда не отдавайте ему приказов. *Убейте* его. Вы можете подобраться достаточно близко, чтобы сделать это, и вам даже не понадобится оружие. Вы Данорак. Если вы скажете, что у вас была веская причина для этого, люди вам поверят.

Джанель пораженно уставилась на нее:

– Мы здесь так не поступаем.

– Да в Ад то, как вы все делаете! Думаете, кто-нибудь посмеет высказать ему Осуждение? Во всем, что касается барона, – любой, кто выступает против него, автоматически становится колдуном. Это единственное оправдание, которое ему нужно, чтобы его люди уничтожили нас. Он не откажется от власти. Если пророчество Кэлазана насчет тебя верно...

– Подожди! – Джанель вскинула руку. – Что там насчет пророчества Кэлазана? Что там вообще с этим «нужным демону дитя»?

– О, будь я проклята, если знаю! – призналась Нинавис. – Кэлазан утверждает, что это лекарство от всех наших проблем. Он подслушал, как Тамин и его учитель говорили об этом перед смертью старого барона. Будто пророчество предсказывало, что кто-то, называющийся *нужным демону дитя*, разрушит все. Им нужно было выследить этого человека. Вот почему Тамин так одержим борьбой с демонами. Тамин думает, что демоны приведут его к этому «дитя», который может убить Тамина, если Тамин не убьет его первым.

– Я не собираюсь убивать Тамина!

– Так ты и *есть* нужное демону дитя? Это прозвучало как признание.

Граф Джанель пропустила вопрос мимо ушей, повернувшись к своим спутникам:

– Брат Коун, кобыла Дорна, вы можете тайком провести Нинавис в наши покои?

– Меня заметят. – Нинавис указала на свое лицо: – Я выгляжу примечательно.

– Ха, нашла! – Дорна выхватила из карманов охранника маленькую жестянку и, отвинтив крышку, показала серую краску для лица, которую охранник, должно быть, использовал, чтобы притвориться местным. – Дай мне пять минут, и тебя не узнает твоя собственная бабушка. Единственной приметой будет больная нога, но думаю, с этим мы справимся.

– А что насчет него? – Нинавис указала на лежащего без сознания охранника.

– Затащи его за эти ящики, – предложила Дорна. – Это даст нам по крайней мере несколько часов форы, прежде чем его найдут другие охранники. А к тому времени мы придумаем, как разобраться с погоней, которую пошлет за нами барон.

– Мы отсюда не уедем.

Дорна вздохнула, глядя на Джанель:

– Жеребенок...

– Мы отсюда не уедем, – упрямо повторила Джанель, на мгновение становясь тем готовым затопать ногами упрямым подростком, каким и была на самом деле. – Я пообещала этим людям, что, если они сдадутся, с ними будут обращаться справедливо. Я отказываюсь бежать до тех пор, пока есть вероятность, что Тамин растопчет мое слово.

Нинавис, поджав губы, окинула Джанель долгим взглядом:

– Возможно, ты действительно чего-то стоишь, аристократочка.

Брат Коун спрятал улыбку: даже если он и был доволен результатом, особых поводов для улыбки не было.

– Как вы собираетесь узнать, что запланировал Тамин?

Джанель расправила плечи:

– Самым простым из возможных способов: я спрошу. – Она строго посмотрела на троицу: – Ждите в моих покоях. Как только у меня будет больше информации, я вернусь.

И прежде чем они смогли запротестовать, она ушла.

Они проводили ее взглядами. А затем Дорна сняла верхнюю юбку, завязанную на запястьях, – серую, шерстяную, прошитую нитью цвета индиго, образующей узор в виде головы лошади по подолу, и перебросила ее Нинавис:

– Надень в качестве плаща. Если мы не хотим, чтобы на тебя все пялились, лучше прикрыть твое жалкое подобие доспехов. Эта потертая кожа выделяется намного сильнее, чем пара пятен на лице.

– Эй, хватит! Их сделал Дубина. Их просто надо немного починить. – Нинавис боролась с шерстяной тканью, пытаясь закутаться в нее.

– Дубина у вас дубильщик? – расхохоталась Дорна. – А как бы вы его звали, если бы он был деревенским золотарем?

– Кобыла Дорна! – Поморщившись, Коун повернулся к Нинавис: – Не позволяй Дорне надоедать тебе. Она просто расстроена, что мы не сбежали.

– Бежать было бы очень умно, – сказала Дорна и подманила рукой Нинавис: – А теперь, дорогая, иди сюда, где свет получше, а я приведу твое лицо в порядок. Жрец, будь хорошим жеребенком и оттащи охранника назад, хорошо?

Брат Коун начал протестовать, но потом понял, что надо спешить, пока кто-нибудь не понял, что охранник оставался совсем один, так что он потащил стражника за ящики.

Получалось с трудом.

Когда брату Коуну впервые поручили это задание, он думал, его отправят в замок кантона Толамер. Думал, что это будет тихой, сидячей работой, на которой он сможет сосредоточиться на медитации и руководстве духовным развитием графа. Чем-то, где ему не нужно будет много двигаться.

Если он будет продолжать в том же духе, то придется побольше тренироваться, чтоб не отставать.

Нинавис продолжала бросать в его сторону раздраженные взгляды, как будто собиралась прервать свой сеанс рисования с Дорной и сама перетащить тело охранника, не обращая внимания на то, сломана нога или нет.

Он оставил мужчину за ящиками, укрыв его потрепанным и изодранным одеялом. Если сильно не присматриваться, можно было решить, что охранник спит. Брат Коун проверил, не следят ли за ним Дорна или Нинавис.

Не следят.

Брат Коун приложил руку к груди охранника, сосредоточивая свою энергию, как учил наставник, отец Зайхера. Он вошел в Озарение, особую чувствительность к тенью, окружающим все сущее, к универсальному свету, играющему на ткани, коже, грязи и плоти. Озарение позволило увидеть тень, сущностную природу каждого объекта в мире по отдельности. Эта энергия не всегда совпадала с объективными явлениями, и, глядя лишь на нее, вполне можно споткнуться и раскроить себе голову. Но в качестве компенсации этого неудобства открывалась целая вселенная возможностей.

Джоратцы – или эамитонцы, или казиварцы – могли бы назвать то, что сейчас делал брат Коун, магией. Но он знал, что это нечто иное: он приобщился к вселенской благодати, вкусил божественного. Получил священный дар.

Нет, точнее, *самый священный дар*.

Яростная пятнистая отметина, портившая ауру охранника, наводила на мысль о сотрясении, гематоме, внутреннем кровотечении. Если бы брат Коун оставил этого человека без помощи, он бы, не просыпаясь, прошел Вторую Завесу и попал в Загробный Мир.

Брат Коун положил руку на голову мужчины. Сначала он успокоил воспаление мозговой ткани, затем убрал трещины в черепе мужчины, после чего залатал кровоточащие раны – слишком маленькие, чтобы их можно было увидеть. Охранник будет спать, и спать он будет крепко, но если Коун закончит свою работу, охранник не умрет.

И если кто-нибудь из джоратцев узнает, что сделал брат Коун, они попросту его казнят.

– Эй, что так долго? – крикнула Нинавис.

– Иду! – Брат Коун бросился за ними.

6: Турнир в Джорате

Провинция Джорат, Куурская империя.

Через два дня после того, как Кирин Де Мон был возвращен к жизни

– Мне нравится, как ты описываешь взгляд сквозь Первую Завесу, – сказал Кирин Коуну, когда жрец сделал паузу. – Этому учиться каждый, кто занимается Мистериями Вишаев? Я к тому, что я не так уж много знаю о том, как работает религия. Я проводил время среди религиозных людей, но я бы не назвал их жрецами. Описанное тобою очень похоже на колдовство. Не объяснишь, в чем разница? – Кирин смущенно оглянулся, внезапно догадавшись, что, прежде чем спрашивать о чем-то, что может быть ересью, ему следовало проверить, не подслушивает ли кто-нибудь.

– Я тоже не знаю, как функционируют другие религии, – признался брат Коун. – Подозреваю, что они включают в себя молитвы и обещания подношений за определенные услуги? Но Мистерии не таковы. Видите ли, наш бог мертв.

Кирин кашлянул:

– Твой бог мертв? Прошу прощения?

Мягкобрюх говорил что-то о свете и о храме на Радужном озере, но о поклонении умершему богу он ничего не рассказывал.

Джанель начала было рассказывать, но быстро замолчала.

Брат Коун улыбнулся:

– Мы следуем учению Селанола, стараемся распространять его свет по миру и защитить людей от демонов, сражаясь с которыми он погиб.

– Селанол? Я никогда о нем не слышал, – сказал Кирин.

– Он восьмой из Восьми Бессмертных. В память о нем мы отдаем себя и надеемся получить опыт и поощрение просвещенной жизни. Но поскольку наш бог мертв, он не может отвечать на молитвы, поэтому мы должны довольствоваться собственными магическими дарами. – Коун на миг замолчал. – Мои взгляды на магию довольно неортодоксальны.

Кирин ошеломленно откинулся на спинку стула:

– Ух ты! – Имя было незнакомым, но среди Восьми было всего одно «свободное» место, и только один из них мог считаться «мертвым», хотя разные регионы всегда предлагали своих кандидатов на эту роль. Сам Кирин вырос, думая, что Восьмым богом был Гризт Безумный, связавший всех демонов. Так же как и прочие истории, это было неверным.

Настоящего Восьмого Стража звали Саррик, а не Селанол. И Кирин подозревал, что, если бы он был тем, кого имел в виду Коун, жрец бы ужаснулся, узнав, что на самом деле случилось с «богом» солнца и звезд. Кирин уж точно ужаснулся.

– Так вот почему ваша религия была объявлена вне закона?

– О нет. Наша религия была запрещена, потому что мы утверждаем, что боги – это всего лишь смертные, которые, используя магию, наделили себя великой силой, и поэтому им не следует поклоняться.

Кирин уставился на него:

– Хм. Да, я понимаю, как это может огорчить людей. – Он пошевелился на стуле, по-прежнему не сводя взгляда с брата Коуна.

Разумеется, жрец и тут не ошибался. Изначально Восемь были не богами, которым поклонялись, а защитниками, которым было поручено спасти остальных людей от вторжения демонов. Но Саррик умер не во время битвы с демонами. Его убили, предали. Тем не менее Кирин вполне мог понять, как повествование могло превратиться в утверждение, что он умер именно так. Или как со временем имя «бога» изменилось с Соланаррика на Селанола.

Кирин надеялся, что в Мистериях Вишаев не существовало какого-нибудь верования в то, что Селанол вернется, чтобы спасти всех, но он не удивился бы, если бы такое существовало. Оглянувшись, он увидел, что на лице Джанель застыло пустое выражение. Казалось, она изо всех сил сжимает кулаки под столом, чтобы удержаться от коммента-риев.

У него возникло такое впечатление, что обсуждение «богов» было ее больным местом³⁵.

И потому, чтобы сменить тему, Кирин сказал:

– Джанель, мне интересно: барон Тамин просто так взял и рассказал тебе о своих планах?

Она печально улыбнулась:

– Можно сказать и так.

Рассказ Джанель.

Площадки для турнира в Мерейне, Знамя Барсина, Джорат, Куур

Чужаки почти не понимают, насколько для жизни Джората важны турниры. Участвующие в соревнованиях рыцари являются героями. В других провинциях рыцарство, если оно существует, – предназначение благородной крови, владеющая мечом рука аристократии. В Джорате мы не наделяем этой сбруей наших рыцарей. Они наши лучшие конники, спорт-смены и фехтовальщики, обученные и финансируемые для того, чтоб представлять интересы своего сеньора на поле чести. Любой может претендовать на то, чтобы стать рыцарем.

Любой, *кроме* правящего аристократа.

Поэтому стоит ли удивляться, что здесь так любят рыцарское сословие?

Рыцари находятся на вершине, доступной любому, кто, независимо от его происхождения, достаточно смел, достаточно храбр и достаточно силен. Рыцари – это победители, которые могут представлять лордов, торговцев, города, но они поднялись из простолюдинов. Толпы людей, приходящих посмотреть на проявление их доблести, можно описать словами: «Любые кобыла, жеребец или мерин, которые только могут присутствовать».

Турнир – сердце джоратского общества.

И потому, чтобы понять, насколько это сердце прогнило, много времени мне не понадобилось.

Оставив кобылу Дорну, брата Коуна и Нинавис, я нашла ложу для знати во главе полупустых трибун, рядом с которыми на столбах развешивалось несколько измученных вымпелов, принадлежащих джоратским торговым ассоциациям, прибывшим с утренним открытием Привратного Камня – путешественники из других частей Джората прибыли торговать. Толпившиеся прошлой ночью во дворе крепости рыцари собрались сбоку. Их деморализованные, напряженные позы говорили, что людям были совершенно неинтересны предстоящие соревнования: они явились сюда лишь потому, что от этого зависело их жалование. Мрачная атмосфера казалась более подходящей для похорон, чем для турнира.

Если меня и беспокоило то, с каким отвращением люди относились к турниру, то от одного взгляда на пару деревянных столбов, торчащих из земли напротив ложи знати, мой лаэвос встал дыбом. У основания каждого столба были сложены высокие штабеля хвороста и веток, выжженная земля вокруг свидетельствовала о многочисленных кострах, а сами бревна с прикрепленными к ним цепями были по всей длине покрыты знаками.

Рядом с каждым предполагаемым костром стояла большая клетка, накрытая промасленной тканью. И мне совсем не надо было ее поднимать для того, чтобы догадаться, что под нею, и уж тем более сообразить, почему охранники сказали, что им понадобится четное количество.

Я нашла спутников Нинавис.

³⁵ Боже мой, с чего бы это? Может быть, потому, что Восемь сознательно мошенничали многие тысячелетия? Меня просто поражает мысль, что Кирин по-прежнему поклоняется Тадже. Он вроде бы не *настолько* наивен.

– Я ничего интересного не пропустила? – входя в ложу балона, спросила я, пытаюсь скрыть свой гнев. Я пропустила открывающую молитву – церемонию посвящения турнира Восьмерым. Вероятно, я также пропустила по крайней мере несколько первых соревнований. Будем надеяться, что это не столь уж важно.

Тамин прервался на середине глотка.

– Джанель! Я боялся, что ты заболела. – Усмехнувшись, он подошел ко мне и, положив руку мне на шею, прижался лбом к моему лбу.

Или, по крайней мере, попытался.

– Ты в порядке? – отстранился он.

Я коснулась его руки – вместо приветствия, в котором я ему отказала.

– Путешествие было очень трудным.

Тамин, впервые с тех пор, как я приехала, выглядел неуверенно. Сглотнув комок, он махнул рукою в сторону:

– Граф Джанель, позвольте представить вам стража Лората – из одного из моих знамен. – Он указал на старика, явно находящегося в старческом слабоумии и слишком слабого, чтобы стоять самостоятельно. Для стража он был слишком немощен, но я придержала свой язык.

Страж Лорат, как раз кормивший у себя на коленях маленького щенка дола – и это занимало его гораздо больше, чем турнир, – поднял глаза на меня.

– Страж, – склонила я голову.

Пожилый страж пробурчал что-то неразборчивое, и стоявшая рядом с креслом служанка бросилась к нему и прижалась ухом к его губам, прислушиваясь, что он бормочет. Щенок принялся облизывать свои лапы.

Сиделка выпрямилась и повернулась ко мне. У нее был поразительный окрас: это была сероглазая бледно-молочная кобыла всех оттенков обесцвеченности – с кожей, покрытой тонкой сеткой голубых и фиолетовых вен. Можно было бы подумать, что она тоже проклятая льдом йорка, но для этого ее черты были слишком неправильными. У йорцев были маленькие носики и пухлые губы, а у нее вытянутые черты лица, тонкие губы и прямой нос.

– Страж приветствует вас. – Ее акцент выдавал, что она провела долгое время на западе³⁶. – Он извиняется, что не может обратиться к вам, как полагается, но из-за красной лихорадки ему трудно говорить.

– Разумеется, – сказала я, обращаясь к нему. – Для меня удовольствие встретиться с вами. – Я улыбнулась сиделке: – Спасибо за помощь с переводом.

Ее серые глаза остановились на моем лице, и она склонила голову в знак признательности, а затем вновь вернулась к стражу.

У меня было такое чувство, что меня только что отвергли.

– А это, – сказал Тамин, указывая на последнего из присутствующих, – это мой уважаемый учитель, Релос Вар. Я боялся, что ты не сможешь встретиться с ним до того, как он уйдет. – Тамин вздохнул, глядя на мужчину: – Неужели я ничего не могу сделать, чтобы убедить тебя остаться?

Я вспомнила слова Нинавис: Кэлазан слышал, как Тамин разговаривал со своим учителем о пророчестве.

Мужчина, по происхождению явно бывший куурцем, выглядел весьма непритязательно и был одет в простую одежду, подобающую слуге. Волосы у него были коротко подстрижены, лицо выбрито, а обут он был в сапоги, подходящие для верховой езды или путешествий.

Мужчина посмотрел на меня, и наши взгляды встретились.

Релос Вар улыбнулся.

³⁶ Это потому, что я родилась на западе.

Я знаю, когда люди смотрят на меня с вожделением. Мужчины и женщины бросали на меня такие взгляды задолго до того, как я вошла в соответствующий возраст. Но он смотрел совсем по-другому.

– Джанель Данорак, – сказал он, улыбаясь от удовольствия. – Единственная выжившая в Лонежском Адском Марше.

– Джанель Теранон, граф Толамер, – поправила его я. – И последний Адский Марш пережили очень многие души – иначе мы бы просто сейчас не разговаривали.

Релос Вар усмехнулся и чуть склонил голову – принять это за поклон мог только очень снисходительный человек.

– И все же ваша репутация опережает вас. – После он отвесил столь же неискренний поклон барону: – Приношу свои извинения. Мне очень жаль покидать вас, но я получил известие, что у одного моего родственника небольшие проблемы. Я должен немедленно вернуться к нему, чтобы позаботиться о его надлежащем положении.

– Что за проблемы? – спросила я, лишь потому, что все это весьма странно дополняло и без того странную ситуацию: слишком много иностранцев, слишком много тайн, слишком много изменений в порядке проведения турниров. И еще этот разговор о пророчестве. Был ли Релос Вар тем самым человеком, чей разговор с Тамином о «дитя, нужном демону», подслушал Кэлазан?

Было в нем что-то...

Я и по сей день не уверена, что его выдало. Может быть, он хотел, чтоб я заметила это.

Наши глаза встретились, и я явно увидела его самоуверенность. Тамин не представил его как одного из западной знати или королевской семьи. Его туда же должно было равняться туда же обычного слуги, но – нет.

На самом же деле его идорра была настолько велика, что я не понимала, почему все в аристократской ложе не стояли на коленях.

Релос Вар помолчал, прежде чем ответить на мой вопрос:

– Моего младшего брата вот-вот выставят на торгах в Кишна-Фарриге. – С его губ сорвался горький смешок: – У него талант впутываться в неприятности. А заодно и впутывать всех остальных.

– Продадут в рабство? Это действительно кажется серьезным. Тогда счастливого пути. – Ах, как бы мне хотелось задать ему вопросы, на которые он мог бы дать ответы. Где находится эта Кишна-Фаррига? Поскольку ранг барона не позволял ему иметь собственного Хранителя Врат, как Релос Вар намеревался отправиться туда, чтобы спасти своего брата? Он заключил сделку с Хранителями Врат или сам был Хранителем?

– Благодарю вас, граф, – ответил Релос Вар и поклонился мне – по-настоящему поклонился! Его глаза стали настолько теплыми, что это меня просто поразило. – Мы живем в чудовищные времена. Надеюсь, мы еще встретимся и я смогу уделить вам все свое внимание.

Он казался искренним, выражение его лица было добрым, и все же его слова показались мне угрозой. Я почувствовала озноб, одобренный уверенностью, что мне совершенно не понравится «все внимание» Релоса Вара³⁷.

– Взаимно, – сказала я.

Толпа нетерпеливо затопала ногами, и Релос Вар ушел. Я заняла освободившееся кресло и пыталась изобразить, что я, как обычно, заинтересована исходом соревнования, но взгляд вновь и вновь возвращался к столбам. Вар почти смог меня заболтать, но теперь моя цель располагалась прямо перед глазами.

– Сэр Ксиа Нилос, – сказал Тамин, отвлекая меня от изучения столбов и указывая на рыцаря в красивом головном уборе, украшенном перьями орла, и серо-белом плаще, расши-

³⁷ Признайте, слова, которые она здесь подбирает, весьма забавны.

том бисером. Рыцарь выехала верхом на прекрасной, серой в яблоках, кобыле, в гриву которой были вплетены такие же ленты. – Она представляет торговый консорциум «Семь путешествий». Напротив нее – мой человек, сэр Дедрю.

Уж на него-то мне не надо было показывать. Дедрю был одет в желтое и коричневое, золото и бронзу, его парадный наряд был украшен блестящими лентами, развевающимися на ветру. Гарцуя по площадке для соревнований, мужчина выкрикивал угрозы противнику.

Энтузиазм толпы казался вынужденным и неестественным. Если бы хвастовство Дедрю передо мной не было дурацким бахвальством, то он мог считаться королем тигров в этом маленьком лесу. Я ожидала, что у него будут преданные поклонники и почитатели, размахивающие его флагами, одетые в его цвета. Вместо этого местные жители явно болели за него лишь потому, что должны были это делать.

Посетители приветствовали Дедрю по той же причине, по которой они приветствовали бы любого рыцаря: они поставили на него.

– Вчера вечером твой капитан упомянул, что именно он обычно выигрывает финальный приз турнира – арестованных сазленов. Твои судьи не думают, что тут может быть конфликт интересов?

Лицо Тамина помрачнело, но в следующий миг он рассмеялся и махнул рукой в сторону старого, дряхлого стража:

– Вон там сидит мой единственный судья.

У меня глаза расширились от удивления.

– Знаю, – дернул уголок рта Тамин. – Но что я могу поделать? Остальные стражи отказались присутствовать, сославшись на невзгоды нынешней зимы. Если бы я попытался сам возглавить судей, это был бы дикий скандал, а он единственный, кто утруждается прибытием сюда. Остальные меня бросили.

– А высокопоставленные кобылы?..

– Ганар, дочь стража Докмара, находится там, внизу, в клетке, – огрызнулся он. – Эта шлюха и убийца связала свою жизнь с колдунами и душегубами. Как я могу попросить ее быть судьей?

Я вздрогнула. Интересно, знал ли страж Докмара, что его дочь ждет казнь за измену и колдовство?

Протянув руку, Тамин схватил меня за запястье. Если бы я не была самой собой, то сказала бы, что схватил он слишком сильно.

– Твое прибытие, – сказал Тамин, – это единственное хорошее, что произошло за прошедшие месяцы, Джанель. Это словно наступление весны.

– Тамин, – сказала я, стараясь, чтобы мой голос звучал спокойно, – но сейчас – *весна*.

На секунду он пораженно уставился на меня. Так, словно я только что сказала что-то удивительное и невероятное: что-то вроде того, что небо голубое, а не бирюзовое, или, например, объявила магию законной по всей стране.

Если быть откровенной хотя бы перед собой, он выглядел просто ненормальным.

Оглушительный, резкий грохот не дал ему возможности ответить.

Мы обернулись к площадке для соревнований как раз вовремя, чтобы увидеть, что рыцари уже успели сойтись. Ксиа Нилос, идорра которой была ниже, могла выбрать форму поединка: она остановилась на Соревновании Хореда. В свою очередь Дедрю выбрал технику – стиль сражения на мечах, – в которой грубая сила превалировала над ловкостью. Для Ксиа Нилос эта стратегия была очень плоха, и сейчас она привела ее к весьма затруднительному положению: ее сшибли с лошади, и она изо всех сил пыталась нащарить рядом с собой вырванное оружие. Стоявший у края арены оруженосец Нилос подхватил запасной меч и рванулся на помощь своему рыцарю.

Сэр Ксиа Нилос подняла свой щит как раз вовремя, для того чтобы принять на него ошеломляющий удар Дедрю, отбросивший ее назад. Нилос нащупала меч и вскинула обе руки, удерживая щит.

Уверена, при других обстоятельствах, против других противников, навыки сэра Ксиа помогли бы ей справиться. Но не здесь. И не против такого врага, как Дедрю.

Я посмотрела на стража:

– Она побеждена. Огласи это.

Старик что-то пробормотал себе под нос.

– Пусть сэр Ксиа сама решит, когда она будет побеждена, – сказала служанка от имени стража Лората.

Удары, которыми Дедрю осыпал Ксиа, казались мне подходящими скорее для работы молотом в кузне, чем для состязания в мастерстве: щит Ксиа сильно помялся.

– Кончай с этим! – жарко прошептал Тамин. Его глаза блестели. Сиделка забрала щенка дола с колен стража и отвернулась.

– Ты сдаешься? – изо всех сил закричала я, но вряд ли рыцари могли меня слышать за свистом и улюлюканьем зрителей.

Оруженосец наконец добрался до рыцаря с запасным мечом.

Все последующее я увидела так, словно само время замедлилось, дабы дать мне возможность рассмотреть получше. Беспрестанные удары Дедрю, сверхъестественно сильные и такие могучие, что я подумала, что он может пробить щит, чтобы сокрушить своего противника. Нетвердые шаги сэра Ксиа, пытающейся сохранить равновесие. Вскрик молодого оруженосца, протянувшего меч так, чтоб Нилос могла схватить его. Время остановилось.

Дедрю отвел клинок назад, для замаха, а затем пронзил оруженосца насквозь.

Я вскочила. Да и все остальные тоже.

Шок и наивная вера в то, что соревнование закончилось – оно ведь и должно было закончиться, не так ли? – притупили бдительность сэра Ксиа. Ее взгляд остановился на умирающем оруженосце.

Она отвела взор от врага.

Рывком выдернув меч из тела мертвого юноши, Дедрю развернулся к сэру Ксиа и окровавленным клинком отбил щит женщины в сторону. Меч Дедрю вошел в сочленение доспехов на шее, а затем скользнул к подмышке. Сэр Ксиа закричала. Дедрю рванул лезвие вверх, вскрыв главную артерию и отрубив женщине руку. Брызнула кровь.

– Тамин! – закричала я.

Лицо Тамина горело экстазом. Все внимание барона было поглощено победой и жадной кровью. Услышав мой предостерегающий голос, мужчина резко повернулся ко мне:

– Ты мой друг, а не мой граф. Твой тон неуместен. – Его ноздри затрепетали от гнева.

– Они умрут, – сказала я. – И сэр Ксиа, и ее оруженосец умрут.

Тамин уставился на меня так, словно я говорила на иностранном языке. Почему эти смерти должны были его беспокоить или волновать? Он сел в свое кресло.

– Разве турниры предназначены не для того, чтобы подготовить нас к войне? И разве на войне люди не умирают? – Он поднял руку, благословляя сэра Дедрю: на поле вышли люди забрать тела.

– Тамин...

Он улыбнулся и помахал рукой, но когда он взглянул на меня, выражение его лица было ледяным:

– Не стоит подвергать сомнению мои действия, Джанель. Мое знамя стоит на грани катастрофы. Я должен принять решительные меры³⁸.

³⁸ Не думаю, что когда-нибудь пойму, чего, по мнению Тамина, он здесь добивался.

– Решительные меры?! – Я изо всех сил старалась говорить спокойно. – Тамин, Дедрю – твой человек. Ты несешь ответственность за то, что заплатишь смертную цену за тех, кого он убьет. Если твоё знамя находится в таком бедственном положении, как ты вообще можешь допускать такое?

– Я не приму совета от жеребца, который сбежал из своего собственного кантона, вместо того чтобы принять Осуждение лицом к лицу. – Тамин наклонился вперед, на лице светилось неприятное выражение: – Думаешь, я не знаю всей правды о твоём визите? Твой бывший нареченный, сэр Орет, выкупил твоих людей еще до того, как твой дедушка испустил дух. И все это время ты сидела там, не обращая внимания на то, как тебя выставляют на посмешище. Вот почему ты не пришла с помощью Привратного Камня – у тебя не было ни его, ни Хранителя Врат, чтоб его использовать.

Его слова ранили сильнее, чем удары, – хотя бы потому, что были правдой.

Но одновременно они и отвлекали от главного, а я этого очень бы не хотела.

– Дедрю – чудовище. Я – твой друг, и именно поэтому я прошу тебя не нанимать чудовище, чтобы доказать свою идорру.

Всегда были те, кто считал, что идорра требует насилия, – мол, палка – наиболее эффективное средство для удержания стада в узде. Это ошибочное убеждение всегда влечет за собой Осуждение. Аристократы могут править в Джорате, но они правят, потому что пользуются доверием наших горожан. И что же происходит, когда аристократы становятся опасней всего для народа?

Они прогоняются прочь. Так было всегда.

– А я, как твой друг, – сказал Тамин, – прошу тебя, чтобы ты управляла своим табуном и не лезла к моему.

Я подняла руки в знак согласия:

– Тамин, я не хотела тебя обидеть. Зима была тяжелой для нас обоих.

Я увидела боковым зрением, как на площадку для соревнований выходит Черный Рыцарь турнира. Его послали, чтобы отвлечь толпу от запекшейся крови, которую вытирали за его спиной. Толпа злобно кричала:

– Торра! Торра! – Но когда капитан Дедрю бросил взгляд на зрителей, повисла тишина. Гнев Тамина чуть приутих.

– Как я тебе завидую, Джанель. По крайней мере, ты могла сбежать от твоих демонов.

Эти слова полоснули меня, будто ножом.

– Не от всех, – коснувшись его руки, я заговорила, тщательно подбирая слова. – Но мы могли бы помочь друг другу.

Черный Рыцарь, подшучивая над зрителями, гарцевал по полю – как того и требовала его роль. Он был одет в богато украшенные черные доспехи, слишком маленькие для него – и причем в совершенно неподобающих местах. Его огромное брюхо обнажилось, но он, не замечая этого, пританцовывая, скакал на поцелованной пламенем черной огнекровке.

Тамин отдернул руку:

– Мне не нужна помощь. Эти колдуны думают, что смогут взять надо мной верх. Я им всем покажу. Я всех их сожгу!

– Именно это ты намерен сделать с пленниками, которых я привела?

– Они колдуны, или колдуньи, или в сговоре с ними. Разве у меня есть выбор? – Он стиснул зубы. – Я знаю Кэлазана с детства, Джанель, и до сих пор не могу поверить, что он предал меня.

Страж не обращал никакого внимания на наш разговор; служанка вернула ему щенка, при этом она с таким интересом и сосредоточенностью изучала раму ложи для знати, что, должно быть, ловила каждое наше слово. Женщина отошла лишь тогда, когда к ней подошел находившийся на поле судья, собиравшийся о чем-то спросить.

И она не посоветовалась со стражем, прежде чем начать давать указания.

– Ты, должно быть, чувствуешь то же, что чувствовала я после того, как со мной поступил Орет, – сказала я. – После того, как он отвернулся от меня.

– Он любит тебя, – сказал Тамин.

– Страстное желание владеть чем-то не означает любовь.

Он вздохнул и налил себе еще вина.

– Ты всегда была столь мудра, дорогая Джанель?

– Ты льстишь мне, Тамин. Если бы я была мудра, я бы не попала в эту передрагу.

– Но ты ведь понимаешь меня. Мы оба должны делать то, что необходимо. Я должен убить каждую колдунью, каждого колдуна в своем знамени. Каждого. Я не оставляю в живых никого, способного призвать демонов, которые могли бы уничтожить нас. Релос Вар открыл мне глаза на существующую опасность.

Я повернулась к нему:

– Какую опасность?

– Дитя, – сказал Тамин. – Нужное демону дитя. Пророчество гласит: *«Нужное демону дитя собирает сломленных, колдуний, колдунов и преступников – ярых мятежников, дабы замыслить завоевание и восстание, пока зимняя злоба прячет цепи во дворце снежного короля»*.

Я уставилась на него.

– Разве ты не видишь? Это же очевидно!

– Я не...

– А вот еще, – продолжал настаивать он. – *«Нужное демону дитя ждет, не мертвое, но спящее, видит сны о зле и душах для жатвы, ибо, когда день и ночь наконец сольются воедино, решетки короля демонов будут сняты»*. Все яснее ясного! Если демоны найдут ребенка, которого они ищут, они используют его, чтобы уничтожить мир³⁹.

Мне ничего не было ясно, но высказывать мнение добровольно я не стала.

– Когда день и ночь наконец сольются воедино... в затмении?

Несмотря на то что я изо всех сил пыталась сдержать эмоции, в голосе проскользнул сарказм, но Тамин пропустил это мимо ушей.

– Да, мне так кажется. Но я не уверен. Это может означать что угодно.

Я подавила желание попросить его повторить последнее предложение еще раз, медленнее.

Я вздернула подбородок:

– А как же руны, вырезанные внизу, на столбах? Они предназначены для... того, чтоб причинить боль... демонам?

– Да. Когда колдунья или колдун умирают, становится меньше на одну колдунью, способную призвать демона.

– Ах, как умно, – сказала я. – Теперь все ясно.

И это было правдой. Все действительно было ясно.

Видишь ли, из-за «нежного» воспитания Ксалторат я могла прочесть руны, вырезанные на этих столбах. А еще я заметила неестественную силу, благодаря которой Дедрю побеждал. Я не дура. Учитель Тамина Релос Вар, его доверенный наставник, сплел вокруг него красивую паутину лжи. Тамин проглотил всю наживку. В Знамени Барсина кто-то действительно вызывал демонов.

И, к сожалению, несмотря на веру в собственную невиновность, этим кем-то был сам Тамин.

³⁹ Я бы истолковала это иначе.

7: Планы атаки

Провинция Джорат, Куурская империя.

Через два дня после того, как Уртанриэль подняли с земли

Кирин откинулся на спинку стула, чувствуя, как на него давит окружающий их камень. Юноша содрогнулся:

– Ну, знаешь ли, это был я. Я – тот младший брат, которого продали в рабство в Кишна-Фарриге. И Релос Вар действительно пытался меня купить.

– О, – сказала Джанель, – так ты – *тот самый* брат.

– Ну, технически я ему вообще не брат. По крайней мере, не в этой жизни.

Джанель пожала плечами:

– Я не думаю, что он видит разницу.

– Нет-нет, думаю, он ее вообще не замечает. И ненавидит меня так, будто я его настоящий брат.

Она на мгновение замолчала, выражение ее лица было непроницаемым.

– Думаешь?

– Разумеется. – Он снова посмотрел на нее: – Думаешь, на самом деле все не так?⁴⁰

Она обдумала свой ответ, прежде чем заговорить:

– Наши эмоции редко бывают просты, когда дело касается семьи.

– Тебе легко говорить. Ты никогда не встречалась с моим старшим братом Дарзином.

Рад, что этого никогда и не произойдет.

По ее лицу проскользнул испуг:

– Понимаю. Хотя у меня такое чувство, что мы знаем одних и тех же людей. Так что, кто знает?

Он, ухмыльнувшись, наклонился вперед:

– Дарзин мертв.

Джанель пристально посмотрела на него:

– Как и ты.

Ухмылка сползла с его лица. Разве мог Дарзин... Ну, нет. Богиня Смерти ненавидела Дарзина. Она никогда не позволит ему Вернуться.

– А как насчет тех пророчеств, о которых упоминал Тамин? Они похожи на... – Кирин замялся. – Они похожи на Деворанские пророчества. Однажды я встретил Голос Совета, который был деворанским жрецом – так он был убежден, что каждое чирикание птицы относится к одному из этих проклятых катренов⁴¹.

– О, это и *есть* Деворанские пророчества, – вмешался брат Коун. – Я проверил это на случай, если Тамин или Релос Вар использовали их название в качестве оправдания своих зверств. Но нет – строфы, которые цитирует Тамин, подлинные. Конечно, это не означает, что они правдивее любого из тысяч четверостиший, которые деворанцы собирали на протяжении веков.

– Это очень обнадеживает, – сказал Кирин. – Знаешь, Тамин все неправильно понял. По крайней мере, первое пророчество. Оно, должно быть, относится к Вол-Кароту. – Вздыхнув, он покосился на Коуна. – Давайте просто надеяться, что конкретно это четверостишие никогда не сбудется.

– Ты уже произносил это имя раньше. – Джанель сдвинула брови: – Кто это?

⁴⁰ Зачем ненавидеть меч, когда эффективнее ненавидеть руку, владеющую им?

⁴¹ Мне всегда казалось забавным, что эти пророчества называют *Деворанскими*, хотя на самом деле они исходят от демонов, а не от острова Деворан.

У Коуна отвисла челюсть.

– Что? Джанель! Вы не знаете, кто такой Вол-Карот? Никто не объяснил вам, кто такой *Вол-Карот*?

Джанель беспомощно развела руками:

– Нет. Но по твоему возмущенному тону я предполагаю, что это кто-то важный.

Кирин прочистил горло:

– Ну, можно и так сказать.

Джанель, прищурившись, смерила его взглядом.

– Он – Король Демонов... – начал объяснять Коун.

– Нет, он не из них, – отрезал Кирин. – Он – то, во что превратился бог, которому ты поклоняешься и не поклоняешься, Коун, Восьмому из Восьми Бессмертных.

Коун, распахнув рот от ужаса, уставился на Кирина.

– Давным-давно некий волшебник обманом заставил одного из Восьми Бессмертных участвовать в ритуале, – медленно начал Кирин. – Я говорю *обманом*, потому что кульминацией ритуала, по-видимому, было принесение в жертву Бессмертного, о котором я говорю. Предполагается, что он не вызвался на это добровольно. Как бы то ни было, что-то пошло не так. Остальные люди, участвовавшие в ритуале, стали драконами, но этот Бессмертный – как я понимаю, вы называете его *Селанолом*, но настоящее имя у него другое – стал чем-то еще более ужасным. Он действительно умер, но то, что появилось из его мертвого тела, было аватаром уничтожения и зла, настолько опасным, что монстра пришлось заключить в тюрьму, иначе он уничтожил бы весь мир. А может, и всю вселенную. И поэтому они дали ему другое имя: *Вол-Карот*. Я на самом деле не думаю, что он Король Демонов. Он жаждет уничтожить демонов так же, как и все остальное.

– Ох, – сглотнула комок Джанель. – Тогда прошу прощения; я слышала про него. Моргаджи называют его как-то иначе⁴². И в Деворанских пророчествах, которые я читала, он никогда не упоминался как Вол-Карот. Король Демонов, да? Это имя я уже слышала.

Кирин выдохнул. Он не объяснил остального: что, хотя тело Саррика было превращено в сосуд для размещения развращенной силы тьмы, его *душа* в конце концов была освобождена и возвращена в Загробный Мир.

Чтобы в конечном итоге возродиться в качестве Кирина Де Мона.

Джанель встретила взглядом с Кирином.

– Однако я также слышала, что этот предсказанный *Воин Ада* будет тем, кто освободит его, тем, кто возвестит конец света.

– Это... это все еще очень спорно. Мне кажется, это тоже неправда, – сказал Кирин. – Как бы то ни было, мы уверены, что это не один человек. Не просто один-единственный «Адский воин». Нас четверо.

– *Нас?!* – повторил Коун.

Кирин скорчил гримасу и не ответил.

– Это тоже не имеет никакого смысла, – сказала Джанель. – Почему не восемь? Восемь Бессмертных, восемь драконов, восемь Воинов Ада?

Но прежде чем Кирин успел сказать хоть что-то, вмешался Коун:

– Хорошо, подождите. Вернемся к вашим словам о драконах. Если предположить, что все остальное сказанное – правда, вы еще сказали, что участники стали *драконами*. Вы уверены, что правильно расслышали эту деталь?

– Абсолютно, – не глядя на Коуна, ответил Кирин. – Именно так и были созданы все девять драконов.

⁴² Дитя войны. Хотя, конечно, у него куча имен. В принципе, когда ты настолько страшен, что боги и демоны содрогаются при твоём упоминании, ты это заслужил.

– Восемь, – поправил его Коун.

Кирин, нахмурившись, глянул на жреца:

– Вижу, это входит в привычку. *Девять*. Именно это я и собирался сказать Джанель: цифры не всегда совпадают. Видите ли, человек, который разработал ритуал и выполнил его, – он тоже стал драконом. Вы с ним встречались. В наши дни он шастает повсюду, называя себя Релосом Варом.

Коун пораженно заморгал:

– Релос Вар – не дракон!

– О нет, он дракон! Релос Вар просто предпочитает не выглядеть драконом большую часть времени. – Кирин пожал плечами: – Может быть, именно поэтому он не настолько безумен, как другие драконы? Честно говоря, даже не знаю.

Коун замер, широко распахнув глаза от удивления, а Кирин повернулся к Джанель:

– Первое четверостишие *действительно* звучит так, как будто оно относится к тебе.

Она приподняла бровь:

– Неужели? Неужели я, замышляя восстание, собираю преступников и колдунов?

– Вот и скажи мне. Собираешь?

Брат Коун поднял свою книгу:

– Давайте я просто почитаю, что было дальше?

Ни Кирин, ни Джанель не стали протестовать.

Рассказ брата Коуна.

Замок Мерейна, Знамя Барсина, Джорат, Куур

Замок казался безжизненным: сейчас, когда за спинами идущих закрылись ворота, внутри него оставался лишь костяк охраны. Большинство жителей толпились на арене на турнирной площадке. Но брат Коун, ведя вместе с кобылой Дорной хромающую Нинавис и приносясь слугами, возвращающимися с пошедшего наперекосяк задания, по-прежнему чувствовал себя незащищенным и уязвимым.

– С ней все в порядке? – охранник указал на Нинавис.

Кобыла Дорна махнула рукой:

– О, она в порядке, в полном порядке. Просто эта неуклюжая кобыла споткнулась на лестнице.

– Эй, не такая уж я и неуклюжая!

– Ну, а кто умудрился споткнуться о свои собственные ноги? Ты ведь, а не я.

Усмехнувшись, стражник вернулся к обходу территории замка. На брата Коуна он даже не взглянул.

Они направились в комнаты на третьем этаже, где раньше находились покои прежнего управляющего, а теперь жила граф.

Стоило двери в комнаты закрыться – и все трое выдохнули с облегчением.

Оставив Нинавис, Дорна кинулась собирать вещи.

Брат Коун нахмурился:

– Граф сказала...

Дорна оглянулась через плечо:

– Думаешь, я оглохла, жеребенок? Я знаю, что она сказала. Но гарантирую тебе, это место мы не будем покидать медленно и неторопливо. И лучше всего быть готовыми к быстрому отступлению.

Брат Коун начал было возражать, но замолчал на полуслове. Нинавис по-прежнему опиралась на его плечо.

– Дайте мне взглянуть на вашу ногу. Шина была временным решением. Я должен попытаться придумать что-нибудь более долговечное.

Нинавис одарила брата Коуна безжизненным взглядом, затем стянула импровизированный плащ с головы и, прихрамывая, направилась к кровати.

– Уверен, что ты не просто хочешь полапать мои икры?

Брат Коун боролся с желанием закатить глаза к небесам.

– Я жрец Мистерий Вишаев.

– И?

– Он вообще не может бегать за табуном, если ты понимаешь, что я имею в виду. – Дорна сделала несколько резких движений, имитируя ножницы.

Коуну стоило огромных усилий проигнорировать Дорну. Он жестом пригласил Нинавис сесть на ближайший стул.

– Не *не могу*. А *не буду*. Мы даем обет. Если меня и интересуют ваши ноги, то только потому, что я хочу узнать, насколько они зажили.

Фыркание Дорны он пропустил мимо ушей.

Он по нескольким причинам не использовал Озарение для исцеления Нинавис: прежде всего потому, что она была в сознании, настороже и главное – маракоркой. Последнее означало, что она вполне может понять, что он делает. Маракорцы не разделяли недоверия джоратцев к магии.

Точнее, маракорцы сами были *причиной*, по которой джоратцы не доверяли магии.

К счастью, перелом Нинавис был закрытым, а значит, было меньше шансов на заражение. Хотя на ноге и красовался вполне предсказуемый отек, да и мышцы были повреждены. Но при достаточном отдыхе она полностью выздоровеет. Другой вопрос, будет ли у нее возможность отдохнуть.

– Дорна, как вы думаете, здесь можно найти восковую лиану? Я бы сделал пластырь. – Брат Коун оглянулся по сторонам, выискивая взглядом ткань, которую можно было бы прокипятить и разрезать на полосы.

Однако прежде, чем он успел что-то сделать, в комнату ворвалась граф Джанель:

– Вы здесь. Отлично. Дорна, помоги мне с моими доспехами. Вы трое должны немедленно уйти отсюда. Отправляйтесь на север, в Висалию. У маркрива есть там дальняя родственница. Она даст вам кров.

Подойдя к собранным Дорной вещам, она достала фамильный меч.

– Жеребенок? Что случилось? Ты не... Подожди, что ты делаешь? – Дорна уперла руки в бока.

– Я дала слово, – сказала граф. – И я выполняю его.

– Что происходит? – Нинавис попыталась встать, покачнулась и рухнула обратно на сиденье. – Что они собираются сделать с моими людьми?

– Подождите, – начал брат Коун. – Граф, вы расстроены. Но, пожалуйста, объясните, что происходит.

Граф Толамер подошла буфету и взяла с него оловянные кувшин и кубок. Налила себе воды, осушила кубок залпом и отбросила его в сторону. Руки ее дрожали.

Она даже не пыталась держать себя в руках. На пол упал раздавленный комок металла с отпечатками пальцев.

Джанель запустила пальцы в лаэвос.

– До того как мы уехали из кантона Толамер, еще когда мой дедушка был жив, он пользовался услугами Ковингласса, Хранителя Врат из Дома Де Арамарин. Он был казиварцем. Мне он никогда не нравился, но предателем я его не считала. По крайней мере, до смерти моего дедушки. Когда же я начала просматривать бумаги моего дедушки, я полностью поменяла мнение. Не знаю, то ли дедушка платил Ковинглассу слишком мало, то ли тот просто мстил ему за что-то незначительное, но при этом совершенно незабываемое. Когда дедушка заболел, Ковингласс рекомендовал одно неудачное решение за другим, отчего наши долги только росли.

– Не все грабители пользуются мечами, – сказал брат Коун. – Некоторым достаточно пера и чернил.

Граф горько кивнула в знак согласия:

– Похоже на то.

Нинавис нахмурилась:

– Какое это имеет отношение к Тамину и к моим людям?

– Поскольку у меня уже был опыт с предательством Ковингласса, – пояснила граф Джанель, – я хотела верить, что барона Барсины тоже ввели в заблуждение. Мне казалось, что все его мысли были заняты лишь покойным отцом Кэлазана и его покушением на отца Тамина и совершенный переворот. Ведь даже если Тамин слишком остро реагирует на убийство своего отца, самого Тамина могли использовать такие люди, как капитан Дедрю... и, возможно, этот Релос Вар.

– Кто?

– Релос Вар. Чужак⁴³. Учитель Тамина. Вдобавок я знала Тамина много лет. Я хотела поверить ему на слово.

– Ну разумеется! Вы, аристократы, всегда заступаете друг за друга, не так ли? – закатила глаза Нинавис. – Всегда прикрываете дерьмо друг друга.

– Заткнись, ты! – рявкнула Дорна – Ты не имеешь права разговаривать так с моим графом.

– Нет, Дорна. Она заслужила право ругать меня. – Совершенно опустошенная Джанель села на стул.

– Граф, – спросил брат Коун, – что случилось?

– Барон не понимает этого, но он и есть тот, кто призывает демонов, – объяснила она. – Он думает, что убивает колдуний и колдунов. Но на самом деле он казнит невинных людей, а затем посвящает их смерти демону по имени Касмодей. В Барсине действительно существует проблема с колдунами, но этот колдун – Тамин.

– Вы должны убить его, – сказала Нинавис. – Вы должны убить его. Лучшей возможности не представится. Вы единственная, кто может пройти мимо его солдат и убить барона.

Граф Джанель шокированно уставилась на женщину:

– Неужели ты не слышала ни слова из того, что я сказала? Тамина обманывают. Мы должны объяснить ему!

– И это все исправит? Вернет уничтоженные деревни? Или поможет мужчинам, женщинам и детям, отправленным на костер? – Нинавис приподнялась со своего места. – Не смей говорить мне, что его легкое оправдывает его поступки.

Лицо графа побледнело от гнева. Дорна вскочила. Брат Коун тоже встал, хотя не знал, что он может сделать.

– Есть способы...

Нинавис выпятила нижнюю челюсть:

– Ты собираешься поведать мне об Осуждении? Клянусь, если... – Ее голос затих, стоило ей посмотреть в лицо графа Толамер.

Глаза Джанель вспыхнули нестерпимым пламенем. Даже нечеловеческим.

– Позволь мне, – сказала граф, – объяснить, что из себя представляет политика здесь, в Джорате.

Она шагнула вперед, и Нинавис была вынуждена отступить. Вот только Нинавис уже стояла у края кровати, поэтому она попросту села.

– Если я войду туда и убью барона, – сообщила Джанель, – у которого нет детей и который не избрал себе наследника, его титул и земли достанутся не мне, а самому сильному жеребцу

⁴³ По-видимому, в Джорате любой, кто приходит с той стороны Драконьих Башен, называется чужаком.

его двора. Как ты думаешь, кто это может быть? Дедрю. *Дедрю* будет за главного. Ты не видела его на турнире. Он силен так же, как и я, если не сильнее. Он убьет нас всех, и ничего не изменится. В Джорате ты не можешь убивать любого, кто стоит на твоём пути к власти⁴⁴. Но может быть, только может быть, у меня есть идея, как с этим справиться.

Граф подошла к сундуку, откинула крышку и начала рыться внутри.

Долгая, неловкая тишина окутала всех, находившихся в комнате.

– Что ты собираешься *делать*?! – спросила Нинавис.

Граф Толамер повернула голову:

– Действовать решительно.

– Я не это имела в виду!

– Я знаю. Мне просто все равно.

Нинавис вздохнула:

– Послушай...

– Ты собираешься мне помогать или так и будешь, как маленькая птичка, разбивать клювом все, что я делаю? – Джанель бросила ей в руки одежду и уставилась на женщину: – Я могу помочь тебе и твоим людям снаружи. Но не в том случае, если ты думаешь, что я враг, цель которого – дать тебе то, против чего можно восстать.

Тишина была ей ответом.

Дорна и брат Коун смотрели на двух женщин, не осмеливаясь дышать, и лишь ждали, кто двинется первым.

– Возможно, мы были чуть-чуть оторваны от реальности, – сказала Нинавис.

Брат Коун выдохнул. Джанель склонила голову в знак того, что она услышала ее, но больше ничего не сказала, лишь вновь принялась выкидывать одежду на пол.

– Они мои люди, – продолжила Нинавис. – И они вот-вот будут принесены в жертву демонам.

– Может быть... – Брат Коун откашлялся: – Не могли бы мы отправить сообщение сеньору Тамина? Предупредить, что барон – негодяй? Кстати, кто здесь граф?

– Изиния, – сказала Дорна. – Но как именно ты собираешься это сделать, молодой человек? Непохоже, что у нас есть Хранитель Врат, если только у тебя нет каких-то талантов, о которых нам неизвестно.

Брат Коун слабо улыбнулся, что Дорна восприняла как отрицание.

У него вообще не было способностей к магии телепортации, для которой использовался Привратный Камень или что-то иное. Его это никогда особо не беспокоило. Хотя Привратные Камни соединяли каждый уголок империи, у Коуна не было реального интереса быть прославленным оператором платных врат.

Тем не менее у брата Коуна действительно была законная лицензия Дома Де Мон на использование магии. И он даже платил членские взносы. К сожалению, в Джорате всех, кто не был жрецом Восьми или официальным Хранителем Врат, считали колдуньями и колдунами. Брат Коун не был уверен, что местные жители дадут ему достаточно времени, чтобы предъявить документы, прежде чем они потянутся за факелами и вилами.

– Что ж, тогда, – продолжила кобыла Дорна, – так как Барсина – знамя, здесь есть Привратный Камень. Но я слышала от местных, что барон слишком скуп, чтобы платить за своего Хранителя Врат. Для этого у него есть люди из Дома Де Арамарин, которые выполняют только самые простые функции. Врата открыты за день до турнира. Врата будут открыты на следующий день после. А если кто-то хочет больше, он должен заплатить сам. И заранее договориться об этом.

– Нам это не поможет! – рявкнула Нинавис.

⁴⁴ Конечно, можешь, глупая девочка. Это просто игра, основанная на популярности, а не на родословных.

– Разумеется, нет, – согласилась Дорна. – Совсем не поможет. Вот почему я по-прежнему сторонница побега. – Она пошевелила двумя пальцами, показывая, как именно надо бежать. – Мне действительно жаль твоих людей, Нинавис. Они все выглядят хорошими людьми. Но я до сих пор не услышала плана, который позволил бы нам подобраться достаточно близко, чтобы освободить их. На нас направят столько арбалетов, что по одному болту нам точно достанется. А если этот капитан Дедрю такой же сильный, как ты, жеребенок, но вдвое больше тебя? Я не думаю, что в честном бою твои шансы так уж велики. Кроме того, давайте не будем забывать, что у нашего друга Тамина есть немного колдовской магии под рукой. Не стоит ставить весь металл на то, что этот отсутствующий учитель был единственным, кто умеет произносить заклинания. – Дорна прищурилась и, склонив голову набок, смерила графа взглядом: – Так как же ты собираешься с этим справиться? – Она вскинула руку: – Только не говори, что будешь пробиваться с боем наружу. Слышишь меня, юный жеребец? Не смей этого делать.

– Вовсе нет, – сказала граф, вытаскивая грудю кольчуг из сундука. – Я планирую пробиваться с боем *внутрь*.

Кольчужный хауберк цвета темного индиго отливал цветами побежалости, словно его породили ночь и радуга, под иссиня-черной металлической поверхностью плясало пламя. Это были не латунь, не железо и не сталь, а шаната – металл, ради которого Куурская империя завоевала Кирпис и изгнала ванэ. Стоимость его была очень велика, и шаната был почти незаконен для гражданских лиц, если они вдруг могли бы позволить себе приобрести его.

Для джоратских аристократов, формально относившихся к куурским военным, было исключение.

– «Внутри»? – спросила Дорна. – Что ты имеешь в виду, говоря «внутри»?

Граф улыбнулась, поднимая с земли еще одежду: бордовый гамбезон, настолько темный, что он казался черным, и поношенный плащ, знававший лучшие дни: его истинный цвет разобрать было невозможно.

– Лучшего времени и быть не может. Барон молод и неопытен.

Нинавис фыркнула:

– А тебе сколько? Семнадцать?

Граф фыркнула:

– Не смеши меня.

Брат Коун, искоса глянув на Джанель, прочистил горло.

Граф выглядела смущенной.

– Я имею в виду, я достигла совершеннолетия три месяца назад, как раз перед тем, как мы уехали из Толамера.

Глаза Нинавис расширились.

– Ой. А, понятно. Ты права. О чем я только думала! Тебе *шестнадцать*! Конечно, это совсем другое дело. – Она пристально посмотрела на Дорну и брата Коуна, как бы провоцируя их поправить ее.

– Молода годами, – сказала Джанель, – но не страданиями.

Нинавис встретила с ней взглядом. То, что она там увидела, заставило ее сглотнуть и отвести взгляд.

– И какое это имеет отношение к тому, что ты запланировала, жеребенок? – Дорна начала терять терпение.

Граф Джанель, казалось, не обращала никакого внимания на плохое настроение своей няни. Казалось, она была рада, что тема разговора поменялась. Все-таки по любым меркам она была слишком юна.

– Наша цель не Тамин, а Дедрю. И, в отличие от барона, Дедрю доступен: он сражается на турнире. Хотя после того, что я видела, будет странно, если он продолжит. Его противники сдадутся, и он станет победителем без боя. Поскольку никто не хочет разделить судьбу сэра

Ксиа, он победит – но не стоит заблуждаться. Для того чтобы барон мог законно убить людей Нины, Дедрю *должен* победить. Иначе пленники не принадлежат барону.

– Но... как же колдовство, в котором их обвиняют? – Брату Коуну не хотелось поднимать эту тему, но он чувствовал, что должен это сказать.

Джанель покачала головой:

– Это также определится турниром. Тамин собирается соединить обычный судебный процесс с исходом турнира, и это не случайно. Но, опять же, чтобы барон доказал, что они колдуньи и колдуны, Дедрю должен победить.

– Но кто будет с ним драться? – спросила Нинавис. – У меня сломана нога, а ты – титулованный аристократ. Тебе не разрешено участвовать в турнирах.

– Именно, – согласилась граф, натягивая на себя гамбезон. – Как граф Толамер, на турнире меня может представлять рыцарь, но мне никогда не разрешат участвовать самой. Это запрещено. – В ее голосе послышался смех. Она рассказала анекдот, но не объяснила, в чем соль.

Дорна строго посмотрела на молодую аристократку:

– Черный Рыцарь? Ты ведь об этом говоришь, не так ли? Ты хочешь выступить в качестве Черного Рыцаря.

Брат Коун нахмурился:

– Не понял. Кто такой Черный Рыцарь?

Дорна фыркнула:

– Никто. Кто угодно. Любой, кто хочет, может принять его облик. Черный Рыцарь – это анон... амони...

– Аноним, – подсказала Нинавис.

– Именно. Он самый. Черный Рыцарь – безумец, шутник. Небесный шут. Он непознаваем, ведь черный – цвет тайны и опасности, – и живое доказательство, что независимо от того, насколько хорош доспех на вашей лошади, всегда есть какая-нибудь придурочная задница, которая помочится на твои сапоги для верховой езды. Рыцарь – тот еще засранец. Это забавная работа, премия для отставника, выданная какому-нибудь пьянице, который весь день бродит среди толпы, пьет бесплатный эль и шупает за задницы хорошеньких мальчишек. Развлекается, как может.

– Но я по-прежнему не понимаю, как это нам поможет?

Граф закончила застегивать дублет. На ней было несколько слоев одежды. И поскольку она всегда носила туго стянутый на груди корсет, он эффективно скрывал изгибы ее тела.

– Если личность Черного Рыцаря известна, – сказала граф, – эту роль может взять любой, даже правящий аристократ. Никто об этом не говорит, но самый плохо хранимый секрет в провинции заключается в том, что человек, носящий на любом турнире черные доспехи, вполне может быть веселящимся титулованным аристократом. Что означает, что я могу сражаться – и шансы Дедрю на турнире не столь высоки, как его заставили поверить. – Ее губы изогнулись в усмешке.

– Черного Рыцаря всегда выбирают перед турниром, – сказала Нинавис. – Думаю, люди могут заметить, если появится еще один.

Но на лице графа по-прежнему светилась улыбка.

– Действительно, – согласилась она, надевая кольчугу из шаната. – Поэтому я полагаю, что было бы невежливо не нанести визит Черному Рыцарю барона Тамина заранее⁴⁵.

⁴⁵ Оглядываясь назад, думаю, что я действительно должна была проверить прошлое *всех* людей барона.

8: Безумец

Провинция Джорат, Куурская империя.

Через два дня после того, как был разрушен Кандальный Камень

– Я так и знал, что ты Черный Рыцарь! – довольный собой, Кирин откинулся на спинку стула. Его теория о Джанель выглядела все более вероятной.

– Мне жаль тебя разочаровывать, но нет.

– Что? Но ты только что сказала...

– Я *была* Черным Рыцарем, – поправила Джанель. – Постоянно существует много Черных Рыцарей, поскольку везде проводятся турниры.

Кирин задумался.

– Так это не за твое убийство герцог Каэн предлагает награду?

Джанель покосилась в сторону бара, затем снова перевела взгляд на Кирина:

– Нет.

– Ох...

– Кажется, ты разочарован.

– Да. Я прибыл сюда, чтобы найти этого человека. Герцог Каэн из Йора объявил за его голову щедрую награду – больше металла, чем большинство людей увидит за всю свою жизнь. Я подумал, что хотел бы увидеть в союзниках любого, кого Каэн так сильно хочет убить.

Но когда он это сказал, Джанель и Коун очень странно на него посмотрели.

– Только не говорите, что Каэн стоит за моей спиной...

Джанель хихикнула:

– Нет, конечно.

– Тогда почему вы оба так на меня смотрите?

Джанель выдохнула:

– Давай скажем так. Не думаю, что Каэн будет для нас проблемой.

– Но не волнуйся! – Для убедительности Коун постучал костяшками пальцев по столу. – Вместо него у нас будут другие проблемы. И они столь же плохи, если не намного, намного хуже.

– Это ты так пытаешься меня утешить?

– Не совсем.

– О, хорошо. Тогда у тебя прекрасно получается.

Восторженные крики, раздавшиеся от стола, где играли в эту странную игру с метанием костей, отвлекли Кирина⁴⁶. Крупный мужчина приглашал кого-нибудь поучаствовать в новой игре, но никто не проявил интереса.

Брат Коун спрятал улыбку за чашкой чая.

– Надо же, как внезапно! – сказал он. – Он постоянно выигрывает, а потом удивляется, что никто больше не хочет с ним играть.

Джанель усмехнулась:

– Подожди.

– Что ж, неужели никто не посмеет бросить мне вызов? – похвалялся мужчина, вскидывая руки. Смех и стоны были ему ответом, а несколько человек швырнули в него матерчатыми салфетками. – Давайте, люди, мы просто развлекаемся!

Внезапно бармен, опершись одной рукой о стойку, перепрыгнула через нее и выхватила метательный камень из руки победителя. Эта жилистая женщина напоминала Кирина жен-

⁴⁶ Игра называется *пагос*. Она популярна в тавернах по всему Джорату, но когда в барах возникают драки, от нее одни проблемы.

щин – членов его старой банды «Ночные Танцоры», которые специализировались на кражах со взломом и грабежах. У нее была темная красно-коричневая кожа и бордовые волосы до плеч, выбритые с одной стороны до гладкой кожи. С другой стороны волосы падали на лицо, скрывая его наполовину.

Толпа одобрительно выдохнула, а затем радостно закричала.

Кирин понятия не имел, как в этой игре подсчитываются очки, но сама игра состояла из того, чтобы ударить камнем о землю и он отскочил в цель. Женщина кинула камнем об пол, и тот попал прямо в яблочко в центре доски, пискнув подобно птице.

Бармен поклонилась толпе и, показав грубый жест серокожему мужчине, вернулась за стойку бара.

Кирин усмехнулся и повернулся к собеседникам:

– Чувствую, я должен был поставить на это металл.

– Почему нет? Остальные ставят, – согласилась Джанель.

– Есть о чем подумать позже, когда вновь выпадут кости. А пока расскажи мне побольше об этом Черном Рыцаре, – сказал Кирин.

Рассказ Джанель.

Турнирные площадки в Мерейне, Знамя Барсина, Джорат, Куур

К тому времени, как я повела брата Коуна и Дорну обратно на турнирную площадку, солнце уже поднялось высоко над головой. Турнирные соревнования приостановились на полуденную трапезу, пока люди перегруппировывались за сценой. Как я и предполагала, капитан Дедрю больше не участвовал в матчах; его противники отказались от соревнований, уйдя пусть и сконфуженными, но живыми. Только идиот мог не заметить, что настроение толпы стало еще противнее.

Если сразу после смерти сэра Ксиа Черный Рыцарь Тамина находился на поле чести, пытаясь отвлечь толпу от поступков Дедрю, то к тому моменту, как мы вернулись, он отсутствовал. Думаю, ушел он быстро, потому что разъяренная толпа начала выражать свое недовольство гнилыми овощами и испорченным вином. Отступить он мог только к азокам за территорией.

Похожие на палатки азоки образовывали временный передвижной лагерь, перемещавшийся с каждым турниром из города в город. Несмотря на свою бродячую природу, схема улиц и адресов в нем была столь же постоянна, как и визит налоговиков сразу после сбора урожая.

Дорна догадалась о секрете Черного Рыцаря, когда мы проходили мимо группы лошадей – жеребцов, если говорить точнее, – которых держали подальше от любых кобыл. Единственный жеребец-огнекровка выделялся среди них, как гигантское красное дерево среди карликовых сосен.

Она увидела огнекровку и фыркнула:

– О, вот оно что!

– Будь с ним мила, – предупредила я ее, входя в палатку, помеченную красной паутиной.

– Здравствуй, сэр Барамон, – сказала я, откидывая капюшон плаща салли.

Отвлечшийся от замитонского сливового вина мужчина с голубой чалой кожей и великолепными черными усами, кончики которых опускались ниже подбородка, выглядел, мягко говоря, далеко не лучшим образом. На нем все еще были доспехи Черного Рыцаря; шлем покоился на расположенном рядом с гамаком небольшом переносном столике, на котором стояло еще несколько бутылок со спиртным.

Удивленный нашим появлением, мужчина поднял глаза:

– Вы не должны здесь находиться...

– Ох, ну посмотри на себя. – Дорна вошла в палатку следом за мной. – С тех пор как я видела тебя в последний раз, ты так разжирел!

– Да и ты, старая хавронья, не похорошела в своем старческом слабоумии. Я не... – Но стоило ему перевести взгляд с Дорны на меня, и краска отхлынула с его лица.

Он узнал меня.

Он даже не взглянул на брата Коуна, когда тот проскользнул в палатку, и продолжил игнорировать Дорну, хотя они только что обменялись колкостями. Я полностью завладела его вниманием.

– Судя по твоей реакции, я предполагаю, что мне не нужно представляться.

Сэр Барамон расхохотался и вытер рот.

– О боги, нет! Не надо! Френа, увидев, как ты выросла, гордилась бы тобой.

Он налил себе еще выпивки, но я перехватила его руку:

– У нас нет на это времени!

Он попытался вырваться, но ему было бы легче разогнуть пальцы у железной статуи. Он нахмурился и перевел взгляд с пойманной руки на мое лицо. Может, он и был стар и не в форме, но все равно оставался жеребцом.

– Чего ты хочешь? – пробормотал он.

– Ты помнишь, когда в последний раз видел меня?

– Конечно. – На его лице появилось болезненное выражение. – Ты была... – Он опустил глаза на свою руку. – Отпусти меня.

Я разжала пальцы.

– В кантоне Лонеж, – сказала я, – когда у ворот стояли демоны. И ты сбежал.

– Все было совсем не так...

– Сбежал, – повторила я, – посреди ночи, вместе с Таларасом. Покинул свой пост и солгал стражникам, охранявшим подземный ход. Ты сказал им, что у тебя задание от моего отца и они должны тебя выпустить. Поэтому они подчинились.

– Я сам помню, что произошло. – Взгляд сэра Барамона стал жестче, когда он отставил бутылку и откинулся на спинку протестующе заскрипевшего стула.

Молчание сэра Барамона стало напряженным. Он на мгновение пошевелил челюстью, а затем наклонился вперед:

– Я пытался взять тебя с собой. Ты помнишь?

Мое горло сжалось.

– А я кричала, брыкалась и отбивалась.

– Так вот почему вы здесь? – Его взгляд остановился на Дорне. – Пришли поиздеваться над трусом?

Я отодвинула второй стул от стены азока и села лицом к Барамону, улыбнувшись старому толстому рыцарю:

– Зачем мне издеваться над тобой, сэр Барамон? У тебя одного была хотя бы капля здравого смысла.

Барамон дернул головой и уставился на меня. Он ждал чего угодно, но только не этих слов.

– Что?

– Они были *дураками*.

Барамон моргнул. Думаю, Дорна и Коун тоже.

– Дураками, – повторила я. – Я люблю своего отца, но он был идиотом. Я не имею ни малейшего понятия, почему он решил пойти сражаться. Если бы я поехала с тобой... – На последнем слове мой голос сорвался. Я сглотнула и отвернулась, борясь с готовой разразиться бурей эмоций. Я глубоко вдохнула. – Ты избежал расправы. Единственный, кто смог.

– Я бы так не сказал, – пробормотал он, склонив голову.

Брат Коун сел на край гамака. Веревки закрипели, и этот звук разрушил чары. После того как сэр Барамон поднял глаза, чтобы посмотреть, откуда раздался шум, он повернулся ко мне с суровым выражением на лице:

– Чего ты хочешь?

– Одолжения, – объяснила я. – Я собираюсь на сегодня взять на себя твою роль Черного Рыцаря.

Сэр Барамон удивленно расхохотался, но выражение его лица посерьезнело, стоило ему понять, что я не шучу.

– Ты что?.. Что?.. Ты не... – Он откашлялся и начал все сначала: – Мы разного размера, мой граф.

– Ты разного размера и с носорогом, – сказала Дорна, – но это не мешает тебе пытаться выдать себя за одного из них.

– Дорна, – упрекнула ее я, – прекрати. – Я повернулась к рыцарю: – Справедливости ради, доспехи немного, гм, маловаты для тебя. Они и не должны идеально на мне сидеть. У меня есть кольчужная рубашка из шанаты, которую я надену под них. – Я распахнула плащ салли, обнажив под ним синюю кольчугу.

Сэр Барамон уставился на металл. Его взгляд не был похотливым – он не бегал за моим полом, – в нем скорее было потрясение от того, что он узнал.

– Это кольчуга твоего деда.

– Это *была* кольчуга моего деда.

Выражение его лица омрачилось.

– Мне жаль. Как он умер?

– У него не выдержало сердце. – Я изо всех сил старалась сохранить спокойное выражение лица. То, что он умер во сне, не означало, что мои раны зажили. У меня не было времени горевать.

– Я сочувствую твоему горю. Он был хорошим человеком.

– Спасибо. – Я взяла оставленный на столе шлем, разглядывая окрашенный в черное металл. Большая часть основных элементов брони, используемых в турнирных боях, настолько же прочна, как и любая броня, которую солдаты могут носить на поле боя. Турниры не лишены риска, даже если поединки непохожи на демонстрацию, устроенную капитаном Дедрю. Сэр Барамон, возможно, и был пьяницей на последнем издыхании, но он не отказался от своей тренировки; шлем был в хорошем состоянии и весьма практичен. Это могло сослужить хорошую службу.

Я поставила его обратно на стол.

– Как ты думаешь, Таларас позволит мне поехать на нем? Я бы выехала на Арасгоне, но кто-нибудь может заметить, что он не тот же огнекровка.

– Арасгон здесь? – Он вздохнул и ущипнул себя за переносицу. – Глупый вопрос. Он никогда не отходит от тебя.

– Однажды он это сделал.

Сэр Барамон не клюнул на наживку. Он взял свою бутылку вина и загнал в нее пробку.

– Почему ты хочешь изображать Черного Рыцаря? Там такая уродливая толпа. И учитывая то, как проходит этот турнир, время лучше потратить на то, чтобы уйти, пока есть такая возможность.

– Это вопрос идорры. Кроме того, если я этого не сделаю, тебе придется второй раз столкнуться с выбором, который ты сделал в кантоне Лонеж.

Лицо Дорны посерело:

– Что?!

Вскочив, сэр Барамон вцепился в шлем, и я поспешно выпустила его, чтоб не драться с ним.

– Что за глупости? Не стоит пытаться пугать людей историями о привидениях.

– О, не притворяйся скептиком. Как часто ты слышал, как новый барон Барсины утверждает, что его знамя наводнено колдунами и вызванными ими демонами? – Я скрестила руки на груди. – Как ты думаешь, с чего начинается Адский Марш?

– Его болтовня о колдовстве – параноидальный бред ребенка, оплакивающего смерть своего отца.

– О нет, – прищурившись, сказала я. – Все гораздо хуже. – Признаюсь, я надеялась, что мне будет легче убедить в этом сэра Барамона. Полагаю, я надеялась, что он ухватится за шанс вернуть свою честь. Но...

Демоны. Могу ли я винить его за то, что он дрогнул?

Это означало, что мне придется играть в более сложную игру.

– Не заставляй меня самой брать то, что мне нужно, рыцарь. Я не откажусь от своей цели.

– Ты просто маленькая девочка, – упрекнул меня сэр Барамон. – Маленькая девочка, которой нужно идти домой.

– Ты бросил мою мать умирать.

Он вздрогнул:

– Эти слова здесь неуместны.

– Если бы мой отец был жив, он бы не согласился. Мой дедушка – тоже. Ты подвел Тераонов. Когда ты был нам нужен, ты бросил нас, думая лишь о себе...

– Нет! – Глаза сэра Барамона стали влажными. – Это неправда! Френа приказала мне уйти! Твоя мать умоляла меня забрать тебя и доставить в безопасное место. Она сказала, что этого потребовали боги. Демонам нельзя было позволить заполучить тебя ни при каких обстоятельствах. Ты была надеждой всего мира. Я... – Его голос оборвался, и он сдавленно зарыдал.

Дорна с непроницаемым выражением лица протянула мужчине носовой платок и похлопала его по плечу.

Я пораженно заморгала и отступила назад, не в силах сказать больше ни слова. Моя мать приказала Барамону отвести меня в безопасное место? Если это правда, то она откуда-то знала, что бороться с демонами безнадежно. Она никогда бы не отправила меня за стены замка, если бы думала, что мы отразим нападение демонов. И это означало что-то ужасающее...

Понимаешь, я многие годы боролась с чувством вины, что то, что меня пленили демоны, что мною обладала Ксалторат, не было простым совпадением. Что Ксалторат *искала* меня, вместо того чтобы выбрать наугад любую девочку. Я знаю, знаю – мы все хотим думать, что мы особенные. Но «особенность» такого рода раз за разом вызывала кошмары, стоило мне лишь уснуть. Мысль, что половина Джората и Маракора, вместе взятых, пала в Адском Марше лишь из-за того, демоны искали одну-единственную девочку, была столь ужасна, сколь и высокомерна. И ушла она только тогда, когда Ксалторат решила, что она наигралась.

Видишь ли, я не сбежала от демонов. Совсем нет.

Но позволить сейчас себе отвлекаться я не могла.

– Теперь твоя помощь нужна мне, – сказала я. – Ты был лучшим рыцарем моего дедушки, а теперь? Ты последний рыцарь моего дедушки. Мне нужна твоя помощь. Я призываю тебя вернуться, чтобы служить Дому Терафона. Я призываю тебя вернуть твои долги.

Он вытер глаза платком и нахмурился:

– Я служу... – Я покачала головой:

– Нет. Ты не служишь. Уже нет. Тамин недостоин тебя. Теперь ты мой человек, как и всегда должен был быть.

Его челюсти сжались, и прежде, чем я начала сомневаться, не допустила ли я ошибку, он уставился на меня.

Сэр Барамон протянул мне шлем:

– Ремень немного ослаб.

Дорна перехватила его:

– Ну, мы об этом позаботимся.

9: Соревнование

Провинция Джорат, Куурская империя.

Через два дня после начала правления Гадрита Де Лора

Когда Джанель прервала рассказ и жестом попросила брата Коуна продолжить, Кирин вначале ничего не сказал. Лишь закусил на мгновение губу.

– Знаешь, мне неприятно это говорить, но я думаю... Я думаю, что ты права. Я думаю, что Ксалторат искал тебя. Именно тебя. Точно так же, как, я думаю, что он... она... искала меня в Столице. Это *было* сделано намеренно.

– Хотя это печальная мысль, я согласен, – сказал брат Коун.

Джанель кивнула, сглотнув комок в горле:

– Теперь я это знаю. И ненавижу. Я ненавижу каждой частицей своей души мысль, что люди умерли только потому, что я существую. Это так бессмысленно. Я действительно чувствую себя виноватой. – Она вскинула руку: – Я знаю, что это не моя вина, но я ничего не могу поделать со своими чувствами.

Кирин встретился взглядом с Джанель:

– Один мой хороший друг сказал мне, что мы добровольно вызвались на это. Все четверо. Мы добровольно вызвались вернуться из Загробного Мира и помочь сражаться на войне. Я думаю, что ты одна из нас.

– Дай угадаю – меня звали Элана.

Кирин заморгал, удивленно глядя на нее:

– Что? Почему ты думаешь...

– Когда мы встретились в Загробном Мире, ты называл меня Эланой. – Она сделала паузу. – Неоднократно.

– Ох. Странно. Я не знаю никакой Эланы. Проклятье, единственный раз, когда я слышал это имя... – Он нахмурился. – Хм.

Джанель ждала продолжения, подняв брови.

– Мне говорили, что в моей прошлой жизни женщина по имени Элана спасла меня от кое-чего... э-э... ужасного. Честно говоря, без ее помощи я бы здесь не сидел.

– О? – Джанель оперлась подбородком о костяшки пальцев. – И как же ты планируешь ее отблагодарить?

На мгновение Кирина показалось, что она говорит об Атрине, но потом он понял, что на самом деле это не так. Он медленно улыбнулся:

– У меня есть несколько идей.

– Не могу дождаться, чтобы их услышать.

Брат Коун прочистил горло.

Кирин вздрогнул. Он все время забывал, что жрец все еще сидит за этим же столом.

Джанель выглядела слегка смущенной:

– Есть еще что-нибудь, о чем я должна знать?

Кирин одарил ее кислой улыбкой:

– Есть пророчество.

Она закатила глаза и засмеялась, глядя в потолок:

– О боги!

– По большей части – именно они. Поэтому я думаю, что у Ксалтората – поскольку он демон – были причины искать нас. Точнее, отслеживать.

– Но тогда почему она не убила нас? – спросила Джанель. – Это не имеет никакого смысла!⁴⁷

– Думаю, для того, чтобы понять, имеет ли это смысл или нет, нам придется понять самого Ксалтората.

– Удачи тебе с этим, – сказала Джанель.

– Демоны хотят жить, – наконец заговорил брат Коун. – Чего хочет каждый из живущих? Он хочет выжить. Вопрос, который мы должны задать себе: могут ли они выжить *только* за *наш* счет? Это игра Зайбура, где может победить только один игрок, или это «вороны и голуби»?

Кирин и Джанель переглянулись.

– Э-э... – протянул Кирин. – «Вороны и голуби»? Я такой игры не знаю.

– О, – брат Коун явно смутился. – Я в детстве играл в нее в Эамитоне. Это детская игра, в которой возможно одержать несколько совместных побед, и на самом деле лучше всего, если выиграют все игроки.

Кирин скорчил гримасу:

– Эамитон – это очень мило. Не так ли? Я собирался открыть там бар для своего отца. – Вздохнув, он уставился на свой стакан и жестом попросил бармена налить еще, а затем повернулся к Коуну: – Теперь твоя очередь рассказывать.

Рассказ брата Коуна.

Турнирные площадки в Мерейне, Знамя Барсина, Джсорат, Куур

В ходе подготовки был составлен план – что в случае с братом Коуном и Дорной означало, что они должны найти места на турнире. В итоге это оказалось более сложным делом, чем ожидал Коун. В то время как трибуны были почти пустыми, посетители толпились перед ними. Множество зрителей собрались вместе, чтобы вполголоса обсудить странные события сегодняшнего дня, а также то, кто еще может быть убит и насколько они должны быть расстроены этим.

– Как ты думаешь, сколько времени потребуется сэру Барамону, чтобы сломать свою палатку? – прошептал брат Коун Дорне, наклонившись к ней. Если, вернее, *когда* что-то пойдет не так, время будет очень дорого. Кому-то нужно было бы увести Нинавис – а это само по себе опасное предприятие, – поэтому Коун хотел, чтобы все остальное было подготовлено наилучшим образом.

Дорна задумчиво разглядывала кожаный кошелек с гравировкой, который держала в руках.

– О чем ты? – Она спрятала кошель под юбку.

– Как ты думаешь, сколько времени потребуется сэру Барамону, чтобы сломать свою палатку? – повторил он.

– Они называются азоками, – фыркнула Дорна.

– Какая разница!

– Ну, если ты собираешься изучать наши обычаи, жрец, тебе лучше начать с важных слов, тебе не кажется? – Подмигнув ему, старуха вновь уставилась на турнир.

Дорна наклонилась и потянула за рукав женщину, сидевшую в ложе. На рукавах у нее был вышит квадратный герб купеческой семьи, а на коленях лежали пяльцы.

– Доброе утро, кобыла, – сказала Дорна. – Кто этот рыцарь в синих и желтых цветах? – Она указала на поле, где виднелись двое приближающихся рыцарей.

⁴⁷ О, чепуха. Конечно же, в этом есть смысл! Никто никогда не уничтожает инструмент, который все еще может оказаться полезным. Мы не единственные, кто играет в эту забавную игру «именно я должен контролировать пророчество». Давайте посмотрим правде в глаза – *все и каждый* хотят сделать этих четверых своими марионетками.

Женщина смерила Дорну взглядом, убедилась, что она не одета в цвета какой-нибудь команды, и лишь потом снизошла до ответа:

– Гозен. Работает на семью Сифен. – Она шмыгнула носом. – Они фермеры, выращивают манго.

– О-о-о, – протянула Дорна. – И насколько этот рыцарь хорош?

На этот раз женщина фыркнула и вновь взялась за свою вышивку.

– Подожди, мой кошелек! Где мой кошелек?!

Дорна проигнорировала обвиняющий взгляд брата Коуна.

– Может, ты его уронила? Когда ты видела его в последний раз? Ты что-нибудь покупала? Может быть, оставила его там?

Женщина бросила на Дорну испуганный взгляд, схватила свою сумку с вышивкой и поспешила прочь. Дорна заняла ее место и жестом пригласила жреца Вишай присоединиться.

– Дорна!

Она притянула его к себе:

– Не поднимай шума, иначе люди обратят внимание.

– Но ты... ты... – Брат Коун почти показывал на нее пальцем. – Это место тебе не принадлежит. Как и этот кошелек.

– Мы сохраним это место для Ее Высочества, если она вернется. Ты сам на это согласился! – Дорна сделала глоток слабого, купленного ею ранее чая, скорчила гримасу и отставила его в сторону, забрав сидр, который оставила купчиха. – Так-то лучше. А теперь замолчи. Гозен выходит на поле, я его просто обожаю!

– Минуту назад ты и знать не знала о Гозене.

– Не говори глупостей, жрец. Гозен работает на семью Сифен. Они выращивают манго.

Она вновь повернулась к полю.

– Ты ужасный человек, – пробормотал брат Коун.

Кажется, старуха приняла это за похвалу.

На площадку выехали два рыцаря. Тот, что был одет в желтое и синее, Гозен, выглядел так, как будто буквально только что приобрел основной стартовый комплект рыцаря. То ли новичок, то ли попросту неудачник, еще не обзаведшийся полной броней и защитой для своего коня, он вышел против рыцаря в полных красных доспехах, который был явно старше его. Судя по цветам и знаменам соперника, тот был из Красных Копий – компании наемников, продающих свой меч тому, кто больше заплатит.

Два рыцаря вышли во двор и сделали обычный первый круг по полю, сопровождая свой путь ругательствами. Брат Коун увидел, как граф Джанель, или, точнее, Черный Рыцарь, вошел на территорию.

Никто этого не заметил. На Черного Рыцаря не обращали никакого внимания раньше, не обратили и сейчас, ведь он по-прежнему носил черные доспехи и ездил на вороной огнекровке, поцелованной пламенем. Брату Коуну казалось, что любой мог бы понять, что это другой рыцарь. Да, он ехал на черной огнекровке, поцелованной пламенем, но поскольку Таларас не позволил Джанель выехать на нем, это была не *та же* вороная огнекровка, поцелованная пламенем. Тигриные полосы на ногах легко его выдавали, а доспехи Черного Рыцаря внезапно оказались слишком большими, сидящими на чересчур стройном теле.

Никто по-прежнему не обращал на это никакого внимания.

Все внимание сосредоточилось на двух мужчинах, стоявших перед стражем и столом, на котором разместилось восемь не похожих друг на друга статуэток⁴⁸.

⁴⁸ Существует восемь соревнований, каждое из которых может проходить в двух формах, так что в общей сложности существует шестнадцать различных стилей сражения, вот почему у вашей богатой джоратской знати есть конюшня атлетов, специализирующихся в определенных областях.

Годзен наклонился в седле и взял маленькую статуэтку беременной женщины, сидящей, скрестив ноги, на спине черепахи, – Галава, Мать, а затем поднял статуэтку как можно выше, чтобы толпы на трибунах могли увидеть его выбор.

– А, – сказала Дорна, жуя свернутый лист пори, – еще одна вещь, которую Коун не видел, чтоб она покупала. – Четвертое Соревнование. Интересный выбор.

– Какое Четвертое Соревнование?

– Ш-ш-ш. Оно начинается.

Жрец стиснул зубы, обратив внимание на сражающихся и их соревнование – что бы это ни означало. Красное Копье подъехал к столу, ожидая, когда подбегут оруженосцы с веревками. Их было два вида: маленькие тонкие веревки, которые можно использовать для связывания узлов, и одна большая веревка толщиной с запястье крепкого мужчины. Поскольку именно Гозен выбрал соревнование, Красное Копье теперь имел право выбирать, какое «оружие» они будут использовать.

Красное Копье наклонился, коснулся веревки поменьше, помолчал, а затем, передумав, поднял толстую веревку.

Толпа разразилась ликующими криками и протестующим свистом – в зависимости от предпочтений и от того, на кого они поставили металл.

Граф подъехал к Гозену как раз в тот момент, когда тот поднял другой конец веревки. По толпе прокатился ропот; группа, окружавшая их, встала. Брат Коун поймал себя на том, что чувствует себя одновременно виноватым и благодарным Дорне за то, что она нашла им такое удобное местечко.

Затем Черный Рыцарь выдернул веревку из руки Гозена и жестом велел молодому рыцарю отойти в сторону. Джанель не должна была сражаться в этом бою. Но она собиралась.

– Она имеет на это право? – прошептал Дорне брат Коун.

– Да, – ответила Дорна. – Честно говоря, Черному Рыцарю позволено не так уж много. И наименьшее, что он может сделать, – стать на одну из сторон. Если она победит, это будет ее победа, но это все равно будет иметь значение для семьи Сифен.

– А если она проиграет?

Кобыла Дорна хлопнула его по груди:

– Закрой свой рот, жрец. Мой граф не может проиграть.

Черный Рыцарь выехал на середину поля. Красное Копье поскакал за ним, держа другой конец веревки, так что оба рыцаря могли ехать рядом, на расстоянии нескольких ростов друг от друга.

– Они?.. – Нахмурившись, брат Коун наклонился вперед: – Это ведь детская игра!

– Ну да, правила достаточно просты. Каждый всадник держит один конец веревки, стараясь его не выпустить. Тот, кто это сделает, проигрывает. А тот, кого стащат с лошади, обязательно ее отпустит.

– Но ведь это единственное соревнование ничего не решит?

Дорна оглянулась на него:

– Я думаю, что это решит, какую цену семья Сифен поставит за свои манго.

– Что? Но... – брат Коун указал подбородком на клетку с пленниками, – я имел в виду их.

Дорна изучала клетки с угрюмым выражением лица. Она огляделась по сторонам на случай, если кто-нибудь их подслушивал.

– Проблема с ними в том, что...

Толпа взревела.

Дорна прервалась, не договорив, и вскочила на ноги. Брат Коун вытянул шею, чтобы посмотреть, что произошло на ринге, пока он отвлекся.

Матч закончился. Упавший на землю Красное Копье пытался встать. Его лошадь стояла неподалеку, рыла копытом землю и выглядела удивленной. Судья побежал, чтобы обсудить все

со стражем, или, скорее, с сиделкой стража, но результат, казалось, был ясен. Судьи подняли флаг семьи Сифен – квадратную метку торговой группы на сине-желтом поле.

Она победила.

Дорна хлопнула Коуна по плечу:

– Я же тебе говорила.

Граф Джанель, или, скорее, Черный Рыцарь, теперь привлекла всеобщее внимание.

Арасгон проскакал обратно в центр, повернувшись к ложе, где сидел барон. Капитан Дедрю развалился в кресле неподалеку от ложи, наслаждаясь напитком и задержавшись там на случай, если кто-нибудь по глупости попытается посоревноваться с ним.

Барон уже поднял руку и наклонился вперед, чтобы отдать какой-то приказ или вынести приговор, когда вдалеке раздался крик. Люди встревоженно начали указывать на что-то.

Коун огляделся, пытаясь понять, что происходит. Из толпы раздались удивленные и встревоженные крики.

Наконец жрец понял, что люди указывают назад, на замок, из-за стен которого шел густой черный дым.

Что-то горело внутри замка Мерейна.

Дорна и брат Коун переглянулись.

– Ты же не думаешь?.. – Дорна обеспокоенно прикусила нижнюю губу.

– Нинавис, – согласился он.

Брат Коун не знал, что могло случиться, но он наложил шину и подлечил ей ногу. Сколько вреда она могла бы причинить...

Да. Это точно была она. Возможно, вместе с Кэлазаном, но он нутром чуял, что она *приложила к этому руку*.

Барон Тамин приказал солдатам вернуться в замок, и, судя по его жестике, он был в ярости. Брату Коуну не надо было стоять рядом, чтобы понять это.

Возможно, жрец сам это придумал, но ему показалось, что он слышал, как по ветру плывет имя *Кэлазан*.

Сам Тамин не ушел. Вместо этого он вернулся на свое место, бросая сердитые хмурые взгляды на крепость.

Пока барон разбирался с новой проблемой, граф Джанель выхватила меч и направила его на Дедрю. Арасгон выкрикнул что-то, привлекая всеобщее внимание к этому вызову.

Дорна присвистнула:

– О, а я думала, как же она собирается справиться с этим, не пробиваясь с боем через толпу рыцарей. Этот вариант действительно лучше.

Барон Тамин подошел к краю ложи. Хотя Брат Коун и не мог расслышать слов барона, его испуг и замешательство были очевидны. Тамин, должно быть, понял, что это не *его* Черный Рыцарь, не сэр Барамон. Он, вероятно, тоже узнал огнекровку – и тогда он должен был понять, кто сейчас носит доспехи.

Толпа хлынула вперед, дикая и кричащая. Турнир превратился в нечто совершенно неожиданное, пробудив воображение людей. Тамин поднял руку, ожидая, пока все утихнет, и жестом велел Черному Рыцарю покинуть поле боя.

Арасгон переступил с ноги на ногу и важно шагнул вперед. Граф Джанель снова указала мечом на Дедрю.

Брат Коун видел, как барон наклонился и выслушал что-то, что ему сказала сиделка стража, видел, как Тамин отрицательно покачал головой, а затем жестом приказал солдатам, которые еще не ушли в замок, убрать Черного Рыцаря с поля боя. Но стоило ему сделать это – толпа на трибунах, затопав ногами, закричала:

– *Черный Рыцарь! Черный Рыцарь! Черный Рыцарь!*

Толпа ожила, скандируя эти слова в унисон.

Брат Коун понял, что он и не догадывался, какую роль на самом деле Черный Рыцарь играл на этих турнирах и заодно – в джоратском обществе.

Да, это шут. Сидящий на лошади безумец, развлекающий толпу во время перерывов в шоу. Но если, глядя на этого человека, ты видишь лишь шарлатана, то ты упускаешь весь смысл.

Черный Рыцарь, может быть, и был безумцем, но этот безумец служил богам. Черный рыцарь был святым идиотом, шутливой рукой удачи, озорным вестником божественной судьбы.

Люди знамени Барсина ненавидели Дедрю. И теперь Черный Рыцарь вызывал его на бой. Из этого не могло ничего выйти. Несомненно, это была лишь попытка барона разрядить утренние зверства. Это не могло быть правосудием Восьми. Это была просто шутка, розыгрыш и ничего больше.

Но что, если?

Что, если?

Барон кисло посмотрел на толпу и кивнул туда, где сидел Дедрю. Капитан охраны осушил бокал и встал. Он подозвал коня и вскочил в седло, направляя жеребца по кругу.

– Кто смеет думать, что может победить меня? – крикнул он. – Думаешь, я боюсь неизвестного? Что я буду дрожать в темноте? *Я сам – тьма! Я – тот неизвестный, которого боятся все люди!* Я разорву самозванца на куски! – Вытащив меч, он взмахнул им в воздухе. И, продолжая кружить по двору, он подробно описывал все те способы, которыми он превратит в пыль бедного дурака, достаточно глупого, чтобы бросить ему вызов.

Бахвальство Дедрю не казалось чем-то необычным. По причинам, не поддающимся пониманию брата Коуна, каждый рыцарь на турнире позволял себе этот петушиный парад оскорблений. Возможно, они делали это, чтобы запугать своих противников, дать толпе возможность сделать ставки или произвести впечатление на своих преданных поклонников. Некоторые традиции складываются из таких пустяков.

Черный Рыцарь ждал на ринге. Он не издал ни звука.

К турнирному столу Арасгон подошел с высоко поднятыми головой и хвостом.

Ни Рыцарь, ни Дедрю не двинулись, чтобы взять статуэтку.

Разумеется. Ведь выбирает тот, чья идорра ниже, а признаться в этом не мог ни тот, ни другой.

– Мы в знамени моего господина, – прорычал Дедрю. – Ты выбираешь первым.

Вначале Джанель не ответила. Затем она склонила голову – столь низко, как могла кивнуть, надев шлем, – и протянула руку в черной перчатке, подняв статуэтку выпрямившегося человека с крыльями и головой орла: Хоред Разрушитель. Брат Коун не был уверен, что означало это состязание, но, учитывая выбор бога, вероятно, стоило предположить, что оно будет жестоким.

Граф подняла статуэтку над головой, давая толпе возможность разглядеть свой выбор. Все, как один, одобрительно взревели.

Вместо того чтобы выбрать вариант боя, Дедрю немедленно атаковал ее⁴⁹.

Соскочив с лошади, Дедрю набросился на графа Джанель с такой силой и яростью, что брат Коун не подумал бы, что это возможно, если бы не видел этого собственными глазами. Дедрю двигался столь быстро, что даже Арасгон, должно быть, был застигнут врасплох; прежде чем огнекровка успел хоть что-то предпринять, граф Джанель с глухим стуком рухнула на землю.

Толпа за спиной кобылы Дорны и брата Коуна наседала все сильнее, так что вскоре жрец оказался прижатым к забору. Зрители, казалось, понимали, что они стали свидетелями чего-то

⁴⁹ Не то чтобы его действительно заботили правила или что-то типа того.

необычайного, чего-то, чего они, возможно, никогда больше не увидят. Черный Рыцарь всегда был фальшивым рыцарем, рыцарем на бумаге: в лучшем случае – символом, а в худшем – грубым пасквилем. Но этот Черный Рыцарь вел себя иначе.

С другой стороны, если Черный Рыцарь воплощал божественную тайну, возможно, это изменение и соответствовало его роли.

Барон Тамин стоял неподвижно, опершись на край своей ложи. Белокожая сиделка стража тоже вышла вперед, вцепившись в деревянные перила и наблюдая за матчем. И, кажется, ни ее, ни его увиденное не радовало.

Два рыцаря покатались по грязи. Оба так же быстро встали. Если предполагалось, что пластинчатая броня сделает их движения неуклюжими или затрудненными, то, похоже, им забыли об этом сказать. Обоих рыцарей объединяла животная грация.

Дорна нервно схватила брата Коуна за аголе, комкая ткань в кулаке. Жрец чувствовал то же самое.

Дедрю обнажил меч, а Арасгон подошел к Джанель, чтобы она могла вытащить клинок, все еще прикрепленный к седлу. Граф едва успела выхватить оружие, прежде чем Дедрю обрушил на нее град ударов, и она отступила назад, почти прижавшись к трибунам.

Дедрю замахнулся на нее; Джанель пригнулась под ударом. Но Дедрю с такой силой взмахнул мечом, что тот вонзился в деревянную ограду, и капитан прикрыл руку щитом, чтобы выиграть секунды, необходимые для того, чтобы вытащить оружие. Меч Джанель скользнул по его бедру там, где кольчуга была более тонкой. Пролилась кровь.

Брат Коун сказал себе, что эта битва не должна быть смертельной. В конце концов, ей нужно было только смутить Дедрю, заставить его признать ее превосходство, поклониться ее идорре.

Дедрю взревел от ярости, и брат Коун понял, как же он был наивен. Дедрю высвободил меч и снова замахнулся на врага. Джанель приняла удар на щит, а сама бросилась вперед, норовя воспользоваться открывшимся преимуществом.

Брат Коун подумал, что Джанель быстрее использует возможности, не говоря уже о том, что она быстрее передвигается. Дедрю оказался неуклюжим зверем на поле боя, полным ярости и не имеющим никакой стратегии. Против врага, равного ему по силе, этого было недостаточно.

Дедрю нанес еще один мощный, рубящий удар. Граф Джанель отскочила, ударив щитом по его щиту, и с силой опустила меч ему на локоть. От его кольчуги оторвалась полоска, крошечные кольца посыпались на песок, подобно тому, как богач опустошает кошелек в руки нищего.

Граф Толамер рассмеялась.

Разъяренный Дедрю рванулся вперед, и Джанель отскочила на шаг. Брат Коун вдруг с удивлением понял, что она копирует стратегию Нинавис: подстрекает врага к атаке за атакой, нападая, когда он открывался для атаки и ослабевал. Затем она споткнулась, и он взревел от удовольствия.

Это была ловушка.

Ее меч вновь нашел слабое место, то самое, где она ранее повредила его доспехи. Меч погрузился глубоко, разрезая на этот раз сталь и кожу, посылая искры в песок и распространяя в воздухе запах горящего металла. Ее лезвие прошло через кожу, мускулы и кости.

Меч Дедрю упал на взрытую соперниками землю, а секундой позже за ним последовала и его рука.

Толпа разразилась оглушительным ревом.

Брат Коун почувствовал, как сработал инстинкт, неподвластный его контролю или обуздываемому желанию. Вырвав свой аголе из рук Дорны, он перепрыгнул низкое ограждение. Если он сможет добраться до Дедрю достаточно быстро, прежде чем его убьет потеря крови, брат Коун, возможно, сможет спасти ему жизнь.

Но толпа затихла.

Толпа затихла, и Дедрю не упал.

Вместо этого он стоял и с какой-то странной нежностью смотрел на Джанель. А потом он засмеялся, и от его хохота кожа на руках Коуна покрылась мурашками. Ни один человек не мог издавать такого звука.

Кровь, капавшая с отрубленной руки Дедрю, не была красной. Она была черной – густой черной жижей старой свернувшейся крови, сочащейся из трупа.

Из очень старого трупа.

Дедрю до сих пор не упал, потому что он уже был мертв.

Он был мертв все это время, оживленный вселившимся в него демоническим духом. Такому духу было бы все равно, что он требовал от тела больше, чем то было возможно. Такому духу было бы все равно, что это тело получало травмы. Такую беспечность легко принять за сверхъестественную силу. И легко спутать с тем же проклятием, которое придало графу ее адскую силу.

Они совершили ужасную ошибку.

АХ, Я ЗНАЛ, ЧТО ЭТО БЫЛО СЛИШКОМ ХОРОШО ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ДЛИТЬСЯ ДОЛГО.

Из горла Дедрю не вырывалось ни звука. Он не использовал ничего настолько прозаичного, как голос.

Каждый человек в толпе, включая брата Коуна, чувствовал, как демон кричит эти слова ему прямо в голову.

– О, Селанол, – сказал брат Коун, не заботясь о том, что кто-то может его услышать. – Он не Дедрю. Он совсем не Дедрю. – Брат Коун перегнулся через перила и схватил Дорну за плечо. – Дедрю не запятнан демонами. Его телом овладели. Ты слышишь меня? Он и *есть* демон.

Брат Коун не думал, что Дорна его слышит. Старуха стряхнула его руку и что-то пробормотала себе под нос, ее внимание было сосредоточено лишь на Джанель и демоне.

Я ЧУТЬ НЕ ЗАБЫЛ. ЧТО ТЫ СКАЗАЛА, ТЫ МНЕ СДЕЛАЕШЬ, МАЛЫШКА?

Дедрю ухмыльнулся. Он уронил щит и положил пальцы оставшейся руки себе в рот.

А затем резко дернул вниз. Кости и мышцы лопнули с тошнотворным хрустом.

Дедрю оторвал себе челюсть⁵⁰.

Люди кричали, падали в обморок, разбегались.

МНЕ ЭТО БОЛЬШЕ НЕ ПОНАДОБИТСЯ.

Воздух заполнили хлопающие звуки – это ремни, удерживающие его броню на месте, лопались под давлением его расширяющегося объема. Из трещин в плоти сочилась густая черная кровь. Отрубленная рука начала восстанавливаться, деформированная, похожая на опухоль, плоть у самого плеча была светлой, становясь постепенно темно-синей на кончиках пальцев, заканчивающихся острыми черными когтями.

– Касмодей, я полагаю? Неужели ты думал, что это меня напугает? Потому что следующее, что я собираюсь сделать, это оторвать тебе голову полностью и...

ТЫ ЗНАЕШЬ МЕНЯ?

– О, я знаю твоё имя. Мы не встречались, но ты ведь знаешь, демоны такие сплетники! Он облизал скулы длинным языком.

Я БУДУ НАСЛАЖДАТЬСЯ ТВОЕЙ ДУШОЙ.

– Ты такой льстец! – Граф рассмеялась и подняла щит. – Но если хочешь произвести на меня впечатление, тебе понадобится что-то большее, чем сладкие слова!

Взревев, он прыгнул на нее, и они покатались по земле. Воздух распорол ужасный рык.

⁵⁰ Демоны столь мелодраматичны!

Толпа запаниковала. Большая часть зрителей не знала, следует ли им бежать или, может, стоит пододвинуться поближе, чтобы получше рассмотреть происходящее. И никто не пришел на помощь графу.

Брат Коун задумался, что же он может предпринять, чем помочь.

Она назвала имя демона. Отец Зайхера когда-то требовал, чтобы брат Коун запомнил все их имена и качества – и сейчас их следовало вспомнить.

Касмодей. Демон среднего уровня, связанный с жестокостью и отчаянием тех, кто так голодал зимой, что обратился к каннибализму. Предпочитал использовать мужскую форму и любил жертвы, приносимые ему во время огненных подношений. К его слабостям относились талая вода от первого снега и чистая вода, благословленная святыми людьми.

Чистая вода...

На трибунах не было воды. Сливовое вино, зеленый чай или пиво с перечной мятой – все, что угодно, кроме чистой воды. Перегнувшись через перила, брат схватил украденную Дорной флягу и побежал к поилкам для лошадей возле ложи знати.

Позади себя брат Коун слышал крики. Люди бежали, пытаясь спастись от рычащего смеха демона. Коун вылил сидр на бегу.

Барон Тамин жестами подзывал стражников, которые, казалось, совсем оглохли. Старый страж наклонился вперед и шокированно заморгал, привлеченный творящимся на турнире. Сиделка стража, которую Джанель описала как похожую на йорку, оперлась на перила ложи. Ее руки лежали на резном дереве, ее внимание было приковано к Дедрю и графу Джанель. Стоило брату Коуну увидеть ее, он понял, почему граф Джанель ошиблась в ее расе.

Она не только не была родом из Джората, но даже не была родом из Куура. Она была из долтарцев, расы, живущей далеко на юге от границ империи, расы, представителей которой обычно видели в Кууре только в качестве рабов.

Потрясенный рев толпы заставил брата Коуна споткнуться, и он оглянулся – лишь для того, чтобы увидеть, как фамильный меч Джанель, перекувыркнувшись в воздухе, описал ленивую дугу и вонзился всего в нескольких футах от прикрытых клеток, расположенных около кольев для казни.

Граф была безоружна.

Дедрю-Касмодей ухмыльнулся и изготавился нанести последний удар.

Арасгон рванулся вперед, но Джанель крикнула огнекровке, чтобы тот держался подальше, а сама, увернувшись от замаха Дедрю, побежала к кольям.

Брат Коун заставил себя сосредоточиться на текущей задаче. В любой другой провинции воде, налитой в лошадиные ясли, не стоило доверять, но джоратцы возвели заботу о лошадях в ранг религии. Вода, которую пили скакуны, была чище, чем та, что пили люди.

Вытащив из-под мантии медный солнечный медальон, брат Коун зашептал над корытом с водой молитву, а после увидел, как рабыня-долтарка вытащила из-под корсажа гладкую каменную табличку, которую она, должно быть, прятала у себя на груди, а затем достала из корзины крошечную серо-голубую бутылочку, а из белоснежных волос длинную тонкую шпильку.

«Нет, – подумал брат Коун, – не шпильку. Заостренную на конце кисть для каллиграфии».

Вновь раздался рев. Брат Коун попытался его игнорировать, но сохранять сосредоточенность, когда за твоей спиной чувствуется сильный жар, очень трудно.

Коун моргнул. *Жар?* Закончив освящать воду, он оглянулся. Граф Джанель выдернула из земли один столб, собираясь использовать его как молот, демон же...

Касмодей был охвачен огнем.

Демоны всегда были большими поклонниками огня. Они разжигают пламя, когда это только возможно: купаются в сиянии, поглощают тепло. Питаются огнем.

Попытаться сжечь призванного волшебником демона – ужасная идея, но сейчас все было по-другому: демон вселился в труп. Касмодею *нужен* был труп Дедрю. Ему нужна была эта связь с физическим миром. Уничтожение тела вполне может разорвать связь демона с физическим миром и отправить его обратно в Ад.

Но что могло поджечь его?

Эту загадку стоило оставить на потом. Коун зачерпнул полную флягу теперь уже освященной воды и пустился бежать.

– А, вот ты где⁵¹.

Брат Коун повернулся. Долтарка отвлеклась от драки ровно для того, чтобы вонзить острый конец своей каллиграфической кисти себе в ладонь, а затем смазала щетину кисти своей же кровью.

Она нарисовала у себя на лбу один-единственный символ. Тот же самый символ немедленно появился на лбу у каждого стражника.

Братом Коуном овладело ужасное предчувствие.

И пусть он относился к колдовству не так, как джоратцы, но он вполне мог определить, что перед ним произносится заклятье, когда видел это.

– Что ты творишь?! – закричал брат Коун. – Остановите ее! Остановите ее! Барон! *Вы должны остановить ее!*

Белокожая женщина посмотрела на него и улыбнулась.

И даже зима не была столь холодна, как ее улыбка.

В следующий миг она толкнула бутылочку. Та перевалилась через край перил и, издав тихий звон, не заметный в суматохе, бушевавшей на турнирной площадке, вдребезги разбилась о землю.

Из разбитой бутылки повалил густой синий дым, который вился вокруг лица долтарки, не касаясь его. Старому стражу, однако, повезло меньше. Дым хлынул ему в ноздри, попал в рот, и страж, хрипло закашлявшись, оттолкнул от себя щенка дола, который заскулил и защелкал зубами, ловя завитки дыма.

Долтарка подняла щенка, нарисовала у него на лбу ту же отметину и повернулась, чтобы уйти⁵².

– Сенера, что ты творишь?! – возмутился Тамин.

– То, что должна, – отрезала она. – Следуйте за мной, мальчики. Здесь мы закончили.

Солдаты, которые теоретически работали на барона, подчинились ее приказу.

Барон начал было протестовать, но дым все усиливался. Его завитки поползли вверх, ему в нос, и вниз – в рот. Дым окутал все.

За спиной брата Коуна раздался новый рев. Жрец обернулся и увидел Джанель, стоявшую над лежащим на земле обугленным телом Дедрю. Граф схватила Дедрю за волосы, резко дернула вверх: с шеи и позвоночника потекла черная кровь. Со стороны могло показаться, что она попросту оторвала мертвецу голову.

Вероятно, так оно и было.

Плоть горела очень быстро без всякого хвороста. Брат Коун не сомневался: Касмодею будет нечего оживлять.

Но у них самих было не так уж много времени.

Голубой дым поплыл и над братом Коуном.

⁵¹ К тому моменту меня так тошнило от Мерейны.

⁵² Разумеется, я спасла щенка. Я же не *монстр*.

10: Удушье Мерейны

Провинция Джорат, Куурская империя.

Через два дня после уничтожения газшей

Брат Коун закрыл дневник и отложил его в сторону.

Кирин терпеливо ждал.

Брат Коун взял чашку с чаем и сделал долгий, расслабленный глоток.

– Так что случилось дальше? – Кирин уставился на жреца. – Что произошло с дымом?

Брат Коун откашлялся:

– Я просто... э-э-э... Не могли бы вы чуть-чуть подождать? Продолжение меня слишком вымотает.

– Хочешь, я продолжу? – спросила Джанель.

Брат Коун вздохнул с явным облегчением.

– А вы можете?

– Конечно.

Рассказ Джанель.

Мерейна, Знамя Барсина, Джорат, Куур

Я часто сражаюсь с демонами, но в мире живых это приходится делать редко. Вероятно, не стоило признавать, что мне нравилось сражаться с Касмодеем? Я имею в виду, мы должны искать битвы только по необходимости. Жеребец обязан защищать свой табун, и потому получать слишком большое удовольствие от боя – это... ну... это, вероятно, смахивает на то, чтобы быть торра? Глупо признавать, что я могла бы наслаждаться, преследуя этого зверя, играя с ним, обманывая его, отрывая ему голову.

Вероятно, не стоило признавать, что я испытала глубокое разочарование от того, что, кроме Касмодея, никого не было? Что я не хотела останавливаться на его убийстве, что я хотела заняться следующим врагом, и следующим, и следующим – и до бесконечности!

Несмотря на то что я знала, что изгнание Касмодея – лишь временная мера, и на мою уверенность, что ни один здравомыслящий человек не может наслаждаться подобным варварством, я попросту не смогла удержаться от улыбки.

Да, признавать это совсем не стоило⁵³.

Забудь, что я это говорила.

Как бы то ни было, я помню, что услышала, как брат Коун выкрикнул мое имя. За то, что он выдал меня, его стоило выпороть! И я даже повернулась к нему... Но слова застряли в горле, когда я увидела, как из ложи барона валит синий дым, движущийся со скоростью сильного прогуливающегося мужчины. И это совсем не казалось естественным.

Ухаживавшая за стражем смертельно-бледная сиделка, находившаяся внутри ложи, подобрала свою корзинку для вышивания и щенка, а затем приказала солдатам Тамина следовать за ней. Самого Тамина я не видела.

Ни сиделку, ни солдат дым, казалось, не беспокоил – и у каждого из них на лбу был нанесен странный символ. Что бы он ни означал, раньше я его не видела.

Я увидела, как синий дым окутал одного из слуг, запустил струйки ему в нос и рот – и мужчина уронил поднос и, схватившись руками за горло, начал хватать ртом воздух.

Я резко повернулась к толпе:

– Бегите! – изо всех сил закричала я, но зрители уже мчались в укрытие. Я же поспешила к клеткам с бандитами и мятежниками.

⁵³ Мило. Но она ведь признала?

– Арасгон, помоги мне!

Он закричал в ответ, давая знать, что услышал меня.

Брат Коун, спотыкаясь, вынырнул из дыма. На лбу у жреца горел желтый символ, но в остальном было не похоже, что ему плохо. Увидев меня, он рванулся навстречу. Кончик его пальца *светился*.

Шлем. Он кричал:

– Шлем!

Крики вокруг меня изменились по высоте и тональности, смешавшись с кашлем, стонами от удушья и рыданиями. Судя по всему, с анонимностью пора было кончать, так что я стянула шлем с головы. Подбежавший брат Коун провел кончиком пальца по моему лбу. Воздух стал другим. Я больше не чувствовала запаха пепла или дыма, гнилостной вони несвежей крови, горящей плоти или теплого травяного запаха конского навоза. Теперь воздух пах чистотой и такой свежестью и резкостью, словно ты вернулся домой после целого дня, проведенного в горах.

– Быстрее! – выпалил брат Коун. – Мы должны пометить этой руной как можно больше людей.

– Где Дорна? – спросила я.

– Я здесь! Здесь! – Старая нянька выбежала к нам навстречу, спотыкаясь на взрытой, грязной земле. У нее на лбу уже был нанесен знак, хотя написан он был чем-то влажным и красным, слишком темным для того, чтобы быть свежей кровью.

– Это... это соус чили? – недоверчиво спросил брат Коун.

– Нет времени на выяснения, – сказала я. – Я освобожу остальных. Отметьте знаком Арасгона, а затем отряд Ни-навис.

Арасгон уже стащил парусину с клетки, так что показались Дубина, Кей Хара и Видан, которые закричали, привлекая мое внимание, но у меня не было на это времени. Так что я попросту сломала замок на двери клетки.

– Брат Коун сейчас нарисует знак у вас на лбу, – сказала я им. – Его благословение защитит вас от колдовства, – и перешла к следующей клетке. У меня не было времени на то, чтобы объяснять им то, что я и сама не знала. Что бы там ни сделал брат Коун и как бы это ни повлияло на наши души – все это будет совершенно неважным, если мы не выживем⁵⁴.

Я сорвала замок со второй клетки – той, в которой сидели Ган, дочь мельника, Джем Накиджан и Данго. Слышавшиеся в отдалении крики становились все громче. Я думала, что придется сражаться с солдатами барона Тамина, но этих солдат не интересовали турнирные трибуны или горожане, оказавшиеся там в ловушке. Пока все остальные пытались укрыться от ожившего ведьминоного дыма, солдаты попросту исчезли.

Стоявший рядом со мной Арасгон вскинул голову:

– Посмотри на замок!

Я проследила за его взглядом и почувствовала, как все внутри заледенело.

Синий дым разошелся уже во все стороны. Подполз к нам, приблизился к городу, занял ярмарочную площадь. И, подчиняясь влекущей его черной магии, он двигался против ветра, направляясь к замку Мерейна.

– Приди в себя! – Арасгон толкнул меня головой в плечо.

Я покачала головой и сделала знак Данго.

– Найди всех, кого сможешь. Дорна покажет тебе, какой знак нарисовать на лбу. – По крайней мере, я предполагала, что она сможет это сделать. Если бы это сотворил один лишь брат Коун, я бы заподозрила, что он противостоял дыму заклинанием, но у Дорны не было такой силы. Она каким-то образом сохранила себе жизнь, используя лишь приправы, а потому

⁵⁴ Мне кажется, если б они не выжили, это могло бы очень повлиять на их души.

она вполне могла сделать это снова. Конечно, возможно, для того, чтобы люди позволили незнакомой старой леди нарисовать что-то на их лицах острым соусом, Данго, возможно, придется их удерживать, но я была уверена, что он справится с этим.

Я вскочила на спину Арасгону и протянула руку брату – Коуну:

– Поехали. У нас мало времени, чтобы добраться до замка.

К его чести, он не отказался. Я всегда подозревала, что он создан из более твердого металла, чем притворяется.

Без могучей воли нельзя изгнать демона.

Я даже не столько подтягивала его к себе, сколько позволила ему опереться на мою руку. Арасгон чуть наклонился, чтобы брату Коуну было легче усесться в седло позади меня, – времени на то, чтобы учить, как правильно ездить на Арасгоне, у меня не было: на гигантской огнекровке не получится скакать так же, как на обычном коне.

– Держитесь! – закричал Арасгон.

И мы рванулись к замку, пытаясь обогнать облако дыма.

Несмотря на то что руны очищали воздух вокруг наших голов, синий дым скрывал все вокруг хуже любого самого плотного тумана.

– Если я споткнусь и сломаю ногу, – рявкнул Арасгон, – я найду тех, кто в этом виноват, и пооткусываю им языки!

– Я тебе разрешаю! – выкрикнула я.

– Что он сказал? – спросил брат Коун. Странно, что он вообще услышал Арасгона во время этой дикой скачки, да еще и через крики, раздававшиеся в городе.

– Он сказал, что он так несчастлив!

– О! Я тоже. Но не стоит разговаривать без необходимости!

Я повернулась в седле:

– Что? Почему?

– Не знаю, очищается ли весь воздух вокруг нас или у нас его ограниченный запас, как будто мы дышим в мешке⁵⁵.

Я инстинктивно сделала глубокий вдох, не в силах заставить себя прекратить. Уменьшился ли от этого воздушный пузырь вокруг меня? Не знаю.

Как бы то ни было, дальше, до самого замка, ни я, ни Арасгон не обмолвились ни словом.

Мы вырвались из дыма в ста футах от ворот. Синие щупальца вцепились в нас, как хищник, оплакивающий побег своей жертвы, но предстоящая битва вызывала не меньшее беспокойство. В замке царил совсем иной дым – густой и черный от тех пожаров, что горели в разных частях крепости: конюшнях, кладовых и даже в башне.

Саботаж. Я была готова сделать ставку, что это устроила Нинавис – если бы не знала, что Кэлазан все еще на свободе – и уж он-то прекрасно разбирался во всех служебных проходах в замке.

Судя по всему, стражники как раз пытались закрыть ворота замка, надеясь, что это убережет от клубящегося дыма, надвигающегося с ярмарочной площади, когда вместе с сэром Барамонем прискакали несколько рыцарей, надеющихся, что их пустят внутрь и внутри замка будет безопасно. Разгорелась стычка – и конец ей положил повисший у нас на хвосте колдовской дым. Сдерживающий двух солдат сэр Барамон еще сражался вдалеке, но с каждым шагом он выглядел все слабее. А вот другие солдаты...

– Джанель!

– Вижу! – ответила я.

Они поднимали мост.

От дыма это их бы не спасло, а мы бы оказались отрезаны.

⁵⁵ Будь это правдой, они бы задохнулись в считанные минуты... ну... Думаю, это и так понятно.

– Давай, Арасгон! – закричала я.

Мы рванулись вперед.

Мы прыгнули.

Я повернулась и схватила брата Коуна за аголе, но он столь плотно прижался ко мне, что мне показалось, будто я даже через броню почувствовала, как он впился в меня ногтями. Уже во время прыжка я увидела, как сэр Барамон воспользовался тем, что солдаты замерли, испуганно распахнув глаза, и, пронзив ногу одному солдату, выхватил у него меч и разрубил бедро второго. Возможно, сэр Барамон и прибавил в весе, но мастерства он не утратил.

Время едва двигалось, а мы навечно зависли в воздухе. Но затем секунды снова ускорились, Арасгон тяжело приземлился на деревянный настил с такой силой, что у меня даже кости задребезжали, а Коун удивленно вскрикнул.

Затем мы вновь помчались вперед. Солдаты разбежались в разные стороны, но среди них я не видела, чтобы хоть один был бы отмечен знаком на лбу. Эти бедные дураки только что пытались защитить себя деревом и камнем. И потерпели неудачу, потому что они понятия не имели, с чем столкнулись.

Так же, как и я. Но, по крайней мере, я знала чуть больше, чем они. Арасгон перешел на рысь, приветствуя своего брата Талараса.

– Позвольте моему человеку благословить вас, – приказала я сэру Барамону. – Это защитит вас, когда колдовской дым будет здесь.

– Он уже здесь, граф! – крикнул сэр Барамон.

И это была правда. То, что подъемный мост закрыли, дало нам несколько секунд, но синий дым сочился сквозь трещины и вползал по краям, подобно живому существу, ищущему теплую плоть и кровь.

Брат Коун наполовину упал, наполовину соскользнул со спины Арасгона и рванулся вперед, нанося руну на лоб сэру Барамону и Таларасу. Для окружающих это выглядело так, словно он провел по коже светящимся кончиком пальца, оставляя такие же светящиеся следы.

– Мы должны найти Нинавис! – крикнула я.

– У нее сломана нога, – ответил брат Коун. – Я сказал ей остаться в комнате и отдохнуть.

– Сомневаюсь, что она послушалась. – Арасгон указал носом на внутренний двор: – Кто-то ведь разжег огонь.

Я увидела, как на другой стороне из подвала выходят двое в плащах-салли с капюшонами – один поддерживал второго, причем второй хромал. И пусть лиц я их не видела, но зато прекрасно узнала вторую из лучших юбок Дорны для верховой езды.

– Нинавис! – закричала я. – Нинавис, подожди!

Хромающая фигура подняла глаза.

Нинавис колебалась. Кэлазан, по-прежнему обнимающий ее одной рукой, явно напрягся. Подозреваю, они оба подумали о том, насколько проще могла бы быть их жизнь, если бы они сейчас просто сбежали. Тем более что они пока что не знали о синем дыме и не понимали, какой ужас только что охватил знамя Барсину. Они не понимали, что между их свободой и мерзкой смертью стояла иноземная Кровь Джораса, которую они едва знали.

Нинавис откинула капюшон:

– Мои люди у тебя?

И в этот же момент Кэлазан спросил:

– Что с бароном Тамином? Ты убила его?

Я подбежала к ним, зная, что брат Коун следует за мной.

– Неважно, что с Тамином. Твои люди в безопасности. И, возможно, они единственные, кто в безопасности.

– Не поняла...

– Я должен нарисовать знак благословения у вас на лбу, – выдохнул догнавший нас брат Коун. – И быстро. Синий дым убивает любого, кто не отмечен этим знаком.

Нинавис глянула в сторону главных ворот поверх плеча Коуна и побледнела. Колдовской дым уже заполз внутрь и быстро распространялся. Испорченный проклятьем воздух уже нашел новых жертв, слышались стоны от удушья. По какой-то иронии судьбы, этот пар заглушил огонь, разожженный Кэлазаном, чтобы отвлечь внимание, пока он спасает Нинавис. Стоило колдовскому дыму ворваться внутрь и изменить воздух, пожары стихли.

– Что?..

– У нас нет времени, – отрезала я. – Опусть капюшон, мой Кэлазан. – Я использовала слово, которое не имела права использовать. *Мой Кэлазан, мой приверженец*. Я только что объявила его своим вассалом, приняв предложение, которое Кэлазан сделал мне накануне вечером, назвав меня своим графом.

Он глубоко вздохнул, но подчинился – возможно, лишь потому, что увидел, как дым через весь двор плывет к нам.

Брат Коун закончил рисовать глиф на лбу у Нинавис и перешел к Кэлазану.

Дым окутал нас. Кэлазан закрыл рот, закрыл глаза и зажал ноздри. Дым попытался обвить его, но брат Коун дорисовал линию, соединил последние точки, завершил глиф. Струйки дыма буквально отбросило назад, образовав вокруг головы Кэлазана пузырь из чистого воздуха.

– Найди как можно больше... – Я не успела закончить приказ, но брату Коуну это и не нужно было, он действовал инстинктивно. Он уже спешил к служанке, которая, широко распахнув глаза, лежала на земле, задыхаясь и хватая ртом воздух. Коун нарисовал символ у нее на лбу.

Но колдовской дым уже проник ей в легкие. Она умерла на наших глазах, а мы были не в силах ей помочь.

Они все умерли.

Кэлазан первым обрел дар речи.

И первым потерял рассудительность.

– Что здесь произошло? Что это вообще такое? – Он смотрел на нас сумасшедшими, широко распахнутыми глазами, с тем враждебным гневом, возникающим у человека, который не понимает то, чему он стал свидетелем, но готов найти кого-нибудь, чтобы обвинить во всем.

Мне было почти жаль его, но времени на сантименты не было.

– Не стоит зря расходовать воздух. – Я повернулась к Нинавис: – Успокой его. У нас много дел и очень мало времени.

Она и сама выглядела немного удивленной, но расправила плечи и коснулась ладонями рук Кэлазана:

– Мы и так зашли очень далеко. Просто пойдем со мной еще немного дальше.

– *Что здесь творится?* – Он никак не хотел успокаиваться.

– Колдовство, – огрызнулась я. – Настоящее колдовство, а не те сказки, которые используются как предлог, чтобы убить старых кобыл, у которых слишком много бородавок на подбородке. Нам нужно уходить, Кэлазан. И как можно скорее. Сейчас. Клянусь, как только мы уйдем отсюда, я все тебе объясню.

Его лицо побледнело от страха, или гнева, или и от того, и от другого одновременно.

– Это сделал барон?

– Нет, – сказал брат Коун. – Я видел женщину, которая произнесла это заклинание. Если бы они были с бароном заодно, она бы не оставила его умирать⁵⁶.

Кэлазан замер:

⁵⁶ Конечно. Я бы ни за что так не поступила. Наверное.

– Он мертв? Тамин мертв?

В его голосе звучала такая надежда, такой ужас, такое... сожаление, что у меня просто разбилось сердце.

Я заглядывала в знамя Барсину лишь по особым случаям, подбирая в качестве оправдания турниры. Кэлазан вырос вместе с Тамином. Они вместе играли, вместе исследовали мир, шепотом делились тайнами и мечтали стать рыцарями.

– У нас нет времени выяснять это. Дорна, нужно... – Я поморщилась, вспомнив, что Дорна на площадке для турниров. – Неважно. Я соберу наши вещи. Каждый пусть возьмет свои, но даю на это всего пять минут. Берете, что можете, и следуете за мной.

– Не хотелось бы портить такой хороший план, но дым, похоже, убивает не только людей, но и лошадей. – Нинавис оглянулась на конюшни.

Я выругалась. Она была права. Наши животные были беззащитны.

Сэр Барамон, склонившийся над павшим рыцарем и державший его за руку, поднял голову. Прежде чем встать, он поцеловал его в губы и снял с тела мужчины полосатый шарф.

Я стиснула зубы и отвернулась. Вот уж что мне не было сейчас нужно, так это напоминание о том, что погибшие были людьми, которые жили своей жизнью, любили кого-то, *были для кого-то важны*. Задумавшись об этом, я бы просто не смогла жить дальше, так что я прогнала эти мысли и попыталась быть как можно жестче.

Думаю, мне это было проще, чем остальным.

У меня было больше практики.

Я поймала себя на мысли, что рада тому, что синий дым мешает видеть. Колдовской дым клубился в воздухе, над землей, скрывая под туманом мертвые тела. А еще мне бы хотелось, чтобы он замаскировал зловоние, идущее от такого количества трупов.

Сэр Барамон повязал шарф вокруг руки.

– Если Таларас и Арасгон готовы, они могут какое-то время выполнять тяжелую работу. По крайней мере, до тех пор, пока мы не установим, насколько большую площадь заполняет дым. Может быть, он не достиг города.

– Если на то будет воля Восьми, – согласилась я. – Собери все, что тебе нужно. Арасгон, не будешь ли ты так добр, чтобы позволить Нинавис еще раз воспользоваться твоим седлом? Мы сможем встретиться на ярмарке и найти там остальных.

– Ган? Данго? Ты сказала, с ними все в порядке? – спросила Нинавис.

– Если только с ними не случилось что-нибудь в мое отсутствие. Но нам нужно узнать это как можно быстрее.

Я побежала наверх. Все наши пожитки мы везли в одном саквояже и нескольких тюках. В том, чтобы путешествовать налегке, есть свои преимущества, хотя для меня это означало, что на торжественный вечер у местного аристократа у меня практически не было красивой одежды.

О вечеринках я сейчас думала меньше всего.

Затем я опустила подъемный мост, и мы отправились в путь.

Для того чтобы разгрузить ногу Нинавис, она ехала верхом на Арасгоне, а я пошла рядом с ним, так что мы помогали друг другу ориентироваться в этом непроницаемом тумане.

Я задумалась, было ли это похоже на путешествие через песчаные бури Хорвеша или метели в далеком Северном Йоре. Если, конечно, не считать воздушные пузыри вокруг головы...

Ладно. Думаю, если бы не свежий воздух, державшийся вокруг головы, я бы была не в том состоянии, чтобы ломать голову над этим дымом.

Уже на полпути к ярмарочной площади я заметила, что кто-то движется по главной дороге. Не идет, как кто-то, отмеченный знаком, а ползет. Как раненый. А может быть, умирающий.

– Брат Коун, там кто-то есть... – Я не могла поверить, что кто-то мог выжить в этом проклятом дыму. Судя по тому, как этот кто-то корчился в конвульсиях и полз на коленях, ему было очень больно. Если у него и был знак на лбу, то он был ранен.

Я подошла и наклонилась, чтобы получше разглядеть этого человека. Желудок подкатил к горлу, и я почувствовала привкус желчи на губах.

– Во имя Восьми! – прошептала я.

Это был Тамин.

У него не было знака на лбу, да и где бы то ни было тоже. Белокожая колдунья оставила его умирать. Каким-то образом он не умер.

Хотя и пытался.

Лицо Тамина безобразно побагровело. Синий дым танцевал вокруг его губ и ноздрей. Он открывал рот, хватая ртом воздух, но, несмотря на это, он каким-то образом все еще был жив.

Однажды я слышала о девочке, которая утонула в реке, протекающей недалеко от замка Толамер. Она провалилась зимой сквозь тонкий лед, а потом обнаружила, что не может подняться на поверхность. К тому времени, как местные фермеры пробили лед и привели ее к жрецу, она была без воздуха целых десять минут – и выжила. Все согласились, что такова была милость Восьми. Ну и, конечно, ее спасла холодная вода.

У Тамина таких преимуществ не было, и будь я проклята, если Восемь были на его стороне.

Брат Коун опустился на колени рядом со мной. Он не колебался ни мгновения. Впрочем, как никогда не колебался, если чья-то жизнь была в опасности. Он нарисовал символ на лбу Тамина.

Я покачала головой:

– Дым уже проник ему в легкие.

– Я найду способ вытащить его, – сказал он. – Какая-то сила удерживает этого человека в живых. Его случай не похож на другие. Если из раны не вытащить меч, ее не получится излечить даже магией.

Я услышала за спиной крик Нинавис:

– Кэлазан, нет!

Мне этого было достаточно.

Я вскочила и обернулась как раз вовремя для того, чтобы увидеть Кэлазана, рванувшего ко мне с мечом на изготовку. Но метил он не в меня. Кэлазан приберег свой гнев для барона, приказавшего казнить его отца, сделавшего преступником самого Кэлазана и готового убить его и всех его товарищей. Приберег свой гнев для человека, предавшего их дружбу.

Кэлазан увидел меня и прикинул свои возможности:

– Уйди с дороги, мой господин.

– Я – твой господин?

Он дернул уголком рта. Даже несмотря на дым, стоявший между нами, я видела, как горят его глаза.

– Похоже на то.

– Тогда опусти меч.

– Но он... – Кэлазан указал на Тамина. – Он был твоим другом еще до того, как ты встретила меня. Тебя он тоже предал.

– Он был *нашим* другом, – поправила я его. – Но нашего друга больше нет. Не знаю, что с ним случилось, но подозреваю, что что-то ужасное. Я не знакома с той тварью, что корчится на земле позади меня. Если ты боишься, что я собираюсь защищать Тамина, вместо того чтоб свершить правосудие, будь спокоен.

– Тогда позволь мне... – Он шагнул вперед и замер, когда я вскинула руку:

– Он здесь единственный, кто, вероятно, сможет рассказать, почему произошло все то, что случилось сегодня, а также назвать виновных в этом. Как граф Джората, я связана клятвой защищать эту провинцию. Я обязана узнать, кто это сделал, и убедиться, что они никогда не смогут повторить это. Меня не волнует, что случится с бароном Барсины, но мне нужен живой *свидетель* до тех пор, пока я не выясню правду о том, что здесь произошло. Понял?

Кэлазан облизнул губы, его лицо было угрюмым, как у собаки, которой не дали воды.

– Понял? – повторила я.

Он вложил клинок в ножны.

– Я понесу его за ноги, а ты сможешь взять его за голову.

Я могла бы нести Тамина и сама, но, если нести его вместе, брат Коун мог сделать для этого человека все, на что он был способен. Я кивнула и взяла Тамина под мышки.

Мы направились дальше к ярмарочной площади. По пути я изо всех сил старалась не смотреть на тела, усеивающие землю. И дым помогал в этом, гневно скользя между нами, ярясь нашему побегу.

Не думаю, что это преувеличение. Возможно, туман и в самом деле был зол. Дым действовал почти разумно. Надеюсь, я просто это выдумала⁵⁷.

Добравшись до площадки для соревнований, я увидела Данго и Дубину вместе с дюжиной других людей, которых мы спасли. Все они были заняты тем, что складывали тела рядом с заготовленными для костра дровами. Дорна помогала им.

Я еле сдержала себя, чтоб не наорать на них, не рассказать, что они идиоты, а то и хуже.

Они не знали о демонах столько, сколько знала я.

Кроме того, я не могла кричать: неизвестно, сколько продержится пузырь из воздуха.

Я опустила Тамина и жестом приказала Кэлазану сделать то же самое. Тамин немного успокоился – служение брата Коуна принесло свои результаты, – но цвет его лица оставался все таким же ужасным. Может, он и выживет, но уже никогда не поправится.

– Что вы задумали? – спросила я Дорну. Спокойствие, напомнила я себе. Я должна сохранять спокойствие.

– О, Данго сказал, что мы должны разжечь погребальный костер. Ну, знаешь, потому что... – Дорна сделала многозначительный жест.

– Сейчас не время для погребений, – сказал брат Коун.

Я вздохнула и подавила желание ущипнуть себя за переносицу или врезать кулаком кому-нибудь в лицо, все равно кому.

– Мы, в Джорате, сжигаем наших мертвых не по религиозным соображениям, брат Коун. Мы делаем это, чтобы убедиться, что демоны не захватят их тела. Вы видели, что случилось с Дедрю. Это может случиться с любым, чье тело оставлено гнить⁵⁸.

Брат Коун удивленно заморгал, глядя на меня:

– Что?

Я нахмурилась:

– Твой орден – эксперт по борьбе с демонами. Как случилось, что отец Зайхера никогда не рассказывал об этом?

Брат Коун уставился на меня:

– *Что?*

Я вздернула бровь.

– Я видел, что Дедрю одержим, – взвизгнул он, – но я предположил, что черная магия вызвала демона... – Он повернулся к Нинавис и уже шепотом спросил: – Она серьезно?

⁵⁷ Он притягивается к мыслящим существам в пределах определенного диапазона от точки рассеивания, так что для тех, кто не знает, что это, он может *казаться* вполне разумным. Мерзкая штука.

⁵⁸ У меня есть некоторые соображения относительно того, почему это происходит на восточной стороне Драконьих Башен и не происходит на западной, но мне нужно проработать некоторые детали.

Нинавис понимала наши обычаи.

– Как металл. Демоны должны завладеть живым человеком, чтобы призвать больше себе подобных, но они могут завладеть и мертвыми. Заставить их двигаться. Заставить их убивать. Там, откуда ты родом, все иначе?

Он что-то забормотал себе под нос.

Я же вновь повернулась к Данго и Дорне:

– Так что у меня всего два вопроса. Во-первых, как вы собирались разжечь костер, если колдовской дым гасит огонь? И во-вторых, вы действительно собираетесь сжечь эти тела, используя зачарованные с помощью ритуала колья, предназначенные для отправки душ прямо к поджидающим их демонам?

– О боги, – выдохнула Дорна.

Глаза Данго расширились от ужаса:

– Но?..

Я указала на колья:

– Это дерево нельзя использовать. Это дерево нельзя использовать и здесь нельзя сжигать мертвецов – иначе ты просто выполнишь за колдунью всю ее работу.

Дубина в ужасе отбросил кремь и брусок стали, с помощью которых он хотел разжечь костер.

– Будь они все прокляты! Мы должны сжечь тела!

– Нет, – поправила его я. – Мы *хотим* сжечь тела. Но так уж получилось, что мы не можем это сделать. Так что прекрати тратить мое время.

Выпрямившись, он уставился на меня:

– Если мы не сожжем их, мертвецы недолго останутся мертвыми.

– Если мы не уедем отсюда в ближайшее время, мы недолго останемся живыми. Мы не знаем, когда рассеется дым. Может быть, когда демоны начнут использовать наших убитых вместо платьев, он все еще будет здесь. Мы не можем ждать. Понимаешь? Мы не можем остановить все это.

– Это тот самый барон? – спросил незнакомый голос. Я мысленно застонала: люди вполне могли захотеть обвинить его во всем произошедшем.

И, возможно, они будут правы.

Послышались новые голоса.

Кэлазан – единственный из всех – заставил их замолчать:

– Кто бы это ни сделал, он не предпринял ничего для того, чтобы защитить Тамина. Он был такой же мишенью для дыма, как и любой из нас.

– А кто сказал, что это не *ты* виноват? – крикнул кто-то. – Он говорил, что ты помогаешь колдунам. Это твоих рук дело?

– Нет! – нахмурился Кэлазан. – Конечно, нет!

– Замолчите! – приказала я.

Они не обратили на это никакого внимания.

Я вздохнула, а затем набрала полную грудь воздуха. Но прежде чем я повысила голос, за меня это сделал Арасгон:

– Мой господин сказал *замолчите!* Вы все живы лишь потому, что она спасла вас! А ну тихо!

Голоса смолкли.

– Спасибо, Арасгон, – сказала я. – Хватайте все, что можете. Встретимся в городе, если дым туда еще не дополз. А если он там, двигайтесь вперед, пока не найдете место, где его не будет, и ждите там.

– Но мой муж...

Несмотря на все мои усилия говорить тихо, мне пришлось повысить голос:

– Если его здесь нет и если мои люди не смогли дать ему благословение, то спасти его уже слишком поздно. Сегодня мы оставляем мертвых там, где они пали. А теперь *идите!*

– Откуда мы знаем, что вам можно доверять?

Я вновь повернулась обратно к толпе. По сравнению с тем, сколько их было совсем недавно, сейчас их было так мало.

– Потому что я все еще здесь. Пусть ваша совесть посоветует, доверять мне или нет. Но если вы останетесь здесь и ничего не будете делать или останетесь здесь, чтобы сжечь своих мертвецов, то скоро сами присоединитесь к ним. Ваши трупы просто добавятся к остальным! Так что делайте свой выбор. А мы уходим сейчас же.

Собравшаяся толпа бросилась искать свои азоки и пожитки, в отличие от Нинавис и ее людей, которые уже расстались со своим скудным скарбом.

Отряд Нинавис увеличился в размерах. Я узнала кузнеца, что выходил из азока посмотреть на нас прошлой ночью, а также чернокожую девушку с серебряными волосами, которая привела его.

Дорна хорошо справилась, спасая их всех, плюс свою лошадь, Кусачую Крошку, и милого мерина брата Коуна, Облако. Всего несколько десятков людей в дополнение к тем, кого спас брат Коун. А ведь ярмарку посетили тысячи.

Нет. Я не должна была задумываться об этом.

– В какой стороне город? – спросила я Арасгона.

Он вскинул голову, указывая сквозь дым. Насколько я могла судить, он с таким же успехом мог указывать на замок, но я знала, что он лучше меня чувствовал направление.

Я помогла Кэлазану поднять Тамина, и мы отправились в путь.

11: Восемь Врат

Провинция Джорат, Куурская империя.

Через два дня после того, как Деворанские пророчества перестали быть чем-то гипотетическим

– Этот дым уничтожил целый город? – Кирин даже не пытался скрыть ужас в голосе. – Сколько людей погибло?

Джанель нахмурилась:

– Я не считала.

– Чуть больше трех тысяч, – сказал брат Коун⁵⁹. – Нам еще повезло. В обычной ситуации население Мерейны составляло около пятнадцати тысяч человек, но большая часть сбежала, скрываясь от охоты на колдунов, устроенной бароном.

– И все же... – Кирин обнаружил, что не может выразить, насколько опустошенным он себя почувствовал от этой новости.

Она бросила на него пронизывающий взгляд:

– Ты должен знать, с чем столкнешься. Эта бутылка голубого дыма наверняка не уникальна.

– Любой, кто использует подобное оружие, – монстр.

– Не буду с тобой спорить, – мягким голосом сказала Джанель.

Кирин наклонился вперед и вытер глаза ладонью:

– Это неправильно. Я до сих пор не знаю, сколько человек погибло в столице. Не знаю, слышали ли вы...

– Я слышала, – сказала она. – В том, что произошло в столице, нет твоей вины.

– Если бы я не вернулся... – Он уставился на огонь в камине, оборвав речь на полуслове.

– Если бы ты не вернулся, Гадрит все еще был бы «жив» – или как еще можно назвать его частичное освобождение от разложения?

Кирин нахмурился:

– Это звучит почти так, как будто ты его знала.

– Может быть, и знала, но не стоит забегать вперед, не так ли? Давай позволим брату Коуну продолжить. – Она улыбнулась: – Ему нравится эта часть.

– Неправда! – запротестовал брат Коун. – Эта часть очень печальна! – Но читать он тем не менее начал.

Рассказ брата Коуна.

Мерейна, Знамя Барсина, Джорат, Куур

Увидев солнечный свет, брат Коун с трудом справился с искушением упасть на землю и вознести молитву Селанолу – это означало, что дым не достиг города. Там должны были быть выжившие.

По крайней мере, хотя бы немного.

На окраине города их поджидала небольшая кучка людей. Всего несколько десятков, которые по разным причинам не были рядом с ярмарочной площадью, когда случилась катастрофа. Но и среди них были погибшие. По крайней мере, несколько горожан попытались разыскать родных и близких, не обращая внимания на облако. О том, что с ними случилось, говорили лежащие на границе колдовского дыма тела.

В отличие от людей, у животных дела обстояли лучше: какой-то врожденный инстинкт побудил их к раннему бегству. Расстроенные и раздраженные долы стаями бродили по главной

⁵⁹ Три тысячи семьсот восемьдесят пять. Я всегда считаю.

улице. Все шесть используемых на ярмарке слоних сбежали и сейчас бродили по улочкам в поисках утешения или заунывно трубя в поисках друг друга. Несколько лошадей тоже вырвались на свободу, но большинство все-таки погибло в загонах.

Брат Коун с каким-то тупым оцепенением наблюдал за беспокойно снующей Джанель, чувствуя, что он не готов смириться с тем, что только что произошло.

Не будь Коун знаком с графом, он бы сейчас и не догадался, сколько ей лет. Казалось, Джанель невосприимчива к смертям, свидетелями которых они только что стали, невосприимчива к ужасу, да даже к шоку. В то время как сам брат Коун чувствовал, что он готов в любой момент сломаться, граф приказала выжившим разделиться на группы и велела обыскать город: кто-то мог не знать о том, что появился демон, а кто-то мог просто сбежать. А раз так, они могли укрыться в своих домах, молясь о том, чтобы весь этот кошмар миновал их. Джанель приказала людям собрать все припасы, конфисковать фургоны, подготовиться к эвакуации.

Она была обучена этому, подумал он. Всю свою жизнь она училась быть тем голосом, за которым в чрезвычайной ситуации последует любой. Она считала себя главной, и, следовательно, это было правдой⁶⁰.

Брат Коун наблюдал, как люди исчезали во внутренних двориках, пока наконец не сообразил, что же он видит. Сходни. В каждом из двориков были расположены сходни, уходящие под землю или в глубь склона холмов. Создавалось впечатление, что жители Мерейны попросту забыли построить дома над своими подвалами. Круглые груды камней, которые он принял за кострища, были дымоходами.

Услышав крики, брат Коун очнулся от размышлений: это Данго рывкнул, чтоб выжившие замолчали. Граф Джанель накинула на плечи длинный красный плащ, который, должно быть, прихватила с турнирной площадки. Было очевидно, что на ней доспехи, но догадаться, что именно она и была Черным Рыцарем, было нельзя. Сейчас граф заняла место Нинавис на спине у Арасгона, используя высоту его роста для того, чтобы обратиться к толпе.

– Сегодня на Мерейну напали, – объявила Джанель. – Против людей Мерейны была использована подлая черная магия. Синий дым, который виден позади нас, – проявление колдовства, и он убьет любого, кто задержится рядом с ним, не имея защиты. Мы не знаем, сколько продержится дым, но пока он здесь – нельзя сжигать мертвых. А потому здесь небезопасно находиться после захода солнца.

– А как насчет Привратного Камня? – крикнул кто-то из-за спин людей.

– А что с ним? – откликнулся сэр Барамон. – Он сейчас в замке! Для нас он с таким же успехом может находиться на дне озера Джорат.

Нинавис нахмурилась:

– А что случится завтра утром, когда Хранитель Врат откроет портал?

Джанель заколебалась, и выражение ее лица смягчилось.

– Все зависит от того, будет ли он достаточно глуп для того, чтоб пройти сюда... – Дорна вытерла об юбки пальцы, перепачканные перцем. – Конечно, он должен пройти. Только так он сможет открыть ворота всем участникам турнира и путешественникам, которым нужно возвращаться домой. Если он будет достаточно умен, он сможет остаться там, и тогда он увидит дым и расскажет своим людям в Доме Де Арамарин, что что-то пошло не так. Но если он не обратит на это внимания? – Дорна пожала плечами: – Думаю, он либо умрет от колдовского дыма, либо встретится с местным исчадием ада, когда они начнут бродить здесь, в округе, и тогда он умрет от *этого*.

– Но ведь получается, что это хорошо, да? Когда Хранители Врат поймут, что один из них не вернулся, они пошлют армию, – сказал Данго. – Как раз через Врата.

– Нет, – сказал Кэлазан, – это как раз таки последнее, что они сделают.

⁶⁰ Подожди, пока она не окажется в столице. И поверь мне, это уже не будет правдой.

Джанель склонила голову в знак признания:

– Он прав. Если Хранитель Врат шагнет сюда завтра, для того чтобы открыть порталы, по которым смогут вернуться посетители турнира, то его уничтожит либо дым, либо одержимые демонами мертвецы. В любом случае после этого не будет открыто ни одного нового портала. А если у него хватит ума *не проходить сюда*? Тогда тоже не будет открыто ни одного нового портала. Но протокол будет соблюден, и от него не будет никаких отклонений.

– Протокол? – послышался новый голос. Это спросил Гозен, который до этого был вынужден уступить свое место на соревнованиях Джанель.

– Система Врат – величайшая сила Куура, – объяснила Джанель, – но она же и ее самая большая слабость⁶¹. Если вражеские силы получают контроль хотя бы над одним из Привратных Камней, они смогут за считанные секунды переместить армию в любую точку империи. Каждый титулованный аристократ в каждой провинции обучен протоколам действия при вторжении смертных или демонов. В этом случае Привратный Камень считается утерянным и находящимся в руках врага. И тогда куурская армия действительно откроет Врата, но не здесь. Здесь этого ни за что не произойдет. Они попытаются открыть Врата через Привратный Камень, который находится как можно ближе к нашему. И убедившись, что Врата можно открыть безопасно, армия вернется сюда, чтобы узнать, что случилось с местным Привратным Камнем. Но это займет как минимум неделю.

– Неделю?! – разинула рот Нинавис. – Да за неделю здесь оживут все трупы!

– Я в курсе.

– Но что мы можем?..

– В зависимости от близости к Мерейне армия может использовать восемь мест, – объяснила Джанель. – Они наугад выберут Врата, которые откроют, для того чтобы гарантировать, что ни одни вражеские силы не смогут предсказать, откуда придут солдаты империи, и залечь в засаде. Для того чтобы встретиться с армией и рассказать им, что произошло, нам нужно разделить на девять групп. Восемь из них отправятся к точкам открытия Врат и встретят солдат до того, как они придут в Мерейну.

– А зачем девятая группа? – спросил кто-то.

Джанель посмотрела на Нинавис:

– Не все из нас могут путешествовать быстро. Среди нас есть дети, раненые, больные и старики. Им нужно будет укрыться в безопасном месте. Едва зайдет солнце – и город станет небезопасен для любого живого существа. Я не знаю этого знамени и потому спрашиваю у вас: где мы можем укрыться?

Люди зашептались и начали переглядываться:

– Старая мельница...

– Там поместимся только мы двое... Да вдобавок она насквозь прогнила...

– А как насчет Холодных Вод? Сейчас там никого нет.

– Сейчас и Холодных Вод нет.

– Да? А что там случилось?

– Там? Дебря.

Нинавис вздохнула:

– Я знаю место, где можно спрятаться.

Джанель смотрела лишь на нее. Должно быть, она знала, что у Нинавис есть логово, но она давала женщине шанс самой рассказать об этом.

Но стоило Нинавис заговорить, и это, казалось, развязало руки остальным. Закивал и Джем Накиджан, и Дубина, и Видан, и Ган, Которая-Как-Выяснилось-Не-Была-Дочерью-Мельника.

⁶¹ Ну да, так оно и есть. Когда-нибудь это может стать проблемой. Обидно, правда?

– Да, – согласился Данго. – Там хватит места на всех.

– Отлично. – Джанель махнула рукой в сторону толпы. – Теперь мне нужны восемь лучших всадников и все лошади, которые есть. Добровольцы, шаг вперед.

Пока Джанель и остальные занимались распределением команд, брат Коун сосредоточил свое внимание на бароне Тамине. Изгнать дым из легких Тамина он, конечно, не мог, но то, что они выехали за пределы дыма, весьма помогло барону. Больше всего Коуна мучила слепая паника, горевшая в глазах барона. Казалось, что он очнулся, уже пришел в сознание и чувствовал, с каким трудом ему дается каждый вздох.

– Этот знак ему так и не помог? – Дорна опустила на колени рядом с Таминем, проверяя его глаза, рот и нос. Тамин по-прежнему задыхался, хотя уже вроде и не находился при смерти.

– Он очищает воздух вокруг головы, но не думаю, что он может сделать что-то с тем, что уже находится в его легких. Новый воздух не может проникнуть внутрь. – Брат Коун покачал головой: – Этот знак... Я никогда не видел ничего подобного, Дорна.

Старуха нахмурилась:

– О чем ты говоришь? Ты ведь сам им пользовался. Я просто скопировала то, что сделал ты.

– Но это не должно было сработать! Единственная причина, по которой... – Он осекся на полуслове. – Я объясню все позже. Нужно придумать, как очистить его легкие.

Дорна уставилась на него так, словно он упустил что-то очевидное.

Брат Коун поднял глаза:

– Почему вы так смотрите на меня?

Она наклонилась вперед:

– Разве не предполагается, что ты обучен надлежащим образом? Получил эту блестящую лицензию Синего Дома на магию и все такое?

– Я никогда не говорил вам... – Брат Коун понизил голос до шепота: – Я никогда не говорил вам, что у меня есть лицензия Гильдии Врачей.

В Джорате не стоило рассказывать об этом. Местные верования не очень хорошо сочетались со знаниями, полученными им при прохождении строгого обучения и получении разрешения на практику магии. Джоратцы даже с Хранителями Врат примирялись лишь потому, что этого требовала военная сила Куура и экономическая стабильность. Все закрывали глаза на небольшое применение языческой магии, позволяющей пересекать всю область, чтобы регулярно смотреть на выступления своих любимых рыцарей.

– Ой, да ладно. До того как старый граф нас покинул, он рассказывал о таких, как ты. У тебя ведь есть книжное обучение. Вот к чему я клоню.

– Мне сейчас не нужны ваши насмешки, Дорна...

Она демонстративно закатила глаза и указала на Тамина:

– Так ответь мне на вопрос, жрец: разве подобное не влечет подобное? Ты ведь должен был это выучить, не так ли?

– Что вы имеете... – Брат Коун оборвал речь на полу-слове.

Он ошеломленно уставился на нее, несколько очень долгих, напряженных секунд не понимая, что она имеет в виду. Он ничего не мог поделать с колдовским дымом в легких барона. Однако, да, если бы он мог связать проклятый туман с чем-то достаточно близким к его основной природе – например, с обычным дымом, – он мог бы создать симпатическую связь. А потом то, что случилось с одним, случилось бы и с другим. Брат Коун бросился к своему выюку и принялся шарить руками по карманам.

– Свеча, – бормотал он. – Мне нужна свеча.

– Хм-м-м-м-м... – Дорна протянула ему маленькую свечу из пчелиного воска, но, прежде чем он успел взять ее, отдернула руку. – Не здесь! – возмутилась она. – Ты с ума сошел, жере-

бенок? Не стоит показывать это всему городу, да и вообще любому, кто захочет посмотреть. Лучше отнести его за знамена кузнеца.

Брат Коун почувствовал, как к лицу прилила кровь, но в логике Дорне было не отказать. Если бы местные жители увидели, как он использует на бароне Тамине магию, времени на то, чтобы объяснить, что он жрец, уже не будет.

Они просто сразу потянутся за дубинками и ножами.

А затем он вдруг осознал, что Дорна каким-то образом поняла правила симпатической магии, но сейчас было не время выяснять, откуда она все это знает.

– Ты берешь под мышки. – Дорна подняла ноги барона.

Брат Коун подхватил Тамину, и они втроем неуклюже прошаркали дальше, прячась за большими знаменами и направляясь ко внутреннему дворику с большой крепкой кузницей и рабочей зоной.

Конечно, подумал он. Без особой на то необходимости лошади не захотели бы спускаться под землю, даже если бы здание было с мостками.

Остальные горожане были заняты тем, что слушали инструкции Джанель, а потому не уделяли внимания странной троице. Брат Коун надеялся, что им удалось отнести Тамину в кузницу незаметно для остальных.

Откинув в сторону полотнище, Коун открыл дверь в каменную кузницу. В этой части Куура коней подковывали нечасто, так что Коун предположил, что кузницу использовали для мелкого ремонта турнирной брони и тому подобного. Огня в топке было достаточно, чтобы зажечь небольшую щепку, от которой брат Коун, в свою очередь, и зажег свечу Дорны.

Плохо сделанная свеча сильно дымила. Дым был совершенно обычным – густым и серым. Идеально подходящим.

Взяв свечу в одну руку, Коун, скрестив ноги, сел на усыпанный соломой каменный пол патио, убедился, что ему хорошо видно тело хрипло кашляющего Тамина и дым, поднимающийся спиралью от крошечного оранжевого огонька, а затем глубоко вдохнул и попытался войти в Озарение.

Это было нелегко. За сегодня он видел столько ужасного. Все, чему он стал свидетелем, промелькнуло в сознании, подобно преследующим призракам. Наконец он успокоился достаточно для того, чтобы *видеть*, пусть при этом и не пользовался обычным зрением.

Внутри Тамина закручивалась темная, извивающаяся синяя масса, которая боролась с золотой аурой, вспыхивающей над его телом. Световые волны отбивались от синего облака; когда золотой свет отступал, возвращалась тьма.

Голубая энергия казалась скользкой от злобы. Брат Коун сконцентрировался и атаковал своей волей это создание и обнаружил, что оно реагирует подобно живому существу. Оно попросту вывернулось из его рук, выскользнуло из его хватки.

Дым, подумал брат Коун. Ты всего лишь дым.

Пот тек у него по лбу, оставляя дорожки на коже, покрытой пылью и пеплом, но брат Коун не собирался сдаваться, не собирался останавливаться. Победа пришла так внезапно, что мужчина даже пошатнулся, как будто земля ушла у него из-под ног.

Тембр кашля Тамина изменился. Если раньше он походил на кашель человека, давящегося костью, то сейчас он стал кашлем человека, давящегося мокротой после долгой болезни. Затем он перекатился на бок, и его вырвало дымом, вырывавшимся у него из носа и рта.

Обычным дымом.

Барон, тяжело дыша, перекатился на спину. Закрыв глаза и глубоко, прерывисто вдохнул. Лицо тоже обрело нормальный цвет.

Дорна хлопнула брата Коуна по плечу:

– Отлично сработано, жеребенок.

Брат Коун откинулся назад на пятки и посмотрел на Дорну:

– Как давно вы знаете обо мне?

Пожилая женщина пожала плечами, делая вид, что разглядывает свои ногти:

– Думаешь, я могла не заметить, как охранник, которому проломили череп, не умер? Я стара, а не слепа. – Взяв с верстака копытный крючок, она осмотрела его наконечник, а затем небрежно положила себе в карман. – Тебе ведь не объясняли, что значит быть Кровью Джораса?

– Мне нужно... – Хриплый голос Тамина почти не напоминал речь.

– Что тебе нужно, так это хороший пинок под зад, – заявила Дорна. Наклонившись, она схватила аристократа за воротник и потащила его за собой. В обычных условиях у нее бы ничего не получилось, но сейчас силы Тамина иссякли. Вначале он поковылял за ней почти на коленях, но затем смог встать. В конце концов он выкрикнул что-то бессвязное и вывалился на улицу.

Брат Коун последовал за ними, не уверенный, хочет ли он видеть, что произойдет дальше.

– Мой граф! – окликнула Дорна.

Джанель оглянулась. Стоило ей увидеть Тамина, и она тут же бросила горожан и направилась к Дорне с братом Коуном:

– Ты исцелил его.

Брат Коун не мог сказать, обрадовала ли ее эта новость. Возможно, она и сама этого не знала.

– Как бы то ни было, он не умрет от дыма. У него и без этого куча других проблем.

– Джанель... – выдохнул Тами́н.

Граф стиснула зубы и, раздувая ноздри, уставилась на Тамина. А затем медленно уперла кулаки в бока:

– Кто была та женщина, Тами́н? Сиделка стража. Чужачка.

– Я не... – сдавленно прохрипел он. – Я не знал... Я понятия не имел... что она... что она устроит.

– Я не спрашивала тебя, знаешь ли ты, что она устроит. Я спросила тебя, кто она.

Вокруг начала собираться толпа. Нинавис и Кэлазан с трудом сдерживали остальных людей, пытаясь убедить их, что нужно потерпеть. Джанель не обращала на это никакого внимания.

– Она была... – Тами́н облизал губы. – Она была рабыней. Рабыней-долтаркой. Сенера. Ее звали Сенера.

Джанель нахмурилась еще сильнее:

– Она командовала этими солдатами. Рабыни не командуют солдатами⁶².

– Релос сказал... сказал, что она была рабыней. Он привел ее... – Тами́н поморщился: – Можно воды?

Брат Коун потянулся за бурдюком с водой, а Джанель склонилась на Тами́ном:

– Кто такой Релос Вар? Расскажи мне о нем.

Брат Коун протянул Тами́ну бурдюк, и барон принялся жадно пить воду. И, похоже, после этого ему полегчало, поскольку голос зазвучал лучше:

– Что я *натворил*?

– Слишком много всего и еще больше – недостаточно. Но прямо сейчас мне нужно, чтобы ты сосредоточился, Тами́н. Кто такой Релос Вар?

Поддерживаемый Коуном, Тами́н с трудом сел.

– Учитель. Мой отец нанял его, чтобы... – Он замялся.

– Чтобы что?

Глаза Тамина засверкали стеклянным блеском. Он глубоко вздохнул:

⁶² О, спасибо. Рада, что это кто-то заметил.

– Чтобы вылечить меня от того, что я колдун.

Кто-то в толпе ахнул. Еще кто-то выругался. Дорна, уперев руки в бока, повернулась к толпе:

– Замолчите, вы все! Либо вы дадите человеку сказать, либо будете отвечать передо мной, понятно?

Джанель, прищурившись, склонила голову набок:

– Колдовство – это не то, от чего можно вылечиться, как от костоломной лихорадки или оспы.

– Я не хотел быть колдуном, – прошептал Тамин, – но я не мог... я ничего не мог с собой поделать. Я таков, каков есть. – Он вскинул голову, пытаясь поймать взгляд Джанель: – Ты знаешь, каково это.

Джанель, скривившись, возвела глаза к небесам, словно обращаясь к своим богам, а затем сосредоточила внимание на друге детства:

– Уверена – не знаю. Расскажи мне. Расскажи мне, как ты можешь быть колдуном против своей воли.

– Если тебя прокляли. А я всегда был проклят, – выдохнул Тамин, – с самого детства. Я лечил животных, лечил порезы и ушибы. Я не понимал, что делаю что-то не так. Точней, я не сразу это понял. Но когда... – Он скривился: – Когда отец был ранен на охоте... Я любил отца, поэтому я... я спас ему жизнь.

– Бедняга, – пробормотал брат Коун. – Если бы вы родились в другом месте, такой подарок судьбы принес бы вам стипендию Академии, *а заодно и* финансовую помощь от Гильдии Врачей. Вы не колдун. Вы – чародей.

Тамин бросил на жреца растерянный взгляд тяжелобольного человека:

– Я способен творить магию. Это колдовство.

– Я так понимаю, – в голосе Джанель звучало явное недовольство, – твоему отцу не нравилось, что у тебя есть дар?

– Нет... – Тамин сжал зубы и отвел взгляд. – Не нравилось.

– Тогда странно, что ты вообще дружишь с человеком, которого твой отец нанял, чтобы наказать тебя.

– Нет, все было не так. Релос Вар – великий человек. Он показал мне, что мне не нужно стыдиться. Мне не нужно было скрывать, кто я такой. – Он понизил голос и бросил короткий взгляд в сторону ярмарочной площади. – А когда отец... – Он не договорил.

– Что случилось с твоим отцом?

Тамин закрыл глаза.

– О, я думаю, и так все понятно, – откликнулась Дорна. – Его отец ненавидел колдовство. А Тамин учился использовать свои «колдовские» способности прямо под носом у своего отца. Так что это был лишь вопрос времени, когда старик поймает его за этим, верно?

Выражение лица Джанель и раньше казалось мрачным, но когда Дорна заговорила, оно стало холоднее льда.

– Так что ты сделал, Тамин?

– Я в этом не виноват!

– Ты барон Барсины. А значит, ты, *по определению*, виноват во всем, что происходит в этом знамени⁶³.

Он вздрогнул от гнева, прозвучавшего в ее голосе.

– Релос Вар сказал, что колдуны и колдуньи прокляли меня. Ты должна знать, каково это. Ты тоже проклята.

Ноздри Джанель раздулись от гнева:

⁶³ Технически Тамин в то время не был бароном.

– Кто тебе это сказал?

– Релос Вар. И он ведь прав? Ты проклята.

– Не колдунами.

– В этом нет никакой разницы!

Брат Коун вцепился в плечи барону:

– Это не так! – запротестовал он, хотя, скорее всего, Тамин не обратил на это никакого внимания.

– Это ты убил своего отца, Тамин?

Мужчина загнанно оглянулся по сторонам, но собеседников со всех сторон окружала толпа. Все жители города прислушивались к разговору, смотрели с нетерпением, ждали его ответа.

– Я не убивал его, – сказал Тамин, – я просто... Я просто убрал свое исцеление. Забрал его обратно. Он должен был умереть еще в первый раз, так что во второй он просто... умер.

Брат Коун заморгал:

– Это действует совсем не так! – и, повернувшись к графу, прошептал: – Исцеление действует не так. Нельзя просто его забрать!

Джанель кивнула, показывая, что слышала его слова, и подняла руку, жестом показав брату Коуну, чтобы он замолчал. А затем вновь повернулась к Тамину:

– А казнить управляющего за смерть твоего отца была твоя идея или Релоса Вара?

– Это была... – Тамин не договорил, но в его глазах появилось что-то темное и призрачное. Казалось, он только что очнулся от кошмара.

Тишину распорол голос маленькой краснокожей девочки с белыми пальцами, поставившей корзинку на землю перед Таминем:

– Кобыла Ксала приготовила тебе на ужин булочки на пару.

На вид ей было лет шесть.

Девочка шмыгнула носом и, вытерев его рукавом, повернулась к пожилой женщине:

– Я правильно сказала?

Та кивнула:

– Все правильно, жеребенок. – И она бросила под ноги Тамину зеленый шерстяной сверток: – Еще тебе понадобится плащ, чтобы согреться.

Дорна выпрямилась и положила руку на плечо Джанель.

Глаза графа расширились.

Брат Коун почувствовал, что настроение толпы изменилось, но он не понимал, что происходит. Тамин сперва выглядел озадаченным, но затем на его лице появилась паника:

– Нет. – Тамин покачал головой: – Нет, мне не нужна ваша милость!..

– Ты возьмешь то, что мы тебе дадим, – мягко ответил ему Кэлазан. Вытащив из-за пояса кинжал в ножнах, он положил их у ног Тамина: – Тебе понадобится клинок, чтобы быть в безопасности

– У меня есть для тебя пара седельных сумок, – предложил Данго. – Твой путь очень долг.

Брат Коун потянул Дорну за рукав:

– Я не понял. Он только что признался, что убил собственного отца, и обвинил в этом отца Кэлазана. Почему они дают ему подарки?

Дорна, скрестив руки на груди, наблюдала, как горожане выбирают разную мелочь: какой-то мешок, веревку, сушеные яблоки.

– Это не совсем подарки... – Она нахмурилась, с трудом подбирая слова по-гуаремски. Она указала на толпу: – Это скорее «оплата услуг»⁶⁴.

⁶⁴ Как я понимаю, раньше это так и было. Эта практика – пережиток, оставшийся со времен, когда «дворяне» Джората

– Что? Не понимаю!

Толпа засуетилась. Подарки были импровизированными, их подбирали из запасов, взятых, когда люди убегали от дыма, – и вряд ли без них можно было обойтись. И все же они со всем презрением отдавали их барону. Отдавали с такой злобой, словно готовы были предложить ему яд, нанести удар ножом.

Тамин заплакал.

Он встал, и по щекам его бежали слезы.

– Пожалуйста, Джанель. Пожалуйста, не позволяй им...

– Не позволять им? – На лице у Джанель появилось недоверчивое выражение. – Это их право.

В его глазах вспыхнул прежний гнев:

– Ты лицемерка! Единственная причина, по которой ты находишься здесь, – это лишь бы избежать *собственного* Осуждения! И ты смеешь упрекать меня в том, что я не желаю отказываться от того, что принадлежит мне по праву, когда сама бежишь от такой же судьбы?!

У Джанель перехватило дыхание. На мгновение Коуну показалось, что она ударит Тамину, но вместо этого она лишь сжала кулаки:

– Я не скрываюсь от правосудия. Я скрываюсь от ублюдка, который думал, что сможет купить кантон Толамер и подкупить людей – *моих людей*, чтобы они Осудили меня, если я откажусь согреть ему постель. Сэр Орет явился со своими войсками, ультиматумами и требованиями о лишении меня имущества, не дожидаясь даже, пока остынет тело моего дедушки, – поправила его Джанель. – Но я не позволяла колдунам, йоранским шпионам и *демонам* иметь полную свободу действий для того, чтобы отправить души моих людей прямо в ад.

– Я не знал, что делаю это! – выпалил Тамин.

– И это лишний раз показывает, что ты слишком молод и наивен для того, чтобы тобой не манипулировали, заставляя делать это вместо себя.

Его смех походил на сдавленное рыдание.

– Слишком молод? Джанель, я на год старше тебя.

– И намного младше во всем остальном.

Тамин вскочил на ноги, не обращая никакого внимания на одеяла, заплечные сумки и завернутую в ткань еду.

– То есть ты ничего не будешь с этим делать? Ты же граф!

– Я не твой граф! – выкрикнула Джанель.

Разговоры разом стихли. Все, кто готовился к отъезду, замерли, стоило ей повысить голос.

– Будь благодарен за это, – уже мягче продолжила она, – потому что, будь я твоим графом, я бы приказала казнить тебя за то, что ты здесь сделал. Я бы сама держала меч. Понимаешь, Тамин? Я видела, как ты приказал убить человека, которого ты только что признал невиновным. Ты убил своего собственного управляющего за преступление, которое *сам же* и совершил. Ты смеялся, когда демон, которого ты наделил полномочиями, убил рыцаря и ее оруженосца, превратив поле чести в посмешище. Ты сжег невинных людей на костре, обвинив их в колдовстве. Ты убил бы еще больше, и все ради одобрения этого Релоса Вара и пророчества, которое он сам же, наверное, и выдумал. Не проси меня вмешаться, Тамин. Тебе не понравится, как бы я поступила с тобой, будь я твоим графом.

Брат Коун вдруг понял, что с тех пор, как Джанель вышла сражаться с Дедрю, она ни разу не назвала Тамину *бароном*.

На несколько долгих, напряженных мгновений повисла тишина. А затем Ган, дочь мельника, – точнее, Ганар, дочь стража Докмара, – вышла вперед, ведя на поводу старую лошадь, и улыбнулась Тамину, хотя это явно далось ей с трудом.

– Я оседлала тебе лошадь. Мне сказали, ее зовут Орхидея. Ночью она плохо видит, так что тебе нужно будет убраться подальше от города до захода солнца.

– Ган... – Тамин выглядел пораженным.

– Не смей, – сказала Ган. – Просто – не смей. Тебе нужно уходить, Тэм, сейчас же. – Ган посмотрела на мужчину, за которого когда-то собиралась выйти замуж. – Я не уверена, что буду мешать Кэлазану, когда он захочет отрубить тебе голову. Думаю, когда он нанесет удар, я даже буду его подбадривать.

Тамин сглотнул. Затем поднял подношения, сунул их в заплечную суму и вскочил на лошадь.

Он поехал на юг. Выжившие молча смотрели ему вслед. А затем, как только он миновал крытое флагом патио самой дальней беседки, все взгляды снова обратились к графу Джанель.

Она настороженно помолчала, а затем отрицательно покачала головой:

– О нет, только не я. Я уже граф Толамер. Я не могу одновременно быть бароном Барсины.

– Ну, и кто же тогда? – спросил Данго. – Уж точно не я. Я точно не хочу.

Брат Коун нахмурился:

– Вы ведь не можете просто... – Он повернулся к Дорне: – Они собираются просто... выбрать... нового барона? Как будто они просто могут его *выбрать*? Разве тот, кому Тамин присягнул на верность... – Он прикусил губу. – Разве граф, которому он присягнул на верность, не будет возражать, чтобы простолюдины просто решили, что барон Тамин больше не главный?

Дорна уставилась на него:

– Это делается не так, жеребенок. Не знаю, как это происходит у вас в Казиваре...

– Я из *Эамитона*.

– Неважно. В Джорате жеребец, который не может защитить свой табун, более чем уверен, что он не может им править. Здесь все, что ты защищаешь, – это то, чем ты правишь.

– Но ведь на самом деле не жеребцы являются жожаками табуна, а кобылы! – С тех пор как он приехал в Джорат, это несоответствие доводило его до безумия.

Она закатила глаза:

– Прекрати говорить об обычных лошадях, когда мы говорим о политике. В Джорате жожаками человеческих табунов становятся жеребцы и только жеребцы. Как бы то ни было, если старого жеребца выгоняют, потому что он не может выполнять свои обязанности, кто решит, кем его заменить? Жожек другого табуна, которого никогда не будет рядом? Нет, конечно, жеребенок. Своего жожака выбирает сам табун. – Она склонила голову набок: – Вот почему я не положила подарок в стопку. Он не мой правитель. Я не давала ему никакого тудадже.

От еретичности этой идеи у брата Коуна закружилась голова⁶⁵. А Дорна говорила об этом столь буднично! Конечно, народ сам определится со своим правителем. Конечно, табун сам может выбрать. Разве может быть по-другому? И если жожек плохо справлялся со своими обязанностями, табун просто... просил уйти... даже не спрашивая, хочет ли он этого. Как Тамин, который только что понял, что ему следует уйти.

Ган положила руку на плечо Кэлазана:

– Бароном должен стать ты.

⁶⁵ О, а мне нравится эта ересь. Подумайте, как джоратцы близки к тому, чтобы отвергнуть саму идею аристократии! Если так пойдет и дальше, они могут даже решить, что человек не должен автоматически становиться главным лишь потому, что таковыми были его родители.

– Я? Но я... – Он оборвал речь на полуслове и повернулся к Нинавис: – Нет, ты должна стать бароном. Ты осознала опасность раньше любого из нас. Ты возглавила борьбу против него.

Нинавис покачала головой:

– О нет, малыш. Я ничего не знаю о том, как управлять знаменем, и не хочу знать. Я воровка, а не лорд. Так что она права. Я желаю тебе удачи самой Таджи.

Сглотнув комок, застрявший в горле, он огляделся по сторонам:

– Ну, если все согласны, то я, конечно, возьму на себя такую ответственность.

Толпа одобрительно зашумела, и громче всех кричал отряд Нинавис.

– Отлично, – сказала Джанель. – Это хороший выбор. Но сейчас... – Она склонила голову, что выглядело, будто она извинялась. – Вам понадобятся восемь лучших наездников и все лошади, которые у нас остались. Нужно, чтобы они могли сменить скакунов, когда те устанут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.